

Анатолий ЧУПРИНСКИЙ

ЛИХОМАНКА

повесть

Москва

Издательство «БПП»

2009

ЧУПРИНСКИЙ

Анатолий Анатольевич

ЛИХОМАНКА

МОСКВА, Издательство «БПП», 2009. — с .

*«Сюжет — как сама жизнь, — продолжил Валера,
— Мужчина, взрослый мужчина нашего с тобой
возраста, неожиданно влюбляется в девчонку. Совсем
ребенка. Лет пятнадцать шестнадцать.*

*— Было. Сто раз. «Лолиту» Набокова читал? —
отрезал Игорь.*

*— Как ты думаешь, читал я или нет «Лолиту»?
— начал тихо злиться Шагин»...*

Этот диалог лучше всего характеризует тему повести, герой которой на собственной шкуре испытывает изнуряющую лихоманку любви.

© ЧУПРИНСКИЙ А.А., 2009

© Издательство «БПП», 2009

Жизнь стала лучше. Богаче, сытнее и веселей. Достаточно бросить взгляд из окна электрички на проплывающие мимо особняки, коттеджи и роскошные загородные дома, как мухоморы после дождя выросшие по всему Подмоскovie, чтоб убедиться в справедливости этого утверждения.

Улицы писательского дачного поселка вблизи Истры неподалеку от деревни Алешкино, обозначались без затей. Первая, вторая, третья... десятая. Центральная, рассекающая поселок ровно пополам именовалась, разумеется, Бродвей. Как же иначе. Справа северные улицы, слева южные. Хотя, вполне могли бы обойтись без этих американских штучек. На каждой улице обитал в настоящем или жил в прошлом какой-нибудь заметный писатель. Или спортсмен. Или просто яркая личность. Вроде Феликса Куприна. Но о Феликсе Куприне чуть позже.

Шестой южной, к примеру, вполне можно было бы присвоить имя прославленного хоккеиста Владимира Сидорова. Неоднократный чемпион мира и Олимпийских игр. Чем не достойный человек? Первая северная могла бы носить имя поэта Фатьянова. Кто станет спорить с подобной кандидатурой?

С четырех сторон сосновый лес. Тишина, чистейший воздух. Идеальные условия для творчества,

приготовления шашлыков и взращивания зеленых помидоров. Любители рыбной ловли и водных процедур тоже не обделены. В полутора километрах Истринское водохранилище. Для совсем ленивых при въезде в поселок пожарный котлован, с годами превратившийся в миниатюрное озеро. Только парочки белых лебедей до полной гармонии не хватало.

Рай, одним словом.

Писательский дачный поселок — мир замкнутый, своеобразный. Чихнешь на третьей улице, с девятой тут же услышишь:

— Что б тебе... ни тиражей, ни публикаций!

Все про всех все знают. Что было, что есть, что будет. И дело тут не только в отличной слышимости. Хотя и в ней тоже. Каждый круглосуточно под беспощадным оком соседских рентгеновских глаз. Не укрыться, не спрятаться. Нечего даже и пытаться. Любая новость передается неведомым образом из одного конца поселка в другой быстрее сотовой связи. Такова специфика.

Любой рай превратить в склочную коммуналку, раз плюнуть.

Нарушали хрупкую идиллию, лишали покоя и сна, разрушали и без того шаткое здоровье обитателей писательского поселка не столько бездарные соседи-завистники, сколько внуки. Точнее, уже правнуки, кои расплодилось прямо-таки в геометрической прогрессии. К великому сожалению, правнуки не унаследовали культурного багажа своих прадедов. Чихали они на традиции хорошего воспитания и нормы человеческого общежития.

Поколение «Пепси», несчастные существа, что с них взять.

Внуки наезжали шумными компаниями каждую пятницу и субботу на шикарных иномарках. Жарили шашлыки, в немыслимых количествах поглощали пиво и вино. Золотая молодежь, «мутанты-мункурты», по выражению все того же Феликса Куприна, резвились обычно две-три ночи напролет. Визжали крайне аморальные девицы, гремела разнузданная порочная музыка, сходили с ума собаки, страдали от негодования и бессонницы коренные дачники из последних могикан.

— Помогите-е!!!

Взволнованный девичий крик метался над сонным поселком. Но ни одна из дверей дач или хотя бы уличная калитка, не хлопнула, не заскрипела.

— Люди-и! Помогите-е!!!

Надрывалась девушка в окне где-то на второй северной улице. Ответом ей была равнодушная тишина, прерываемая только недовольным лаем собак.

Маша мыла «Мазду». Обтягивающие, чуть приспущенные на бедрах джинсы. На груди тряпочка, эдакое подобие кофты, обнажающее спину и большую часть живота. Волосы сзади собраны в веселый белый хвостик. Она с пластмассовым красным ведром в одной руке и тряпкой в другой, порхала вокруг серебристой сверкающей иномарки, и что-то напевала себе под нос. По сторонам не смотрела. И так была уверена, на нее глазают все дачники, гуляющие по центральной улице

писательского поселка. И, разумеется, бдительные соседи из-за заборов.

Посмотреть и вправду было на что. Изящная молодая девушка, порхающая вокруг изящной дорогой машины. Отец Александр Чистовский раз в неделю перед помывкой выгонял машину на общую улочку. Трепетно оберегал экологию своего обширного персонального дачного участка. Чем естественно вызывал недовольство, и даже сдержанный гнев соседей. Потому и сбавлял эту неприятную процедуру на свою семнадцатилетнюю дочь.

«Интересно! Куда она пойдет вечером?» — думал Валерий Шагин, наблюдая за ней из окна кабинета со второго этажа.

Он сидел за столом и, подперев голову рукой, что-то вяло черкал шариковой ручкой на листе бумаги. В основном рисовал чертиков и маленькие домики для гномов. Сбоку на столе по экрану старого компьютера на фоне голубого неба вяло плавали игрушечные самолетики.

Уже который день Шагину катастрофически не работалось, не писалось. Хоть башкой о стенку бейся. «Ни дня без строчки!», вертелся у него в голове девиз Юрия Олеси. Но ведь и по строчке в день тоже нельзя.

«Не иначе опять к своей подруге Кате на восьмую улицу».

— Где мои семнадцать лет? На Большом Каретном, — усмехнувшись, вслух пробормотал Шагин.

Но, вспомнив какой сегодня день, резко помрачнел.

Ровно два года назад на этой даче нелепо погиб его сын Андрей. Одногодок соседки Маши Чистовской. Погиб как-то обыденно и беспощадно. Вошел в душ, закрыл за собой фанерную дверь и... больше не вышел оттуда.

Когда, спустя минут сорок Валера распахнул дверь душа, он увидел у стены обвисшее голое по пояс тело и уже мертвое с чудовищно выпученными глазами лицо. Левая рука сына была задрана вверх, она судорожно стискивала выключатель. Очевидно, сильно вспотевший Андрей, войдя в душ, первым делом, естественно, решил зажечь свет. Протянул руку к старому, постоянно искрящему выключателю, да так и не смог больше ее оторвать.

Дальнейшее запомнилось урывками. Было как в каком-то липком густом тумане. Как в кошмарном сне...

Шагин помнил, как почему-то медленно отступил от распахнутой фанерной двери душа, не имея сил переступить этот проклятый порог, прислонился спиной к стене сарая и медленно сполз вниз, опустился на корточки...

Он мгновенно осознал тогда, сын мертв. Все! Он уже давно мертв! Его уже не воскресишь и ничем не поможешь.

Помнил, как дико закричала на весь поселок соседка Валентина... Помнил, как прибежал похожий на уменьшиную копию Льва Толстого другой сосед, бородатый Феликс Куприн, и начал названивать по сотовому в «Скорую помощь»...

Потом... еще какие-то дачники....Кажется, промелькнул Саша Чистовский, отец Машеньки. Вроде, именно он вызвал из Истры милицию...

Перед глазами Валеры плавали разноцветные круги и кольца. Сходились и расходились в разные стороны. Сквозь белесую пелену он едва различал в тумане какие-то знакомые и малознакомые лица, слышал чьи-то голоса, но ни черта не понимал, о чем они говорят... В голове вертелась одна единственная мысль.

«Надо скрыть от Лиды. Она не должна знать. Она не выдержит».

Тогда Валере Шагину впервые в жизни стало плохо с сердцем. До того дня он и не задумывался, с какой стороны оно находится.

Тысячи раз потом душными бессонными ночами, Шагин казнил себя, что не поменял во время проводку, не уберег сына. Опасался чего угодно, наркотиков, дурных компаний, СПИДа, наконец. Только не электричества.

Несправедливо! Господи, как это чудовищно несправедливо!

Сыну только-только исполнилось пятнадцать. Жить бы еще, да жить!

Наблюдая за развитием его отношений с соседкой по даче Машей Чистовской, Шагин довольно часто глупо фантазировал. В один прекрасный день они, держась за руки, поднимутся к нему наверх в кабинет. Сын Андрей выступит чуть вперед и мрачно и решительно выпалит:

— Мы решили пожениться!

Машенька будет смущаться и непременно покраснеет. Она всегда легко краснеет. В этом случае Шагин нахмурится, отложит в сторону рукопись, строго поглядывая обоим в глаза, начнет набивать трубку. Нарочито медленно, в три приема, по всем правилам. Где-то в глубине, в самом тайнике души слегка позавидует сыну.

Раскурив трубку, с удовольствием выпустит длинную струю дыма в потолок. И только потом, тяжело вздохнув, даст свое родительское благословение.

Несправедливо! Несправедливо!

Шагин уже второй год каждое лето жил за городом в полном одиночестве. Жена Лида, после смерти сына ни на какие уговоры не поддавалась, так ни разу и не приехала на дачу. Ее можно было понять. Здесь об Андрее напоминало все.

Приблизительно через полгода после похорон Андрей начал, чуть ли не ежедневно являться Шагину. Собственно, не совсем точно, «являться». В мыслях он всегда присутствовал где-то рядом. Просто когда отступила первая нестерпимая боль, ушла, глубоко запряталась внутрь и затаилась там, Шагин незаметно для себя, для окружающих, начал постоянно беседовать с сыном.

Давал советы, как следует мужчине поступать в тех или иных ситуациях, делился воспоминаниями о своем детстве, отрочестве и юности, в абсолютной убежденности, уж лично его-то опыт, «сын ошибок трудных» поможет Андрею избежать подобных. Расхожую мысль, чужой опыт никогда не становится

собственным, Шагин отбрасывал, наивно полагая, уж они-то с сыном являются исключением.

Чаще всего в этих фантазиях сын только иронически усмехался на все поучения, наставления отца и, как в реальной жизни, молчал. Партизан на допросе в гестапо, диссидент в кабинетах КГБ. Весь в Лиду.

Словом, в том, что сын продолжает жить, существовать где-то рядом в другом измерении, в другой жизни Шагин даже не сомневался.

После сорокового Валера Шагин с головой бросился во всевозможные халтуры, с остервенением кинулся зарабатывать деньги. Вовсе не потому, что был жлобом. Писательских и издательских заработков им с Лидой вполне хватало. Не шиковали, но и не голодали. Вели достойный уровень жизни. По их понятиям достойный. Бежать, задрав штаны за олигархами, магнатами, новыми русскими или просто за более удачливыми друзьями, подобное ему и в голову не приходило.

Хотя, если совсем честно, последние годы Валерий Шагин вел образ жизни бедствующего литератора-прозаика. В узких кругах популярного. Пять лет назад он неожиданно для всех кинулся в бизнес, зарегистрировал собственное небольшое издательство «Пумма», которое практически состояло из него самого и приятеля Игоря Перкина, художника иллюстратора. Выпустил несколько хорошо распроданных книг, но дальше дела в финансовом смысле покатились под горку.

Долги, кредиты, займы под частное слово... Занять, перезанять... Бедность схватила за горло костлявой рукой и медленно, но верно сдавливала все сильнее. Выручала старенькая «Ока», безотказный ослик, маленькая, экономичная, неприхотливая машина. Мечты о чем-то большом, мерседесообразном, джипоподобном пришлось засунуть куда-то очень-очень далеко.

После смерти сына Шагин сознательно начал нагружать себя все большим и большим количеством дел. Бомбил направо и налево на старенькой «Оке». Подвозил одиноких вечно опаздывающих на работу женщин до метро. С двумя из них у него даже сложились неплохие приятельские отношения.

Потом дал объявление в газету «Из рук в руки» и начал издавал за счет авторов небольшими тиражами повести и рассказы начинающих, в основном молодых и зеленых. Даже зачем-то согласился встречать после школы соседского первоклассника Мишу. За символическую плату пять раз в неделю.

Только б не останавливаться, не задумываться, не оглядываться назад. Но и деньги, конечно, деньги проклятые.

«Небеса не помогают людям, которые бездействуют!», постоянно цитировала Софокла еще в детстве мать Валеры.

Деньги, деньги... Их вечно не хватало, даже на самое необходимое.

А надо было продолжать жить.

Шагин переменял позу. Он всегда на даче за столом сидел, сильно ссутулившись и закинув ногу на

ногу. Какая-нибудь из них постоянно затекала. Приходилось чуть приподниматься из-за стола и перекидывать ноги наоборот. Чаще всего левую на правую. Компьютер по-прежнему демонстрировал самолетики.

Соседка Машенька за окном по-прежнему драила и без того сверкающую «Мазду» и что-то напевала себе под нос. Изредка, незаметно для окружающих, (только не для Шагина!), бросала на его окно быстрые взгляды.

В это лето работалось Валерию Шагину на даче особенно отвратительно. Почти не работалось. Хоть он и пытался убедить окружающих, да и себя самого, три-четыре дня в неделю за городом крайняя необходимость.

Теперь он и сидел за столом и самоотверженно пытался начать работать. Вернее, глазел на молоденькую соседку Машеньку Чистовскую. Она его не могла видеть, только догадывалась о его присутствии на втором этаже. Сквозь зелень деревьев и пыльное окно с улицы что-либо разглядеть внутри дома невозможно.

Вот Маша под окном закончила драить машину, окинула критическим взглядом кузов машины и сама себе одобритительно кивнула головой.

Вот бросила последний быстрый взгляд на окно Шагина и, выплеснув остатки воды из ведра в канаву, скрылась за воротами особняка.

Совсем недавно, вот так же хлопнув створкой, за этими воротами исчезла нескладная угловатая девчонка. Ушла навсегда. Чтоб в следующий раз

появиться взрослой девушкой, молоденькой женщиной.

Это началось ровно два месяца назад.

Два месяца назад ранней весной, Валерий Шагин случайно встретился с сильно повзрослевшей за зиму Машей у калитки своей дачи.

И они встретились глазами.

До этого момента они, как-то так всегда случалось, внимательными взглядами не встречались. Привет, привет, все дела. А тут... он в то же мгновение вдруг почувствовал, на него накатывает какая-то волна щемящей тревожной боли.

Перед ним стояла и в упор, с вызовом и надеждой смотрела прямо в глаза влюбленная молоденькая женщина.

Ошибки не было! Такое ни с чем не перепутаешь. Машенька явно была равнодушна к нему. Именно к нему. Не к его сыну Андрею. К нему.

Как он раньше не замечал этого? Где были его глаза? И весь так называемый жизненный опыт. Как вспышка молнии к Шагину пришло понимание, ясность.

Стало быть, с сыном Андреем она общалась только затем, чтоб быть ближе к нему? Именно к нему, молодому человеку «третьей свежести». Мысленно, Шагин называл себя только так. А после смерти сына периодами вообще чувствовал себя глубоким старцем. В сорок-то лет!

«Только этого не хватало!» — испуганно пронеслось в первое мгновение у него в голове. «Может, пройдет, рассосется как-нибудь?».

В тот день они, казалось, бесконечно долго стояли у калитки и вели какой-то пустой необязательный разговор. А когда он случайно коснулся ее руки, просто так, без всякой задней мысли, вообще началась какая-то виртуальная мистика. Между ними вспыхнула и засветилась ослепительным искрящимся светом вольтова дуга. Он почувствовал, все в нем перевернулось. Но и тогда еще не сразу не до конца понял, что это. Почувствовал только восторг и испуг.

Подобное с ним случилось только однажды. Но лишь что-то отдаленно похожее. В школьные годы. В восьмом или девятом классе. Ту девочку звали Лида. Возможно, он и на своей теперешней женился, только потому, что она напоминала ему ту девочку из параллельного класса.

И вот теперь...

— Почему у меня до сих пор нет вашего телефона?
— спросила Маша.

Ее большие светлые глаза смотрели на Шагина строго и даже осуждающе.

— Диктуйте, забью себе в мобильник.

Недавно отец подарил ей одну из последних моделей, самую навороченную. Естественно, Мария не упускала случая продемонстрировать свой аппарат.

— Легко, — кивнул Шагин.

И скороговоркой продиктовал свой номер.

— Будем связаны радиоволнительными связями,
— добавил он в своей обычной иронической манере.

— Ладно вам! Мы уже давно связаны, — сказала Маша, не поднимая головы.

Искрящаяся вольтова дуга светила все ярче, расширялась. Теперь она уже окутывала этих двоих у калитки прозрачной белесой пеленой, как бы, отгораживала куполом от внешнего мира.

Дальше еще хуже. У Шагина внезапно мелкой дрожью затряслись руки. А на лице, наверняка, появилась испуганная виноватая ухмылка, как у первоклассника. Во всяком случае, именно так подумалось Шагину. Он быстро спрятал руки за спину, согнал с лица эту дурацкую ухмылку и нахмурился.

Вернее, попытался это сделать.

Машенька, казалось, не замечала этого, никак не реагировала. Продолжала нажимать на кнопки мобильного. И изредка поглядывала на него строго и требовательно. С открытостью и вызовом взрослой женщины.

— А ты уже совсем взрослая, — глухим голосом сказал Шагин.

— Заметили, наконец-то! — язвительно отозвалась она.

— А ведь я помню тебя еще вот такой...

Валера поднял ладонь где-то чуть выше своего колена.

— Ладно вам! Без экскурсов в древность, — сказала Маша.

— А теперь...

— Теперь вы, наконец-то, обратили на меня внимание. Спасибо!

— Ты такая... совсем новая, незнакомая, — глупо отметил Шагин.

Вольтова дуга светилась все ярче и ярче. Заполняла своим нестерпимым светом уже всю округу. Писательский поселок со всеми его обитателями и их заботами, окрестные леса и поляны, деревню Алешкино на возвышенности...

— Этой зимой я стала женщиной, — внезапно отвернувшись и поглядывая по сторонам, ровным голосом сказала Маша.

— Машенька! — выдохнул Валера.

— Конечно, я хотела, чтоб это были вы, даже мечтала об этом. Но так уж случилось. Вас не напрягает, что я так откровенно?

Белесый защитный купол с треском лопнул, как гигантский мыльный пузырь.

Именно, мыльный! У Шагина невольно начали чесаться глаза. Того гляди навернуться слезы. Вот только этого еще не хватало!

Но искрящая вольтова дуга между ними не исчезла. Она так же угрожающе гудела. И в этом мерном мягком гуле слышался зов любви.

— Машенька!

— Хочу, чтоб в наших отношениях с самого начала была ясность. Без лжи.

— Машенька!

— Ладно вам! Не удивляйтесь, сейчас другое время. От девственности надо избавляться как от гланд. Чем раньше, тем лучше.

Она говорила все это ровным спокойным тоном. Будто рассказывала о своих предстоящих вступительных экзаменах в МГУ. Только в ослепительном сумасшедшем свете вольтовой дуги

можно спокойно и просто произносить подобные слова.

Шагин несколько раз невольно оглядывался по сторонам. В поселке, как известно, у каждого столба, у каждой калитки имелись длинные уши.

Но юную Марию Чистовскую это ничуть не беспокоило.

Короче, тогда в тот день Валера Шагин очень сильно испугался. Внезапно вспыхнувшая вольтова дуга кого угодно испугает. Она ведь и убить может.

Он никогда не испытывал ничего подобного. И теперь не мог ошибиться. Любящая женщина выдает себя с головой глазами. Достаточно проследить за любой из них, увидеть, как, какими именно глазами они смотрят на того или иного мужчину, чтоб тайное стало явным. Нет, он не ошибался.

Эту фантастическую вспышку тока высокого напряжения, искрящую вольтову дугу, белесое облако успели увидеть и зафиксировать многие в поселке. Иначе и быть не могло. Подобное невозможно было не увидеть, не заметить.

Уже через пару часов поселок загудел, наполнился слухами, домыслами. Как осы, шмели и шампанские мухи слухи множились, пересекались, сталкивались и заполняли собой террасы, веранды, полутемные спальни и просторные гостиные дач и стандартных домиков писательского поселка.

Какие еще события случаются в поселке? Породистый дог Чарли с восьмой улицы покусал болонку Дуньку с четвертой. Делать или нет теперь ей

уколы от бешенства? Усыплять или сажать не цепь волнолюбивого Чарли?

Пенсионерка Иконникова, вдова военного журналиста постоянно швыряет жуков и гусениц через ограду на грядки соседям. И справа и слева. Исключать Иконникову из товарищества или в последний раз строго наказать?

Молодежь, внуки и правнуки первых поселенцев совсем распустились! Каждую субботу и воскресенье привозят в поселок распущенных полуголых девиц. И вытворяют с ними, Бог знает что! А вокруг дети! Вызывать или не вызывать в таких случаях милицию из Истры?

А тут...

Писательский поселок замер в напряженном ожидании.

Перед самым сорокалетним Валерой Шагиным во всей своей неизбежной определенности возникло сложное уравнение жизни, с множеством неизвестных. Предстояло пройти по зыбкой грани между, как бы, моральным преступлением и обретением второго дыхания жизни. Познать то, чего скорее всего он был начисто лишен в предыдущие суетные годы, полные сомнительных успехов, ненужных встреч, знакомств и пустых развлечений.

Кто в этом виноват? И что теперь делать? Вечные русские вопросы.

Тут самое время сказать о Валере Шагине несколько подробнее.

Симпатичный, среднего роста, черноволосый с интеллигентным лицом и умными глазами сорокалетний парень. Или мужчина, как угодно. Люди этого типа до глубокой старости внутри остаются юношами. Такова уж их планида.

В меру практичен, в меру наивен, в меру силен, в меру слаб. Все в меру. Наверняка, Господь Бог, создавая Валеру Шагина, пребывал в хорошем расположении духа. Потому и получился очень гармоничный человек.

Шагин — типичный шестидесятник, со всеми плюсами и минусами этого обманутого поколения. Хотя, по возрасту, он скорее годится в сыновья этим самым шестидесятникам. Впрочем, большинству нынешних молодых вообще непонятна эта терминология. Характер у Шагина «умеренный, при порывах до сильного».

Есть в нем что-то от героев Джека Лондона.

Если б кто-то додумался снять Шагина в кино, Валера вполне достойно мог бы сыграть какого-нибудь научного работника из какого-нибудь секретного НИИ.

Но, увы! Подобный типаж сегодня не в моде. Физики и лирики безвозвратно канули в Лету. В наше подлое демократическое время мужчины, подобные Шагину выглядят, если не белыми воронами, то просто старомодными чудаками, с их детской верой в бескорыстную мужскую дружбу, с их джентльменским отношением к женщинам, пчелиным трудолюбием и бесполезной ныне личной скромностью.

Хотя, женщинам он, все-таки, всегда нравился. Несмотря ни на что. Спокойный, ироничный. На Джека Лондона смахивает. Самый что ни на есть,

положительный тип. Бог их разберет, этих женщин. Стало быть, не до конца вытравили из нашего народа понятия о честности и порядочности.

Многих, при знакомстве с Шагиным, так и подмывает откопать в нем какой-нибудь скрытый порок. Или хотя бы на худой конец небольшую гнусность характера. Пустые хлопоты. Нет в нем ни скрытых пороков, ни затаенной зависти к коллегам, ни откровенного жлобства, которое ныне преподносится, как доблесть.

Не пьет, в смысле, выпивает, но в меру. Курит мало, в основном трубку. Хотя, по сегодняшним ценам это очень дорогое удовольствие. Фальшивых денег и документов не печатает. Взятки никогда не брал и не давал.

Человек из прошлого века. Уходящая натура, короче.

Дачу Валерий Шагин построил сам. В буквальном смысле этого слова, своими собственными руками. Вдвоем с сыном.

Обычно, если человек изрекает, «я построил дом», это еще ни о чем не говорит. Скорее всего, он и гвоздя в стенку своими руками забить не сможет. Просто имеет, (заработал или хапнул), мешок денег. Нанял работяг, они ему и возвели в зависимости от объема этого мешка то или иное строение. А владелец на каждом углу, лопаюсь от самодовольства, вещает, «строю дом!», «я построил дом!».

Валерий Шагин совсем другая песнь. Таких личностей, как уже сказано, вообще немного осталось, но они существуют пока еще в нашей реальной

действительности, хотя их впору в красную книгу записывать. «Шестидерасты», как обзывает их современное поколение «мутантов и манкуртов».

Шагин с детства привык рассчитывать только на себя.

Когда получил от Союза писателей шесть соток, с самого начала решил делать все сам. От фундамента до последнего гвоздя. Вдвоем с сыном.

Самого Валеру всем премудростям строительного дела, (на любительском уровне, разумеется), научил отец.

Теперь пришла пора передать весь опыт сыну.

Сыну Андрею тогда было двенадцать. Самый возраст, когда надо городского парня приучать к физическому труду.

Копать, пилить, строгать, забивать, оттаскивать и с удовлетворением утирать со лба первый по-настоящему трудовой пот.

Лида не могла тогда нарадоваться. Ее мужчины уезжали в пять утра на первой электричке с Рижского вокзала, и возвращались поздно вечером. С ссадинами, синяками и перебинтованными пальцами. Она их кормила на маленькой кухне и с восторгом слушала их мужские вечерние беседы о премудростях строительства.

— Завтра сделаем второй венец.

— Пакля почти кончилась.

— Не беда, купим еще. Главное, с гвоздями затыка нет.

— Не забыть бы, вагонку перевернуть. Неравномерно подсохнет.

Отец с сыном поступали предельно просто. Ходили по соседним участкам, смотрели, как и что делают шабашники. Переносили их опыт на свои шесть соток.

Самое поразительное, у них все получилось. За лето на второй северной улице возникли два вполне приличных строения. Двухэтажный брусковый дом и хозблок в углу участка. Потом еще и сарай с кладовкой.

И душ с фанерной дверью.

Конечно, без посторонней помощи не обошлись. При возведении второго этажа, (стропила, обрешетка, рубероид и все такое), пришлось позвать на помощь друзей, благо их у Шагина пол-Москвы.

Приезжали, конечно. Большими компаниями, с девицами и выпивкой. Со свистом и шуточками на грани фола, с гиканьем и смехом возвели и второй этаж.

И даже обили крышу шифером.

— Ай да мы! Спасибо нам!

— У тебя из какого места руки растут? Кто так гвоздь забивает!?

— Не ори! Не у себя в редакции!

На стройплощадке вовсю бушевал творческий подъем.

В очередной компании помощников всегда находился кто-то наиболее опытный, кто хоть раз в жизни что-то строил своими собственными руками. В стройотряде или у себя на дачном участке.

Вот так и возникла всего за одно лето на второй северной улице дача писателя Валерия Шагина. Правда, фундамент был очевидно кривоват и потому весь дом слегка заваливался на правый бок, но эти «мелочи жизни» вполне можно было списать на неустойчивую

торфяную почву. Участки на болоте всегда осваивать крайне сложно. Любой дачник это знает как таблицу умножения.

Получилось вполне приличное строение, можно жить все лето до поздней осени. Работать, принимать друзей по субботам и воскресениям и вволю дышать чистейшим сосновым воздухом, которого в бывшем образцовом и коммунистическом городе становится все меньше и меньше.

Отец с сыном вставили рамы и застеклили окна. Лида повесила симпатичные занавески. На втором этаже в своем кабинете Шагин повесил полки с книгами и свои афиши спектаклей по идущим тогда пьесам.

Живи и радуйся!

За то созидательное лето Шагин с сыном до такой степени наломались, что осенью на семейном совете Валера жестко поставил точку.

Все! Ни под каким видом больше на даче ничего не достраивать, не перестраивать, не улучшать, не модернизировать! Предела совершенству нет, ясное дело. Пора остановиться. Превращать дачу в вечную головную боль? Как там мои огурчики, мои помидорчики? Гладиолухи и хризантемы?

Не бывать этому!

В противном случае сами не заметим, как превратимся в рабов шести соток. Категорически ничего не сажать, не поливать, не окучивать, не цивилизовывать. Пусть будет на даче кусок живого леса, кусок живой природы.

— Кто для кого? — неоднократно вопрошал он с набитым ртом.

Чаще всего подобные разговоры происходили на кухне поздно вечером.

— Действительно! — сонно кивал сын.

— Человек для дачи или дача для человека?

— Само собой, — соглашался Андрей.

Дача для отдыха, для творчества. Для друзей и приятелей. А не наоборот. Пусть все так и останется запущенным и естественным. Эдакий кусок леса. С небольшим двухэтажным строением на поляне. С окнами на дорогу. И на соседний особняк. Хотя, особняка Чистовских тогда еще не было.

На том и порешили.

Но хитроумная Лида, стоило только Шагину умотать в командировку, тут же наняла рабочих, и их руками пристроила к дому со стороны двора буквой «Г» застекленную террасу. И веранду. К хозблоку то же самое. Террасу с верандой. И бетонную дорожку через весь участок от калитки до хозблока. Все свои тайные зачатки ухнула на это дело.

По возвращению Валеры, помнится долго препирались:

— Зачем, зачем еще эта терраса? — злился Шагин.

— В жару чай пить! — отбивалась Лида. — Кстати, это не терраса, а веранда.

— А это что, в таком случае? — гневно указывал пальцем Шагин на вторую веранду. — Что это? Зачем это?

— Это как раз терраса.

— А это веранда?

— Нет, терраса!

— Чем эта веранда, по-твоему, отличается от этой террасы? Твоей дурацкой застекленностью!? Воздух нужен, чистый воздух!

— Не спорь со мной! Я все-таки окончила Архитектурный!

Помнится, консенсуса тогда так и не нашли. Хотя, очень старались, искали.

— Все!!! — жестким тоном опять ставил точку Шагин.

— Больше ничего! Никаких построек! Никаких клумбочек, грядок и прочей мурлы! Будем просто жить! Жить и радоваться жизни!

Тогда им было чему радоваться. Сохранилась фотография, на которой запечатлена молодая дружная семья. Шагин, Лида, между ними стоит юноша, совсем еще мальчик. Похожий одновременно на обоих родителей.

Все трое улыбаются. Впереди интересная, содержательная жизнь, полная радостей и приятных сюрпризов.

Встречи с юной Марией Чистовской у калитки, на тропинке ведущей к лесу, перед домиком сторожа Миши, на центральной улице у доски объявлений происходили все чаще и чаще. И каждый раз, встречаясь с Машенькой глазами, в груди Шагина поднималась эта волна страха, тревоги, радости и еще черт знает чего! И перед глазами ослепительным сумасшедшим светом вспыхивала проклятушая

вольтова дуга, от которой вполне можно было ослепнуть.

— Машка у меня очень влюбчивая! — буквально через день после той встречи у калитки тревожно объявила ее мать Люба Чистовская.

Она пытливно всматривалась в лицо Шагина, как следователь по особо важным делам. В ее голосе звучала скрытая угроза.

Шагин понимающе кивнул головой, но промолчал.

Люба Чистовская каждый день, точнее, как минимум полдня ежедневно щеголяла по своему участку в облегающем красном халате. Даже при беглом взгляде любому становилось ясно. Под халатом у нее ничего нет.

— Безобразие! Возмутительно! Ты же голая!? — хотелось во гневе воскликнуть их соседу Феликсу Куприну, краем глаза ежедневно наблюдавшего Любу.

Он имел в виду, что под обтягивающим красным халатом на Любе, действительно, ничего не было. Даже невооруженным глазом видно, абсолютно ничего. Как тут не вскипеть!

Большинство соседей, преимущественно мужская половина, не разделяли возмущений Феликса. Молодая женщина. С хорошей фигурой. Почему надо скрывать, если есть что показать.

Феликс был тверд, как камень. Оставался при своем мнении.

— Машка у меня очень влюбчивая!

Шагин хотел, было растолковать Любе. Мол, после смерти сына он решил быть фаталистом. Своеобразным фаталистом. Принимать все происходящее вокруг как

есть. Если что-то случается, стало быть, так должно быть. Всегда происходит только то, что и должно происходить. Делай, что должно и будь что будет. Все давно предрешено и запрограммировано.

Чему быть, того не миновать. И все такое. Все мы только пешки в какой-то большой шахматной партии, которую разыгрывают где-то там, наверху неведомые нам силы. Но объяснять все это матери Машеньки сейчас почему-то не было ни желания, ни сил. Действительно, пусть все идет, как идет.

Чему быть, того не миновать.

— Машка у меня очень влюбчивая!

События между тем надвигались на Валеру Шагина, в полном смысле этого слова драматические. Как вещают с экранов ТВ с непредсказуемыми последствиями.

Вот опять! Прямо по улице под окнами опять прошла Машенька Чистовская. Возвращалась от подружки Кати с восьмой улицы. На левом плече она, торжественно улыбаясь, несла продолговатую желтую дыню. В воздухе разлились ароматы Средней Азии. Казалось, запах дыни проник даже сквозь кусты и закрытое окно в кабинет на второй этаж.

Шагин отложил в сторону ручку, с силой провел ладонями по лицу и выключил компьютер. Сегодня, впрочем, как и вчера и позавчера о работе не могло быть и речи. В голове, кроме юной Марии Чистовской, не было никаких мыслей.

Ожидание каждой следующей встречи с Марией возбуждало, нервировало, вовлекало в какой-то тупой водоворот двух-трех нелепых мыслей.

Мысль первая. Кстати, и единственно вразумительная! Сегодня он должен, обязан, сообщить Марии пренеприятное известие. Между ними ничего такого серьезного быть не может. И точка. Он это скажет твердым голосом, глядя ей прямо в переносицу. Как и подобает взрослому, искушенному в жизни мужчине. Им обоим необходимо срочно выбросить из своих голов это увлечение. Для обоих тут же наступит освобождение, облегчение и все такое.

И окружающие возрадуются. Поговорят, поговорят и успокоятся. И все всё забудут. Так будет лучше. Для всех и каждого.

В том, что окружающие, соседи, знакомые, все, кто хоть мало-мальски знаком с ним и с Машенькой уже давно в курсе дела, Шагин ни секунды не сомневался. Вокруг не глупцы и не слепые. На этот счет он не питал ни малейших иллюзий.

Достаточно вспомнить последний разговор с ее отцом Александром Чистовским. Александром Первым, как называл его Шагин. Старший сын Чистовский тоже носил имя Александр.

Стало быть, Александр Первый и Александр Второй.

В тот вечер Чистовский твердой поступью бывшего спортсмена десятиборца зашел к Шагину. Разогреть на шагинской газовой плитке свой традиционный ужин, борщ с огромными кусками мяса. Весь день в поселке не было электричества, и дачники страдали

неимоверно. Особенно те, у которых не было газовых баллонов. У всех потекли холодильники, большую часть продуктов приходилось выбрасывать.

— Слышал! — с порога начал Александр, грохая на хилую туристическую плиту Шагина огромную кастрюлю с борщом.

— Этот придурок Федорищев совсем спятил! На малолетке женился! Ему шестьдесят, ей восемнадцать! Теперь глотает пачками «Виагру».

— Придурок, — легко согласился Шагин.

Намек он понял. И решил подыграть озабоченному отцу. По возможности успокоить. Речь, безусловно, шла о дочери, не о каком-то там Федорищеве.

Василий Федорищев был их общим знакомым, очень популярным журналистом международником. Знаменит был по всей Москве не своими репортажами из горячих точек. Совсем другим. Основным талантом Федорищева была уникальная способность выбирать себе каждое десятилетие новую жену. В нужное время он оказывался в нужном месте и мгновенно охмурял очередную дочку очередного большого начальника. Так было в советские времена.

В эпоху озверелого либерализма и поголовной рыночной демократии вкусы его изменились. Он моментально переключился на дочек олигархов. Причем каждая последующая жена оказывалась моложе предыдущей ровно на десять лет.

Такая вот наблюдалась закономерность.

Осведомленные московские тусовочные дамы подсчитали, Федорищеву осталась ровно одна жена. Поскольку сейчас ему шестьдесят, очередной

избраннице двадцать. Стало быть, последняя будет десятилетней, как у персидского шаха.

— Если мою Машку какая-нибудь сволочь... — мрачно пробормотал Чистовский.

— У тебя что, Эдипов комплекс? — нейтрально спросил Валера.

Он демонстративно вел себя так, будто это его совершенно не касается. Будто разговор идет о жизни вообще. Так, на отвлеченные абстрактные темы. Надо же о чем-то говорить, пока греется борщ.

— Никакой к чертовой матери не комплекс! — рыкнул Чистовский, помешивая половником в кастрюле.

— Машенька уже вполне взрослый самостоятельный человек, — невозмутимо возразил Шагин.

— Она ребенок! — отрезал сосед.

И надолго замолчал, уставившись сквозь стекло террасы куда-то в пространство.

Шагин тоже молчал. Присел на стул, достал трубку, тщательно по всем правилам набил и с удовольствием закурил.

Лично он давно убедился, девушка в семнадцать лет, отнюдь не ребенок. Вся классическая русская литература тому пример.

— Если кто мою Машку тронет, убью! — в пространство объявил Чистовский.

— И правильно сделаешь, — согласился Шагин. — Все тебя поймут и одобряют. Я в первую очередь.

Чистовский бросил на него быстрый, как укол шпаги взгляд. Шагин и этот взгляд выдержал. Сосед еще больше помрачнел.

Валера Шагин невозмутимо курил. И на челе его высоком не отражалось ничего. По крайней мере, так считал сам Шагин.

— А этот Федорищев совсем с ума спятил. Его надо кастрировать.

— Верно! — подтвердил Шагин.

Оба опять вернулись к общему знакомому.

Короче, в тот вечер, пока разогревался борщ, Александр Чистовский и Валерий Шагин дуэтом, перебивая друг друга, клеймили всех знакомых и друзей, сменивших пожилых жен на молоденьких девиц. Осудили эту подлую западную дурацкую моду. И сошлись на том, что в их возрасте превращаться в старых козлов неприлично.

Нехорошо и даже преступно.

— Борщ будешь? — уходя, спросил Чистовский.

— На ночь? — сморщился Шагин. — Это самоубийство.

— Самоубийство в наше время засыпать голодным! На чем и разошлись.

Шагин намек понял. Надо быть полным идиотом, чтоб не понять. Иначе, с какого перепуга весь этот разговор о Федорищеве? Понял также, теперь он в положении сапера. Один неверный шаг и грянет буря. С непредсказуемыми последствиями.

Где-то на даче в кабинете Чистовский хранит самый настоящий револьвер. То ли, чешского, то ли, израильского производства.

Если Шагин сделает еще хоть один шаг навстречу Машеньки, если он...

Александр Чистовский и пальнуть может. За ним не заржавеет.

— Борщ будешь?

Феликс Куприн слыл среди обитателей писательского поселка барахольщиком. И не без оснований. Сердце его всегда учащенно билось при виде выброшенного на общую свалку старого холодильника, пылесоса или телевизора. Маленького роста, щуплый, подвижный, с большой седой окладистой бородой, Феликс внешне смахивал на уменьшенную копию Льва Толстого. К писательской среде сам Куприн не имел никакого отношения. Хоть и носил вполне писательскую фамилию. Когда-то в конце пятидесятых он окончил Институт Востоковедения. Среди сокурсников были: Женька Примаков, (каждый знает, до каких высот поднявшийся спустя несколько десятилетий) и Юлька Лямпус, впоследствии, знаменитый журналист, писатель и сценарист Юлиан Семенов.

«Не думай о секундах свысока!».

Феликс Куприн мнил себя в поселке Ответственным. С большой буквы. И хотя в правление его не выбрали, а до председателя товарищества ему было еще плыть и плыть, личную сопричастность он ощущал постоянно. Феликсу до всего было дело. И все дачники воспринимали это как данность.

«Эх, где же вы, дни любви-и!» — напевал почему-то в маршеобразном варианте «Элегию» Масне Куприн,

направляясь в тот поздний вечер на общую свалку писательского поселка.

Дело происходило уже спустя две недели после той ослепительной вспышки вольтовой дуги у калитки дачи Валерия Шагина.

С «Элегией» в жизни Феликса были связаны исключительно знаковые события. Под нее он познакомился с будущей женой Дорой в гостях у приятеля сокурсника. Почему-то именно под нее им, молодым специалистам вручали дипломы об окончании института в уютном актовом зале. Ее бесконечно крутили через динамики в советском посольстве в Корее, где Куприн прослужил переводчиком целых четыре года. Лейтмотив жизни, одним словом.

На свалку он ходил ежедневно. Даже по два раза в день. Рано утром и поздно вечером. Избирал при этом хитрую тактику. Проходил свою вторую улицу насквозь, заходил в лес, делал небольшой крюк и только потом, озираясь, как иностранный шпион, выбирался из кустов на бетонную площадку с десятком железных контейнеров.

Ощущал при этом мощнейший прилив адреналина.

Писатели с их женами и детьми в массе своей народ непрактичный, бестолковый. Потому и выбрасывали в контейнеры при въезде в поселок или аккуратно складывали возле них абсолютно еще пригодные вещи.

Чего тут только не было! Треснутые кофемолки и кофеварки, утюги и электрочайники, фены, настольные лампы, соковыжималки, баночки, скляночки, подносы,

треснутая посуда – без счета. О старых телевизорах и холодильниках и говорить не стоит. Каждый день Феликс приволакивал со свалки нечто чрезвычайно ценное. Со всех точек зрения. Весь поселок знал, оба сарая Куприна под завязку забиты разнообразными, еще вполне пригодными к употреблению, но вышедшими из моды или чуть неисправными предметами быта.

— По грибы? — иронизировал сосед Александр Чистовский, в очередной раз, заметив Куприна на улице с вместительной спортивной сумкой за плечами.

— По ягоды! — огрызнулся Феликс.

Конечно, он догадывался, над его страстью посмеивался весь поселок. Но реакция соседа Чистовского просто выводила из себя.

С Чистовскими Куприны были в контрах. Жена Феликса Дора называла их не иначе как «эти олигархи». Что неудивительно. Основательных причин тому были две. Идейная и чисто человеческая.

В период строительства дач Люба и Александр Чистовские работали редакторами в «Нашей гвардии» и «Молодом Современнике». Почвенники и народники, короче. Феликс и Дора Куприны в те времена по убеждениям были совсем наоборот западниками. И даже где-то либералами. Вот вам и конфликт. Вечное противостояние. Восток есть Восток, Запад есть Запад. Им никогда не сойтись. Это каждый школьник знает. А тут, на тебе! Сошлись! В дыму среди равнины. Точнее, среди болота. Оказались даже соседями.

Местные истринские власти писателям под дачи выделили бывшее Змеиное болото. Осваивайте,

процветайте. Плодитесь и размножайтесь. Да еще половину участков оттяпали. Своим, истринским садоводам огородникам. Надо ли говорить, над поселком постоянно роились тучи комаров. Житья от них не было всем без исключений. Но Феликс и Дора Куприны пребывали в убеждении, над их участком выются комары значительно большего размера и значительно более злобные, нежели над участком Чистовских.

Александр Чистовский в период перестройки подался в строительный бизнес. Начал стремительно процветать. Прикупил пустующий соседний участок, построил на нем огромный роскошный трехэтажный дом, приобрел серебристую японскую иномарку. Подарил всем соседям куртки и кепки с символикой «Росдорстрой».

Феликс же с Дорой так и остались скромными пенсионерами. Старая дребезжащая «Волга», крохотный хозблок, вместо дачи, два угрюмых сарая, доверху набитые барахлом с поселковой свалки.

Налицо вопиющая социальная несправедливость. Нет правды на земле! Хотя, ходят слухи, нет ее и выше.

Разумеется, лучше быть молодым и богатым, нежели бедным и старым, кто бы спорил. Но у каждого свои радости. В отличии от Чистовского, у Феликса Куприна была одна, но пламенная страсть. Точнее, даже две. Поселковая свалка и соседка Анечка с девятой северной улицы. Ничего такого у Александра Чистовского не наблюдалось. Потому Феликс был абсолютно убежден, лично он живет более

насыщенной, плодотворной и духовной жизнью, нежели его олигархический сосед.

Года три назад Дора, окончательно озверев, раздираемая изнутри общественным темпераментом, накатала в Правление поселка заявление, аж, на восьми страницах на машинке, с перечислением всех проступков и даже будущих намерений семейства Чистовских. Резолюцию Председателя Правления долгие месяцы цитировали все, кому не лень. Красным фломастером, наискосок, как и положено, в лучших традициях ЦК КПСС размашистым почерком было начертано.

«Чума на обе ваши дачи! Пред. Прав. Вас. Голышкин».

Феликс в этот конфликт не вступал. В сердцах только обозвал особняк Чистовских «Титаником» и больше в этом вопросе жену не поддерживал.

Словом, публика в поселке подобралась самая разношерстная. Тут и бывшие олимпийские чемпионы, и отставные военные корреспонденты. Ну и писатели с поэтами наблюдались. Не без этого.

Небо над Змеиным болотом даже светлыми летними ночами почему-то всегда темное. Ощущение, будто болотные испарения поднялись в воздух и сконцентрировались там наверху навечно. А может, души загубленных змей, жаб, ежей и черепах витают над родным домом? Ни в какую не хотят переселяться в мир иной. Или там нет подходящих болот? Вот они и маются. Мытари наши меньшие.

Ночами в поселке темень беспросветная. Фонари на столбах лишь обозначают улицы, отнюдь не освещают.

На этот случай у предусмотрительного Феликса всегда в кармане куртки фонарик. Небольшой, но достаточно мощный. Само собой, тоже со свалки. Какой-то спесивый олигарх выбросил. Сели батарейки, вот и выбросил. Им, этим новым русским, хозяевам жизни, проще новый купить. Жуть какая-то! Все равно, что выбрасывать машину только потому, что пепельница забилась окурками.

Куприна подобное поведение просто возмущало. До глубины души. Зажрались люди. Ничего не ценят. Ни вещей, ни предметов, ни друг друга.

— Помоги-ите-е!!!

Вдруг донеслось до ушей Феликса. В это мгновение он уже возвращался с поселковой свалки. С пустыми руками. Что случилось чрезвычайно редко.

Кричала девушка. Где-то на другом конце поселка.

«Наша вторая северная! Дача соседа Шагина!» — сходу опытным ухом определил Куприн. Несмотря на солидный возраст у него был отличный слух.

Тишину поселка мгновенно взбулгатил низкий сиплый лай Крепа, угрюмого пса, на цепи охранявшего домик поселкового сторожа Миши, мимо которого в данную минуту проходил Феликс.

Крепа, естественно, тут же горячо поддержали на все лады лохматые хвостатые со всех улиц поселка. Несколько заполошенных летучих мышей заметались между крышами домов и деревьями.

— Люди-и! Помогите-е! — продолжала кричать девушка.

Феликс двинулся, было по Бродвею к своей второй улице, но почему-то замедлил шаг. Потом вовсе остановился. И еще раз прислушался.

Что-то не устроило в этом крике. Не было в нем, как показалось Феликсу, подлинного страха. Девушка кричала слишком обыденно. Скорее обозначала. Формально, одним словом.

«Без божества, без вдохновения!» — отметил про себя Феликс.

Он некоторое время стоял в задумчивости посреди Бродвея. Размышлял, как поступить дальше?

Активная жизненная позиция так и подталкивала к дому соседа Шагина. Пойти разобраться с манкуртами. Наверняка Шагин опять отдал ключи от дачи каким-то приятелям своего сына. Он и раньше еще при жизни сына практиковал подобную порочную практику. Сам уезжал в Москву. Наверняка, сегодня именно этот вариант.

Резвятся мутанты-манкурты! Пора положить конец этому беспределу!

С другой стороны наступало время вечернего чая. Отменить эту процедуру Феликс не мог, ни при каких обстоятельствах.

Кружка бодрящего темного напитка – это святое. Цейлонский чай Феликс глушил кружками каждые два-три часа уже несколько десятилетий. С обязательной сигаретой «Ява».

Именно потому был всегда энергичен, деятелен и абсолютно здоров. Несмотря на свои семьдесят два года.

Он подождал пару минут и, круто развернувшись, направился на свою улицу. Но пошел не как обычно, решил сделать крюк, обойти стороной дачу Шагина. Почему-то не хотелось проходить под его окнами. Не хотелось и все тут!

— Что там опять? — недовольно спросила Дора, не отрывая взгляда от экрана старенького телевизора «Рекорд». Тоже с общей свалки, разумеется.

— Манкурты развлекаются, — буркнул Феликс.

Манкуртами или мутантами Куприн крестил направо и налево всех, кому меньше двадцати пяти. И был тысячу раз прав.

— Я им, мерзавцам, скоро устрою! — мрачно пообещал Феликс.

— Я приглашаю вас на прогулку!

Упругие сосновые шишки одна за другой с гулким стуком бились в стекло окна дачного кабинета, падали вниз на капот и крышу старенькой «Оки». Сидевший до того в глубокой задумчивости, почти в прострации, в каком-то тупом оцепенении, Валера Шагин от неожиданности вздрогнул и быстро выглянул в окно.

На улице перед домом прямо под его окном в ослепительном свете утреннего солнца стояла весело смеющаяся Маша.

Казалось, она сама излучает солнце, светится изнутри.

— Я приглашаю вас на прогулку!

Валера засуетился, сунул зачем-то в зубы трубку, потом положил обратно на стол и, шлепая по лестнице старыми тапочками, спустился вниз. Вышел по двор.

Пока шел до калитки, успел согнать с лица глуповатую улыбку, которая неизменно появлялась на его лице при виде Машеньки. Он это знал. Боролся с этой идиотской улыбкой, мобилизую всю силу воли. И постоянно терпел поражения.

Шагин подошел к калитке, настежь распахнул ее.

Маша стояла посреди улочки в простеньком желтом сарафане. Одной рукой подбрасывала на ладони шишку, другой отгоняла от лица надоедливого комара.

Конечно, улыбалась. Она всегда улыбалась.

— Ну! — весело спросила она.

— Куда? — едва заметно поморщившись, поинтересовался Шагин.

В это утро ему совсем не хотелось куда-то идти. Настроение не соответствовало.

— Просто так, прогуляться.

Писатель и издатель Валерий Шагин секунду помедлил. Посмотрел на свои ноги. На старые домашние тапочки, которые сопровождали его по жизни постоянно. В поездах, гостиницах, на даче.

— Надо что-нибудь надеть, — неуверенно пробормотал он.

— Ладно вам! — решительно заявила Маша. — Идем, как есть. Босиком.

Шагин удивленно поднял брови. Простейшая мысль, что по земле можно ходить просто босиком, давно уже не приходила ему в голову.

— Выбросите свои древние тапочки! — засмеялась Маша. — Вы в них похожи...

— На кого? — насторожился Валера.

— Не скажу! — продолжала Маша, подбрасывая на ладони сосновую шишку. Она продолжала смеяться.

Шагин еще мгновение подумал, потом скинул тапочки, нагнулся, взял тапочки в руку и, сильно размахнувшись, забросил их на свой участок.

Они шли рядом, почти касаясь плечами по уже начинающему нагреваться асфальту Бродвея. Шагин стабильно хромал на обе ноги сразу. Ступнями постоянно наступал на мелкие камни, которых на асфальте всегда почему-то было в избытке.

«Конь на четырех ногах, и тот спотыкается!» — почему-то вертелось в голове.

Машенька, поглядывая на Валеру Шагина, весело улыбалась и уверенно топала загорелыми ногами, будто всю предыдущую жизнь только тем и занималась, что шлепала босиком по асфальту.

Когда свернули в поле, чтоб срезать угол до деревни Алешкино, ногам стало полегче. Перед ними веером разлетались во все стороны кузнечики. Белыми кусочками порванной в клочья рукописи над полем порхали бабочки капустницы.

Не сговариваясь, прошли насквозь Алешкино, свернули чуть вправо и направились в сторону водохранилища.

На крутом берегу перед ними, как они и предполагали, как было всегда, и будет вечно, открылась восхитительная панорама Истринского водохранилища.

Где-то там, на противоположном берегу сквозь зелень деревьев проглядывали красные крыши особняков олигархов и звезд шоу бизнеса.

Шагин всегда очень веселился, слыша упорные слухи, будто асфальтированную дорогу от Ленинградского шоссе до ихнего поселка, проложила непосредственно сама Алла Борисовна Пугачева. Перед ним мгновенно возникала эстрадная певица «номер раз!» в оранжевой жилетке и с лопатой в руках наперевес.

Мечта любого фотографа папараци. Она проложила себе дорогу!

— Мистраль! — едва слышно сказала Маша.

— Что? — переспросил Валера.

— Ветер такой. Раз в год прилетает к нам из далеких стран. Мистраль.

Они стояли на высоком берегу водохранилища. Шагин только теперь ощутил, по их лицам и вправду скользил теплый ласковый ветер. Шевелил светлые волосы Марии. Она смотрела широко раскрытыми глазами куда-то далеко.

«Господи! Будь все проклято! Опять трудно дышать и на глаза набегают слезы, как тогда у калитки дачи, когда с треском лопнул защитный купол, гигантский мыльный пузырь. И опять проклятая вольтова дуга слепит глаза. И на лицо напоззает глуповатая улыбка школьника первоклашки. И начинают трястись руки, как у алчного старика.

За что мне это испытание? Эта боль, унижение, радость, страх и восторг! И все в одном флаконе. Я уже не могу спокойно на нее смотреть, как смотрю на

тысячи других девчонок и женщин. От нее постоянно исходит такая волна добра, радости, незащищенности и уверенной силы, что рядом с ней чувствуешь себя совершенно опустошенным, и не знаешь, какой ногой ступить, чтоб не упасть».

Над спящим ночным писательским поселком звенел пронзительный девичий крик. Волнами его настигал и заглушал дружный хор собачьих голосов.

— Люди-и! Помогите-е!

Тот девичий крик в ночи слышали многие из засыпающих обитателей поселка. Но никто и пальцем не пошевелил что-то предпринять.

— Тебя спрашивала какая-то актриса. Сольвейг, кажется.

Валерий и его жена Лида сидели на кухне за традиционным ужином. За окном привычно и нудно гудел Ленинский проспект.

Кухня Шагина, да и вся квартира в целом, являли собой разительный контраст с его дачей. Знающие Валеру близко, поражались. Как ему удастся столь органично вписываться в то, и в другое помещение? Дача за два-три года превратилась в коктейль из туристического бивака и склада старых ненужных вещей и предметов, которые Шагин по широте своей душевной разрешал сваливать многочисленным друзьям и приятелем на обе террасы и веранды. О сарае уже и говорить не стоит, само собой. Московская же квартира, усилиями Лиды все более приближалась к идеалу фирмы «Икея».

Лида очень изменилась за эти два года. Через два-три месяца после похорон на нее внезапно навалилось редкое психическое заболевание. Даже не совсем заболевание, невроз, легкое отклонение от нормы. Паталогичекий страх перед всевозможными микробами. Они начали окружать бедную Лиду легионами, полчищами со всех сторон. Она рыдала, плакала, с утра до вечера наводила в квартире чистоту. Из дома почти не выходила.

Попытки Валеры растолковать жене, что это в порядке вещей. Так всегда было, есть и будет. Человек ежеминутно вдыхает несколько сотен микробов, невидимых невооруженным глазом, и столько же выдыхает. Микробы, бактерии и прочая микроскопическая живость, такая же составная часть жизни на этой планете, как океаны, моря и города, ни к чему не привели.

Лида судорожно боролась за чистоту родного очага. Воевала с невидимой нечистью всеми современными доступными ей способами. Постоянно почти круглые сутки носила на лице марлевую повязку.

Жизнь нашего Валерия Шагина начала постепенно превращаться в комфортабельное отделение ада.

Консультации с врачами ничего не дали. Да, легкое психическое отклонение. Последствие перенесенной травмы, шока. Надо смириться, терпеть. В конце концов, это всего лишь безобидная форма невроза. Таких людей пруд пруди. Для окружающих никакой опасности не представляет.

И Шагин смирился. Решил принимать жизнь такой, какая есть.

Валера медленно и размеренно поглощал ужин. Именно, поглощал. Последние месяцы у него вообще не было никакого аппетита.

— В конце лета поедem в Турцию. Надо когда-то отдохнуть по-человечески.

— Грязная страна, — испуганно ответила Лида.

И слегка передернула плечами.

— Пол Европы там каждое лето отдыхает.

— У них море грязное. И сами они...

— В море уже давно никто не купается. При каждом отеле есть бассейн. А то и несколько. Ты отстала от жизни.

— Неудивительно. Я ведь нигде не бываю

— Тебя разве вытацишь.

Была ли у них любовь когда-то? Разумеется, да. Была. Хотя женился он на Лиде поначалу исключительно ради московской прописки. Молодому парню с окраины Волгограда практически невозможно было пробиться в столице, не имея этого пресловутого штампа в паспорте. А тут в одной редакции подвернулась симпатичная девушка. С серыми выразительными глазами и длинными русыми волосами. И улыбалась она так, невозможно было не ответить ей тем же.

Однажды Валера изложил ей свои горести-напасти, типичные для большинства начинающих литераторов. Денег нет, прописки нет, с публикациями напряженка. Лида не только посочувствовала. Сама предложила оформить фиктивный брак. У нее есть только сестра. Они вдвоем проживают в большой трехкомнатной квартире. Почему не помочь хорошему человеку.

Временно, конечно, только временно. Под честное слово.

Всем известно, нет ничего постояннее, нежели что-то временное.

Сестра часто уезжала в командировки. У Шагина в этот период дела застыли на нулевой точке. И ни туда, ни сюда. Пару раз Шагин напросился к Лиде переночевать. Ночевки в его возрасте по вокзалам, скитания по общежитиям и квартирам приятелей окончательно обрыдли. Лида согласилась.

Ужинали вместе. На кухне. Здесь же на кухне Шагин и спал. На скрипучей раскладушке. Потом...

Что бывает потом, каждый взрослый человек знает без дополнительных объяснений. Лида оказалась застенчивой, нежной и ласковой, как ребенок.

Словом, когда сестра вернулась из очередной командировки, застала в своей квартире симпатичную дружную семью. Шагин ей сразу понравился. Спокойный, ироничный. Чем-то на Джека Лондона похож.

Что совсем неудивительно. Он вообще всегда нравился женщинам. Черноволосый, подтянутый, аккуратный.

Кстати, в те времена в литературных кругах гуляла шутка. «В Москве самый крепкий брак — фиктивный!». Двое-трое друзей Шагина по этой схеме женились. Потом как-то незаметно фиктивность куда-то испарялась. Создавались вполне благополучные, и даже счастливые семьи.

В жизни всегда все неоднозначно, запутано и переплетено.

— Странно. Сольвейг, это псевдоним? — рассеянно спросила Лида.

Шагин искренне, «чисто по-человечески», порадовался тому обстоятельству, что «какой-то актрисе Сольвейг» не известен его сотовый телефон. Иначе б уже достала до печенок. Все эти в прошлом известные актрисы, как использованная жвачка. Прилипнет, не оторвешь. Барби, чтоб им... ни ролей, ни аплодисментов. Эта тоже, наверняка, хочет опубликовать свои мемуары. Воспоминания о яркой, бурной, супертворческой жизни. Из серии, «Я — московская Мерлин Монро». Станет торговаться, чтоб тираж был побольше, обложка поярче, с ее портретом, разумеется. И желательно, чтоб лично с нее он не взял ни копейки. Напечатал бы ее шедевр исключительно за ее красивые глаза и ноги. В прошлом, разумеется.

Как все надоело! Уехать бы скорей на дачу.

В Алешкино! В Алешкино!

Машенька! Мистраль! Машенька!

За два дня до этого к Шагину заехал на своей задрипанной «Ниве» эстрадный автор и детский драматург по фамилии Гармаш. Как и у всех остальных людей у него, конечно, было и имя. Но все называли его исключительно по фамилии. Шагин даже толком не помнил, как его там? Коля или Толя. Гармаш и точка.

Шагин стоял на перекрестке Бродвея со второй северной улицей и у всех на виду, развлекал разговором Машеньку и ее подругу Катю.

— Как жизнь, девушки? — улыбнулся Гармаш, эффектно хлопнув дверцей «Нивы». Он бегло с ног до головы осмотрел стройную Катю.

— Она по-русски не понимает, — кашлянув, сказал Шагин, — Она кубинка.

Катя недоуменно подняла брови. Машенька незаметно прыснула в кулак.

— По-русски не бум-бум. Только по-испански.

Смуглолицая темноволосая Катя и вправду слегка смахивала на испанку.

— Ее отец крупный судовладелец. Из кубинских эмигрантов, — невозмутимо продолжил Шагин.

Катя от изумления вытаращила глаза, но промолчала.

— Очень состоятельный человек, — поставил жирную точку Шагин.

Гармаш мгновенно сделал стойку. Обаятельно заулыбался. От уха до уха. Он так и не оставил свою детскую мечту, жениться на богатой иностранке. Уехать за границу и вести там буржуазный образ жизни.

— У тебя есть шанс. Ты по-французски волочешь?

Катя и Машенька незаметно для Гармаша переглянулись, подмигнули друг другу. Катя мгновенно сделала холодное надменное очень неприступное лицо. И вправду, стала похожей на иностранку.

Гармаш неловко потоптался на месте, озабоченно вздохнул. Шагин решительно взял его под руку и повел к своей даче.

— Валерик! Дело есть. На сто тыщ! — азартным шепотом затараторил Гармаш, как только они отошли на несколько шагов от девушек.

Гармаш все свои махинации оценивал в «сто тыщ» долларов. Никогда ни одна из его авантур не стоила и сотни. Большинство знакомых в литературной тусовке Дома литераторов его сторонилось. Лишь немногие снисходительно улыбались, выслушивая очередную завиральную идею в «сто тыщ» и одобрительно кивали:

— Флаг тебе в руки!

В этот раз идея Гармаша на «сто тыщ» состояла в следующем.

Шагин должен в темпе, за две-три недели написать и успеть напечатать автобиографию какой-то эстрадной звездочки. Как только Гармаш выпалил, что информация от нее «Это супербомба!», и, что «Вся Москва встанет на уши!», Шагин перестал слушать.

Отвернулся и стал смотреть вслед уходящим по улице к лесу Машеньке и Кате. Они, перебивая друг друга, одновременно говорили и, не переставая, смеялись.

От молодости, от здоровья, просто от хорошей погоды.

Гармаш продолжал бормотать что-то про дикое везение, про уникальную возможность «срубить бабок», про сорок процентов, полагающихся ему, если Шагин не будет дураком и не откажется от удачи, плывущей прямо в руки.

Шагин слушал одним ухом. Расслышал только имя той самой звездочки из шоу бизнеса, от которой исходило столь заманчивое предложение. «Ассоль!»

«Ассоль! Что-то Машенька о ней говорила. Идеал и все такое».

Если бы Шагин слушал Гармаша хоть чуть внимательнее, он был бы более подготовлен к последующим неординарным событиям.

Оповещен, значит вооружен.

Но ему было не до того. Он смотрел вслед уходящей Машеньки и ждал только одного. Чтоб она обернулась и помахала ему ручкой. Если б она этого не сделала, Шагин побежал бы вслед, догнал и, тревожно заглянув в глаза, спросил:

— В чем дело? Что случилось? У нас все по-прежнему?

Машенька не подвела. Прежде чем свернуть к лесу, она не оборачиваясь, заранее уверенная, что Шагин смотрит вслед, подняла над головой руку и помахала ему.

Так и должно быть. Только так.

Все хорошее случается внезапно. Аксиома. Кстати, плохое тоже обычно сваливается как кирпич с крыши. С Шагиным иначе никогда и не происходило.

Утром в Москве на Валеру Шагина свалилось второе неординарное событие того лета. Вернее, ввинтилось в ухо зловредным телефонным звонком.

В трубке прожурчал поначалу нежный девичий голос:

— Валерий Иванович? Вас беспокоит певица Ассоль. Я не оторвала вас ни от каких важных дел?

«Та-ак! Очередной дебильный розыгрыш!» — быстро пронеслось в еще не проснувшейся голове Шагина.

Его постоянно кто-нибудь из друзей-приятелей разыгрывал. Просили своих девиц позвонить и завязать с ним телефонный роман. Секс по телефону. Кретинизм. Шагин терпеть не мог эти дебильные шуточки.

Ассоль, Ассоль! Помнится, Машенька что-то рассказывала о ней. Правда, Шагин тогда почти не слушал. Он любовался самой Машенькой. Какое ему дело до какой-то там Ассоль.

Со слов Машеньки, Ассоль была одной без самых популярных певиц в шоу бизнесе. Третье место на конкурсе Евровидения, сольные концерты, клипы по ТВ, толпы дебильных фанаток и все такое. Ходили какие-то сплетни, будто всеми успехами она обязана исключительно деньгам отца, металлургического магната, но Машенька уверяла Шагина, что это не так.

Сам Шагин лишь однажды совершенно случайно видел и слушал ее на концерте в Доме кинематографистов. Издали, из последнего ряда. Потому никакого определенного отношения к этой самой «Ассоль» у него было.

— Послушайте, девушка! Ваше безграничное чувство юмора хромает на все четыре лапы сразу, у меня с утра всегда болит голова, и мне не хотелось бы.... Кстати, как вас? Сольвейг?

— Не знаю никакой Соль-фиг! — вдруг зло отозвался девичий голос в трубке.

Шагин даже вздрогнул от неожиданности.

— Я певица Ассоль! Вы что, совсем ящик не смотрите?

— У меня, его нет, — соврал Шагин, поскольку именно в этот момент краем глаза смотрел утренний выпуск новостей.

— Ладно вам! У меня вполне деловое предложение.

— Вполне деловое, это как? — кашлянув, поинтересовался Валера.

— Объясню на месте, при встрече. У меня жесткое условие. Вы должны на нашу встречу явиться в темных очках.

Она так и сказала, «жесткое». Как будто могло быть еще и «мягкое».

— Зачем?

— Так надо! — отрезала звездочка шоу бизнеса.

— Понимаю, что надо. Но зачем? — усмехнулся Валера.

— Потом поймете.

— У меня нет темных очков, — решительно заявил Шагин. — Без них никак?

— Достаньте! Я перезвоню! Дело очень срочное. И очень серьезное!

В трубке слышались частые гудки.

«Только детективных историй мне не хватало!» — подумал Шагин.

По своей интеллигентской привычке он почему-то сразу не отказал этой юной наглой звезде отечественной эстрады. Хотя, если бы прислушался к своей интуиции, послал бы эту Ассоль куда подальше. Но в то, что ему эксклюзивно звонила именно певица Ассоль, не какая-то очередная девица от приятелей, он

почему-то поверил сразу. Окончательно и бесповоротно.

Кроме того, захотелось одним глазом взглянуть на «недостижимый идеал» Машеньки Чистовской.

Положив трубку, Шагин поймал себя на мысли. Даже разговаривая по телефону с эстрадной дивой, он параллельно думал о Машеньке.

«Совсем худо дело».

В самом поселке и на его окраинах есть много уютных мест, где можно укрыться от беспощадных любопытных глаз и назойливых встреч. Молодежь поселка, естественно, давно уже освоила все эти укромные местечки.

На окраине поселка на столетнем дубе, там, могучий ствол разделялся на три неравных ответвления, местные любители охоты оборудовали площадку. Из досок и листов толстой фанеры соорудили нечто вроде смотровой будки. С слегка покатым полом и скамеечками из деревянных ящиков. Кто-то даже приволок старый ватный матрас и раскладной алюминиевый столик.

Чуть ли не каждую неделю, как только на поселок опускались сумерки, со стороны опушки неслись подлые ружейные хлопки. Цивилизованные дачники тешили свои пещерные инстинкты. Прямо на поляне в упор расстреливали кабанов, вышедших из леса, полакомиться молодой картошкой. Ружейные хлопки и визги раненых животных не давали уснуть всему населению поселка.

— Влезем? — кивнув на могучий корявый стол, спросила Машенька.

— Легко! — ответил Шагин.

На секунду замешкались. Валера хотел, было по привычке пропустить Машеньку вперед, но тут же сообразил. Глазеть на нее снизу вверх будет не совсем прилично, хоть она и в джинсах.

Шагин полез первым. Подниматься оказалось легко и просто. Скобы, вбитые предусмотрительными губителями животного мира, делали подъем пустяковым занятием. Шагин даже пару раз останавливался и галантно протягивал Маше руку.

На площадке оказалось на удивление просторно и как-то очень комфортно. Сквозь густые дубовые ветви часть поселка, поляна перед лесом и сама опушка леса, как на ладони. Почему-то не верилось, что с наступлением сумерек отсюда во все стороны вспышками и хлопками разносится смерть.

Шагин ненавидел охоту. С детства. Еще мальчиком как-то отец взял его с собой. Подстрелил тогда отец всего одну утку. Вернее, подранил. На всю жизнь запомнил Шагин тот страх, ужас и боль, которые успел разглядеть в глазах той несчастной утки. Нет, он не ошибался тогда, это не было детской фантазией. Он вполне отчетливо разглядел тогда в глазах несчастной пернатой — боль, страх, ужас!

— Она же живая-а! Ей больно-о!!! — хотел заорать тогда во все горло.

С того момента, как отрезало. Шагин возненавидел охоту во всех ее проявлениях. Даже рассказы Тургенева

и главы Толстого, посвященные охоте, не читал. Не любил даже разговаривать об этом.

Шагин с Машенькой сидели на дубу в довольно неудобных и нелепых позах. Напротив друг друга. Слегка касаясь, друг друга коленками. Машеньку это только забавляло. Шагин почему-то нервничал.

Ему невольно вспомнился эпизод из Марка Твена, когда Том Сойер с Бекки Тетчер заблудились в пещере.

«Впадаю в детство!» — весело подумал он.

— Покурим? — улыбнулась Маша.

— Трубку дома оставил.

— Могу угостить сигаретой, — опять улыбнулась Маша.

Она постоянно улыбалась. Шагин мог поклясться на чем угодно, хоть на Библии, хоть на Уголовном кодексе, по утрам, едва раскрыв глаза, она уже улыбалась. Недаром в школе ей единогласно, причем тайным голосованием, одноклассники присудили сразу два звания: «Мисс Обаяние» и «Мисс Доброжелательность».

Это дорогого стоит. Подобную оценку за баксы не купишь.

Маша достала какую-то экзотическую пачку. Длинные сигаретки, набитые черным табаком. На вкус горькая полынь и ничего больше. Впрочем, Машенька совсем не затягивалась, пускала кольца. Пыталась пускать.

Шагин же затыкнулся, поперхнулся, закашлялся. Машенька засмеялась.

— Трубка вам больше к лицу. А запах вашего табака... полный отпад! Однажды на улице одного

бородатого увидела, трубкой дымил, как вы. Я как учуяла запах вашего табака, чуть за ним не поплелась собачонкой.

— Опрометчиво с твоей стороны.

— Ладно вам! Я удержалась.

— Знаю я этих бородатых. С ними надо ухо держать востро. Особенно, девушкам твоего возраста.

— Но он курил ваш табак! Как вы не понимаете!

Она опять смеялась.

Оглушительно стрекотали кузнечики на поляне под дубом.

— Команда КВН нашего факультета самая сильная...

— На нашем факультете почти нет сынков и дочек. Вы понимаете, о чем я?

— Все преподаватели нашего факультета...

«Наш факультет! Наш факультет! Наш факультет!»

Машенька произносила эти фразы таким довольным и категоричным тоном, будто уже давно была зачислена в самый престижный ВУЗ страны. Стояла в списке принятых в первых строках.

Шагин молчал. Улыбался и слушал. Вряд ли она знала о суммах, потраченных ее отцом на репетиторов. И не только на репетиторов. Наверняка, если и догадывалась, предпочитала не брать это в голову. Меньше знаешь, как известно, веселей живешь.

Машенька ни на секунду не закрывала рта, словно боялась остановиться. Боялась, что им не о чем будет говорить.

— Вы ведь любите современную музыку? Наверняка, хорошо разбираетесь. Писатель должен

хорошо разбираться в современной музыке. Иначе отстанет от жизни, будет неинтересен своим читателям. У меня очень много дисков. Вы, наверняка, их знаете, правда? «Я буду лучше, чем она», Земфира, Гоша, — загибая пальцы, перечисляла Маша.

Шагин только улыбался и едва заметно покачивал головой.

— «Юра! Юра! Я такая дура, что в тебя влюбилась!», помните? Мне жутко нравится, очень смешно! Еще у меня есть «Глюкоза», «Виagra» и Жанна Арбузова. И Гоша, конечно. Помните его песню...

Наконец Шагин не выдержал:

— Машенька! Я не знаю ни одно из этих названий. Ни одна из этих фамилий мне абсолютно ни о чем не говорит!

— Ладно вам!

Выражения «Ладно вам!» и «Между прочим» Машенька вставляла почти в каждую фразу. С самыми разнообразными интонациями. Смысл варьировался от ироничного одобрения до недовольного отрицания.

— «Ассоль» — то вы, наверняка, знаете! — продолжила она. — Ее все знают.

— Что-то слышал. Краем уха.

— «Ассоль» — моя любимая певица, — строго сказала Машенька. И даже перестала улыбаться. — Моя звездочка, идеал нашего поколения.

Шагин очень смутно помнил эту самую «Ассоль». Видел как-то раз издали в Доме кинематографистов. Голос, вроде, ничего. Внешние данные, тоже как будто в норме. Особого впечатления она на Шагина не произвела. Потому сейчас предпочел не углубляться.

Машенька же, по ее словам, «просто балдела» от этой звездочки шоу бизнеса третьего разряда.

— Я человек из прошлого века. Ты отдаешь отчет, сколько мне лет?

— Ладно вам! Возраст любви не помеха. Между прочим, сегодня закрутить роман со старичком, самая модная фишка. Мои подружки мечтают об этом.

— Спасибо.

— Я не в том смысле. Меня это не касается. У нас особые отношения.

«Отношения?» — мелькнуло в голове Шагина.

— Между прочим, к вашему сведению, я хожу на теннис, — улыбаясь, продолжала она. — И еще хожу на фитнес. Беру дополнительные уроки английского. После Нового года запишусь на курсы в автошколу. Хочу сама водить машину. Чтоб вас обгонять на шоссе.

Машенька, по-прежнему улыбаясь, продолжала перечислять все свои мыслимые и немыслимые достоинства. Только бесконечной жаждой окончательно вырваться из детства, утвердиться в статусе взрослой женщины, можно было оправдать это наивное простодушное хвастовство.

— Между прочим, мое имя, Мария, означает «возвышенная»!

— Потому мы и влезли на дерево.

— Вы, действительно, похожи на Джека Лондона.

— По-моему, нисколько.

— Ладно вам! Так говорят все мои подружки. Я показывала вашу фотографию.

Когда спускались вниз, Шагин первым очутился на земле. Поднял руки вверх и Маша, опершись на его

плечи, легко спрыгнула на землю. Но рук с его плеч не сняла. Более того. Обвила его шею и голову руками, приподнялась на цыпочки и замерла так, уткнувшись носом ему в шею.

Шагин слышал, как бьется ее сердце.

— Почему ты не сделаешь навстречу мне даже шага? Почему?

Оглушительно трещали в траве кузнечики.

В эту секунду произошло невероятное. Всего на мгновение из-за соседних кустов показалась... фигура сына Андрея. Шагин довольно отчетливо разглядел, как сын, улыбаясь, показывал ему большой палец. И одобрительно кивал.

Хотя, улыбка у него была какая-то недобрая.

Это видение длилось всего мгновение. Шагин чуть не вскрикнул. Изо всей силы прижал к себе Машеньку. Она уперлась кулачками ему в грудь и удивленно отстранилась. Конечно же, почувствовала что-то неладное.

— Что с тобой?

— Нет, нет. Все в порядке.

— Ты даже побледнел. Я что-то не так сказала?

С каждым днем, часом, минутой, проведенной с Марией Чистовской, Шагин все больше и больше выпадал из реальности. Все реже и реже вспоминал сына. Видения не в счет. Они возникали в самые неподходящие моменты и очень нервировали. Никаких привычных традиционных обстоятельных мужских разговоров с сыном, никакого общения не происходило.

Он все реже и реже разговаривал с ним.

Все реже видел себя со стороны, что еще совсем недавно было присущим ему качеством. Постоянный самоконтроль, самоограничения, дисциплина и все такое.

Когда вспоминал Андрея, накатывало жгучее чувство стыда и краска заливало лицо и шею. Шагин недовольно морщился, качал головой и так тяжело вздыхал, глядя на свое отражение по утрам в ванной, что если бы кто-то увидел его в этот момент, подумал бы, у этого сорокалетнего спокойного и внешне уверенного в себе мужчины на днях случилось большое несчастье.

И этот кто-то был бы недалек от истины.

Сын Андрей был странным мальчиком. непохожим на других. Каждый родитель убежден, именно его ребенок неповторим, уникален, разнообразно талантлив. Шагин в этом смысле был исключением. Считал своего сына способным. Способным по многим направлениям. Но не более того.

Теперь, задним числом, Шагин понял, он был пристрастным к сыну, недооценивал его редкостной индивидуальности.

Андрей был сдержанным парнем, ни с кем не откровенничал. Хотя, замкнутым или угрюмым не был никогда. Скорее наоборот.

Была в нем какая-то раздражающая всех загадка. Вроде, открытый, легкий на подъем, с естественными простыми реакциями. Всегда готов посмеяться чужой шутке, в том числе и над собой. Но что-то все-таки раздражало в нем Шагина.

И не только его.

Учителя постоянно жаловались на его внутреннюю замкнутость Андрея, его недоверчивость. Он, хоть тресни, никого не пускал в свой внутренний мир.

На вопрос Шагина, почему он неискренен и неоткровенен с учителями, сын удивленно поднял брови и спокойно заявил:

— Я в школу хожу не на исповедь. Не обязан выворачиваться наизнанку перед каждой МарПупкой.

«МарПупками» среди друзей он скопом называл всех учительниц. Что делать, в их школе учителя были сплошь женщинами. Одна из них так и называлась — Марина Пульхерьевна. Это надо, такое отчество иметь? Языкастые старшеклассники, естественно, окрестили ее «МарПупкой». И точка. Андрей не был исключением. И, несмотря на категорический запрет отца, называл бедную учительку только так.

Странный был мальчик Андрей Шагин.

Например, он любил театр. Единственный из всего класса. Не театр вообще. Один конкретный театр. Малый академический. Не фанатично, как-то очень спокойно и последовательно. Каждый свободный вечер тщательно одевался перед зеркалом и шел на очередной спектакль. Администраторы его давно знали в лицо, встречали приветливо, без звука вручали бесплатный пропуск на свободные места.

Андрей знал поименно всех актеров и актрис Малого. Наизусть цитировал большие куски из пьес Островского. Какой сегодняшней молодой паренек, нормальный, без вывихов способен на такое?

Сын в этом смысле был среди приятелей не то, что белой, полосатой и в клеточку вороной. Только

одноклассники и приятели над его старомодной страстью к Малому театру почему-то никогда не посмеивались. Относились спокойно и даже с некоторым уважением.

Шагин недоумевал. Здоровый нормальный современный парень. Ему бы по дискотекам шататься, да тискать нетрезвых девиц. И не только тискать, пора уже. А его Андрей каждый свободный вечер просиживал штаны в партере Малого театра.

Сам Шагин, хоть и писал для театра пьесы, и не без успеха, внутренне был к сценическим подмосткам равнодушен. Не горел.

На озабоченный вопрос отца, не собирается ли он, не дай Бог, поступать в театральный на актерский факультет, Андрей ответил:

— Я пока в своем уме!

Сказал, как отрезал. Уверенно и спокойно. В тот раз у Шагина отлегло от сердца. Но ненадолго.

Загадкой был сын Андрей. Загадкой был, загадкой и ушел. И не разгадать эту загадку уже никогда.

Где-то после второй или третьей встречи Шагин и Мария одновременно поняли, теперь надо соблюдать крайнюю осторожность. Последние дни оба Чистовских родителя постоянно пребывали на даче и, надо думать, не дремали.

Шагин и Маша не сговариваясь, соблюдали конспирацию. Конечно, она была шита белыми нитками, эта конспирация.

Но они оба очень старались.

Если утром Маша выходила из ворот и, бросив быстрый взгляд на его окно, направлялась к опушке леса, якобы, побродить одной, погулять, подышать сосновым воздухом, то Шагин через пятнадцать минут покидал свой участок и направлялся в противоположную сторону, напрямиком к водонапорной башне.

Чаще всего они встречались именно около нее. У бокового крана, где любители особенно чистой, еще незамутненной ржавыми трубами воды, наполняли канистры.

Маша подставляла под струю голые ноги и мыла их, задирая при этом сарафан почти до пупа. Потом, зажав ладонью кран, обливала Шагина с ног до головы. Вернее, пыталась это сделать. Чаще всего он предусмотрительно отходил на безопасное расстояние. Оба весело смеялись.

Светилась многоцветной радугой ослепительная вольтова дуга.

Потом, взявшись за руки, шли в лес, подальше от поселка.

Шагин постоянно быстро оглядывался по сторонам. Смешно было признаваться самому себе, но боялся он только одного. Вот-вот из ближайших кустов опять возникнет фигура сына Андрея. И он опять начнет с неестественной улыбкой показывать большой палец и одобрительно кивать головой.

Машенька, конечно же, отвлекала. Самим фактом своего пребывания рядом. Самим фактом своего существования.

Потом, чаще всего, они валялись в густой по колено траве, бесконечно целовались. Но дальше этого дело не шло.

Оба оттягивали решающий момент.

— Помогите-е!!!

Взволнованный девичий крик метался над сонным поселком. Но ни одна из дверей дач или хотя бы уличная калитка, не хлопнула, не заскрипела.

— Люди-и! Помогите-е!!!

Надрывалась девушка в окне где-то на второй северной улице. Ответом ей была равнодушная тишина, прерываемая только недовольным лаем собак.

Как верный старый пес, оставленный хозяином на неопределенное время в будке перед домом, прислушивается к далеким шумам, принюхивается к порывам ветра, так Валера Шагин вел себя на протяжении последних нескольких дней.

Он ждал Машеньку. Ждал Машеньку. Ждал встреч с ней.

Ждал. Ждал. Ждал.

Она не появлялась в особняке уже целых три дня. Бесконечность, плавно переходящая в вечность. Ее сотовый телефон не отвечал.

Сильно ныло в груди, где-то посредине. Что там, сердце, душа? Будучи совсем не мнительным человеком, Валера бесконечно сравнивал свое теперешнее состояние со всеми им испытанными ранее состояниями, ощущениями. И не находил аналога. Ничего подобного он никогда не испытывал.

В эти дни поселок будто вымер. Будто ожидал дальнейшего развития событий на второй северной улице. Под окнами кабинета стабильно дважды в день проходил только Феликс Куприн. Первый раз утром в сторону поселковой свалки. Эдакой независимой «прогулочной» походкой. Но с вместительной спортивной сумкой за плечами. Второй раз уже ближе к вечеру, явно со свалки. Сгибался под тяжестью чего-то тяжелого, металлического в той же спортивной сумке. С целеустремленным остекленелым взглядом на лице.

Валера Шагин не был фаталистом. Ни в какие приметы не верил. Но однажды, после смерти сына, ему вдруг пришла в голову странная мысль. Судьба или наш персональный ангел хранитель время от времени посылает нам знаки. В образе самых разных людей. Надо только быть предельно внимательным. Уметь увидеть, разглядеть и понять.

Не раз и не два Шагину приходило в голову, что судьба, демонстрируя ему Феликса Куприна, наглядно, как бы, показывает лично ему, Валере Шагину, его будущее, его старость. В первый раз от такой мысли Шагин разозлился. Внутри все взбунтовалось против такого нелепого финала. Во второй раз он взглянул на Феликса и на потенциального себя, под другим углом. Несколько иронично.

«Почему нет? Феликс — честный порядочный человек. Добрый, открытый. Последней гайкой поделиться из своих несметных богатств, если попросишь. Чудаковат, конечно, но все мы не ангелы. У каждого свои заморочки».

Словом, каждый раз сталкиваясь с Феликсом Куприным или наблюдая за ним со стороны, Шагин все больше и больше проникался к соседу симпатией. Точнее, к потенциально возможному самому себе.

«Феликс Куприн – не самый худший вариант» — уговаривал себя Шагин.

В тот день Шагин уже окончательно отупел от ожидания, когда, наконец-то!, со стороны шлагбаума от домика сторожа моряка-подводника Миши услышал глухой нарастающий гул, похожий на рокот авиационного двигателя. Валера замер в кресле за столом на втором этаже своей дачи. Кожей почувствовал, к их улочке приближается знаменитый американский «Додж Статус».

Об этой машине ему все уши прожужжала мать Маши.

Люба Чистовская была до чертиков горда своим сыном. В его-то годы, и уже купил на свои кровные, честным трудом банковского клерка заработанные! Спортивная престижная машина. Объем двигателя три литра. До ста разгоняется за семь секунд. Знай наших!

Гул усиливался. В нем, действительно, ощущалась недюжинная мощь целого стада лошадей. В шипении шин по асфальту так и слышался шелест зеленых купюр очень крупного достоинства.

«Додж», как распластавшаяся черная акула, медленно свернул с Бродвея, как бы, нехотя проплыл по их улочке и замер у ворот особняка Чистовских. Почти под окнами кабинета Шагина.

Со своей точки из-за стола у Шагина был превосходный обзор. Он успел разглядеть на

пассажирам сидении, рядом с водителями, знакомую белокурую головку с распущенными волосами.

«Додж» несколько мгновений стоял неподвижно, угрюмо рыча, словно раздумывал, не рвануть ли обратно, куда-нибудь туда, на простор Ново-Рижского шоссе. Потом гул мотора стих. Наступила томительная пауза.

Ни Машенька, ни ее брат из машины не показывались, дверей не открывали, стекла не опускали.

Чуть приподнявшись в кресле, сквозь зелень раскидистой ели под окном Шагин разглядел. Сестра, и брат о чем-то взволнованно спорят. Явно не слушая друг друга. Брат Машеньки Александр младший даже размахивает руками.

Шагин каким-то десятым чувством понял, речь идет в нем.

Атмосфера на второй северной, да во всем поселке сгущалась.

События стали налезать одно на другое, торопились, подталкивали друг друга, как пассажиры при шторме долгожданного автобуса.

«У меня теперь стабильно повышенная температура. Как у собаки. Который день горячий лоб. Кому расскажи, не поверят. Обычно болею раз в десять лет исключительно гастритом. Теперь, круглосуточно, то знобит, то бросает в жар. В моем возрасте это просто смешно. Смешно и жалко. Надо при случае захватить из Москвы градусник. Чтоб реально знать, на каком я свете».

Нечто подобное мог бы записать в дневник Шагин.

Но дневника он не вел.

2

Встреча с популярной эстрадной звездочкой состоялась в небольшом уютном кафе, разумеется, под названием «Ассоль», что расположилось на Патриарших прудах. Мода нынче такая по Москве покатила, как снежный ком. Каждая эстрадная козявка норовит открыть кафе под своим именем. Кафе или мини-ателье. На деньги богатого спонсора, само собой.

«Может, мне тоже собственное кафе открыть? «У Шагина». Почему бы, нет. Литературное кафе. В Париже они на каждой улочке во множестве» — залетела в голову Валеры дикая мысль.

Ему каждый день приходили в голову подобные фантазийные идеи. Слава Богу, он не бросался каждую из них воплощать в жизнь.

В это субботнее утро в кафе посетителей почти не было. Только в углу две пожилые женщины с увлечением поглощали мороженое.

Внутри небольшой зал был оформлен, конечно же, в морском стиле. Якоря, канаты, мутные иллюминаторы были понатыканы везде, где только возможно. По стенам и потолку натянуты полотнища алого цвета, которые должны были вызывать ассоциации с «Алыми парусами» Александра Грина.

Валера не успел и шага сделать вглубь крохотного зала, как на него выкатилась бочкообразная бабенка, испуганно, как маленькая мельница размахивающая

руками. Администраторша, очевидно. Менеджер, как модно нынче выражаться.

Наряжена она была, само собой, в морскую тельняшку, обтягивающую ее внушительную грудь, и в черные штаны с клешами по полметра.

— Закрыто! Ничего нет! — таким сиплым голосом старого боцмана, прокуренным и пропитым заявила она, будто за долгие годы плавания отвыкла им пользоваться.

Ей только кривой трубки в зубы не хватало. И попугая на плече. И черной повязки на один глаз.

«Карамба-а! Коррида-а! И черт подери-и!».

— У меня здесь встреча! — раздраженно ответил Шагин.

— С кем? — испуганно выпучила на него свои и без того выпученные базедовые глаза администраторша-боцман.

Шагин несколько секунд молча смотрел ей прямо в переносицу.

— Вы случайно не... писатель? — вдруг сиплым шепотом спросила она.

И совсем тихо произнесла его фамилию. Будто в его фамилии было что-то крайне неприличное, почти матерное.

— Да! — жестко, как на допросе, ответил Шагин, — Но не случайно.

— Тогда проходите, конечно! Мы предупреждены. Обо всем! Располагайтесь вот... здесь. Очень уютный столик.

Кстати, вместо столиков в зале были исключительно бочонки с табуретами.

Шагин не стал спорить, хотя предпочел бы сидеть в углу и в полумраке. А не на утреннем солнышке у самой витрины, с видом на улицу.

— Она... — с нажимом добавила администраторша, — всегда сидит исключительно за этим столиком.

«За этой бочкой!» — мысленно поправил ее Валера. Сказывался литературный редакторский опыт. Мысленно Валера постоянно всех поправлял, редактировал.

— Что закажите?

— Чай! — брякнул Валера. И добавил. — Холодный чай. Настоящий индийский. Со сметаной! Сметану в отдельной вазочке.

Администраторша-боцман понимающе кивнула, будто только и делала всю жизнь, что выполняла подобные бредовые заказы. Зачем заказал сметану, Валера и сам не знал. Просто брякнул, первое, что пришло в голову. Администраторша уж очень противная.

Юная звездочка шоу бизнеса продемонстрировала немецкую пунктуальность. Ровно в назначенное время к кафе подплыл черный «Мерседес». Сквозь окно витрины Шагин видел, как из машины вылез внушительного вида шофер. Очевидно, он же по совместительству, один из охранников. Других почему-то не было.

Всем известно, популярные звездочки окружают себя минимум пол дюжиной охранников. Чем больше охранников, тем звездочка популярнее.

Шофер подозрительно осмотрелся вокруг и только потом распахнул заднюю дверцу машины. Из машины выпорхнуло что-то невзрачное, маловыразительное, почти незаметное. Какая-то девочка подросток.

Может, так и задумано. Не привлекать внимания оголтелых фанатов. Эти могут возникнуть из самых неожиданных мест. Из мусорного контейнера, например.

Певица Ассоль появилась в зале за пределами скромно одетой. Джинсы, кроссовки, кофточка, какая-то невыразительная сумка через плечо. Исключение составляли огромные темные очки-велосипеды, разглядеть за которыми что-либо было практически невозможно.

Она легко опустилась на стул напротив Валеры и замерла, как манекен. Явно, рассматривала его с ног до головы, оценивала.

«Какое такое дело может быть у этой богатенькой птички ко мне? Глупость, наверняка, какая-нибудь!».

— Почему без темных очков? — тихо прошипела звездочка.

— Забыл, — простодушно признался Валера.

Он и в самом деле напрочь забыл про эти дурацкие темные очки. Просто из головы вылетело.

— Ладно вам! Забыли! Дело очень серьезное. За нами могут следить.

— Завистники или фанаты?

— Хуже. Враги, — медленно, свистящим шепотом произнесла Ассоль.

Шагин сделал серьезное лицо и понимающе кивнул.

— Вы пока не понимаете. Потом поймете.

Валера едва заметно поморщился. Терпеть не мог, когда ему делают замечания. Тем более, в подобном тоне. Тем более, особы подобного возраста.

— Тем не менее. Вас не затруднит снять очки? Терпеть не могу общаться, когда не вижу глаз собеседника.

Популярная певица оглянулась по сторонам и сняла очки.

Шагин чуть не вскрикнул.

«Машенька!? Ты... здесь... откуда?» — чуть не брякнул он.

Но тут же взял себя в руки.

Напротив него за столиком кафе сидела... вылитая Машенька Чистовская.

Разумеется, это была не сама Машенька. Ее двойник в девичьем облике.

Короче, снятые темные очки ничуть не прояснили ситуацию. Только еще больше запутали. Ассоль, действительно, фантастически походила на Машеньку Чистовскую. Просто одно лицо. Только глаза, глаза совершенно другие.

У Шагина даже мелькнула шальная мысль о сестрах близнецах. Различия составляли только цвет глаз и цвет волос. Хотя, каждому известно, сегодня то и другое можно с легкостью поменять на нечто противоположное.

В огромных темных глазищах Ассоль, чуть меньшего размера, нежели ее темные очки, разглядеть ничего было нельзя. Разве только собственное отражение.

— Я мусульманка! — сходу зачем-то объявила Ассоль.

«В смысле, и не думай, и не мечтай!» — мысленно усмехнулся Валера.

Шагин давно уже оценивал всех девушек по системе «светофор». Красный, желтый, зеленый. Просто, ясно и конкретно. Тянет, конечно, иной раз проехаться на запрещающий. Но лучше соблюдать правила дорожного движения.

Быстро взглянув в темные глазищи звездочки шоу бизнеса, Шагин мысленно еще раз усмехнулся. Красный, ярко выраженный красный.

Огромные серые глаза Машеньки Чистовской всегда выражали нечто совершенно иное. Нечто более одухотворенное, что ли. Или так казалось Шагину?

Подскочила женщина менеджер-боцман с глазами навывкате. На ее лице застыла такая умильная улыбка, что Шагин невольно опустил глаза. Всегда стыдно смотреть, когда кто-то до такой степени унижается, заискивает как грузинские политики перед американским президентом.

— Всегда рады видеть вас в нашем заведении. Что будете заказывать? Могу предложить на ваш выбор...

— Пошла к чертовой матери! — спокойно сказала Ассоль.

Женщина менеджер, она же боцман с пиратского судна по совместительству, с готовностью кивнула и мгновенно растворилась в воздухе.

Шагин недоуменно посмотрел на Ассоль. Та по-прежнему, не мигая, смотрела ему прямо в глаза, будто гипнотизировала.

— Какая вы, однако... добрая и воспитанная девочка! — сказал Шагин.

А сам подумал: «Машенька Чистовская так бы не поступила!».

— Надоела! — раздраженно сказала Ассоль.

— Это не повод...

— Ладно вам! Сплетница! И воровка! Это кафе принадлежит мне. Со всей обслугой. Я владелица.

Звездочка так прямо и брякнула, «со всей обслугой». Это вам не хухры-мухры!

Шагину все меньше и меньше нравилась эта хамоватая девица-подросток. Хоть она и поразительно походила на Машеньку. Чисто внешне.

Надо, надо было ее саму сразу послать, именно к чертовой матери еще по телефону. Ничего путного из их «конспиративной встречи» не получится. Всегда надо слушать свою интуицию.

— Меня хотят убить, — спокойно и каким-то совсем обыденным тоном заявила звездочка шоу бизнеса.

И улыбнулась. Застенчиво, почти по детски. Абсолютно беззащитно.

Именно эта улыбка надолго, как минимум на полтора месяца окончательно выбила из седла Валерия Шагина. Певица Ассоль улыбалась точно так же, как Машенька Чистовская. Один в один.

С этого мгновения он безвозвратно потерял способность реально воспринимать действительность, разумно и трезво оценивать окружающих и свое место в этом прекрасном, яростном и запутанном мире.

Не иначе, вспышка вольтовой дуги у калитки на даче сделала небольшую дырку в голове Валеры. Вот она и треснула, несовершенная головушка нашего бедного Джека Лондона...тире... Валеры Шагина. Сначала покрылась небольшими трещинами, как древний кувшин. Потом и вовсе развалилась бы на две неравные части. Если бы не густая шевелюра Валеры.

— Кто вас хочет убить? — как можно спокойнее спросил Шагин.

Чуть было не добавил вслух, «дитя мое!», но удержался.

Отеческий, слегка снисходительный иронический тон был явно некстати. Им он в последнее время пользовался нещадно, в общении с соседкой по даче Машенькой. Своеобразная защита. Жалкая попытка сохранить дистанцию.

Машенька Чистовская в буквальном смысле этого слова не вылезала у Шагина из его надтреснутой несовершенной головы.

«Седина в голову, бес в ребро. Отец Саша Чистовский прав, она еще ребенок, никаких серьезных отношений у нас быть не может, скоро кончится, это игра, не более того, каждый, наверное, проходит через нечто подобное», — мысленно успокаивал себя Валерий Шагин.

Но, тем не менее, думал о ней постоянно. Как-то очень напряженно, и, что самое поразительное, безрадостно. А когда не только на даче, но и в Москве, начал просыпаться и засыпать с мыслями исключительно о юной Марии Чистовской, забеспокоился всерьез.

«Только этих набоковских заморочек мне не хватало!» — злился он. «Тебе сорок, ей всего семнадцать! Старый козел!».

Теперь перед ним за столиком кафе сидела еще одна особа поколения «Пепси». Почти такая же фигура, те же жесты, выражения. Темноволосое, темноглазое создание с ямочками на щеках.

Правда, у Машеньки Чистовской никаких ямочек на щеках не было. И вообще, Машенька была светловолосой и сероглазой. Но все-таки, они были до жути похожи. И одевались почти одинаково.

«Наверняка, звездочку шоу бизнеса преследует какой-нибудь дебильный фанат. Только при чем здесь я?» — со скукой подумал Шагин.

— Кто именно хочет вас убить?

— Мой отец, — пожав плечами, как нечто само собой разумеющееся, заявила певица Ассоль.

И опять улыбнулась своей растиражированной улыбкой.

— Он меня ненавидит. Я живой свидетель его преступления.

Шагин надолго замолчал. Отвел глаза в сторону и начал смотреть сквозь стекло на улицу. Мимо кафе в сторону Садового кольца медленно катили машины.

Валера нехотя достал из кармана пачку «Явы», зажигалку. Трубку он курил только на даче. Закурил и почему-то начал считать проезжающие мимо машины.

Если б в данную секунду он оторвал взгляд от улицы, оценивающе и трезво посмотрел на сидящую напротив девушку, заметил бы бесноватые искорки в ее темных огромных глазищах, разглядел бы едва

заметные, но довольно отчетливые признаки безумия. Не мог бы не разглядеть, не заметить.

Но Шагин не мог оторвать взгляда от улицы. Дело в том, что у витрины... остановился... сын Андрей.

Он насмешливо смотрел на Шагина и выразительно вертел пальцем у виска. Расшифровывать этот жест Шагину не требовалось.

— Вы поможете мне? — тихо спросила Ассоль.

— Чем, дитя мое? — резко повернувшись, спросил Шагин.

— Хочу, чтоб вы меня выкрали, — доверительно улыбаясь, сообщила популярная звездочка шоу бизнеса.

«В другой жизни, дитя мое!» — чуть не брякнул он.

Несколько секунд Шагин молчал. Ему уже порядком надоела эта мутная игра.

Хорошо бы сейчас оказаться на даче. Тишина, стук дятла за окном кабинета... Машенька Чистовская на улице моет «Мазду»...

— Как на Кавказе крадут невест? — помолчав, усмехнулся Валерий.

Звездочка шоу бизнеса никак не отреагировала. С юмором у нее было явно туго.

— Перекинуть вас через седло, на коня и огородами, огородами... Потом потребовать выкуп?

— Ладно вам! Все намного проще. Вы какой-то чудной! Не волнуйтесь, нет никакого риска. Я уже все продумала. Все встанут на уши.

«Это точно!» — пронеслось в голове Шагина. «Отличная пиар компания. Если не считать, что меня посадят. Лет на десять».

— Давайте вернемся, дитя мое, с небес на землю,
— вздохнув, сказал Шагин.

«Дитя» удивленно вскинула нарисованные брови. Было совершенно ясно, в шоу бизнесе к ней никто и никогда так не обращался.

— В чем конкретно ваше деловое предложение? В этом идиотизме, выкрасть вас и увести в горы?

— Ладно вам! — поморщилась Ассоль.

Машенькино выражение, «Ладно вам!», она вставляла к месту и не к месту. Почти в каждое предложение. В каком-то вульгарном и пошловатом варианте. В устах Машеньки оно звучало куда более привлекательно.

Вообще, общих словечек с Машенькой, типа, «Опад! Отстой!» в речах звездочки было более чем достаточно. Хотя, все молодые говорят сегодня одинаково.

— В чем тогда ваше вполне деловое предложение?

— Вы должны написать обо мне большую книгу.

«Должен!?» — чуть не вырвалось у Шагина.

Терпеть не мог, когда с ним разговаривают в таком тоне. Кроме того, он уже давно ничего никому не был должен. Кроме, денег, само собой.

— Настоящую книгу. Большую. Все как есть. Всю правду.

Эти фразы она произносила свистящим шепотом, с каким-то сдержанным восторгом. В ее темных глазищах сверкнуло нечто вроде злорадства.

— Я хорошо заплачу! — поспешно добавила она.

«Кто платит, тот и манускрипт заказывает!» — мелькнуло у Шагина.

Надо отдать должное наблюдательности юной эстрадной особы. Она уловила сомнения, колебания Шагина и все такое.

— Хорошо заплачу. И за книгу. И за киднепинг.

Ей очень нравилось это иностранное слово «киднепинг».

Валера Шагин опять долго молчал.

— Вам что, деньги не нужны? — презрительно бросила звездочка шоу бизнеса.

И она эффектно выложила из сумочки на стол прямо перед Шагиным довольно пухлую пачку зеленых купюр. Очень крупного достоинства. Пачка была как-то по-детски перетянута желтой резинкой.

— Это только задаток! — небрежно добавила она.

Безденежье сильно бьет по нервной системе. Человек впадает в уныние, становится пассивным, вялым, равнодушным. Или наоборот. Излишне взвинченным, вечно раздраженным, даже агрессивным. Надо иметь недюжинную силу воли и стойкость духа, чтоб достойно пройти подобное испытание.

Периоды жизни, как известно, в полосочку. Черная — белая. Или наоборот? Сначала белая, потом черная. Хотя, не важно. Главное, сохранить нервные клетки, которые, как утверждают психиатры, не восстанавливаются. И они правы!

Психиатры всегда правы. Они знают о жизни все.

Вот тут и вертись! Нервные клетки надо сохранить в неприкосновенности, чтоб дожить до лучших времен, а никак не реагировать на подлые выходки судьбы-индейки тоже, ну, никак невозможно. Просто

выматериться про себя и, насвистывая, топтать дальше легкой походкой победителя, после очередной ухабины жизни? На это способны лишь редкие индивиды, не подпускающие к себе неприятности на пушечный выстрел, не берущие в голову неудачи и промахи.

Конечно, хорошо считать, главные неприятности будут завтра. Или послезавтра. И может, вообще пронесет. Но где набраться подобного оптимизма? Нынешняя жизнь к этому явно не располагает.

Так или приблизительно так рассуждал в последнее время Валерий Шагин, пытаясь убедить себя, что «все будет хорошо!», «еще не вся черемуха тебе в окошко брошена!» и все такое.

И все-таки срывался. Чуть ли не каждый день.

Кричал на бедную и без того страдающую жену Лиду. Швырял ей в лицо обидные и несправедливые слова, обвинял в «чистоплюйстве» и «псевдо аристократизме».

Срывался и обзывал последними словами пьяницу и лентяя художника Перкина, обвиняя именно его в развале их издательского дела.

Клеймил соседей по подъезду за свинство, неряшливость и неаккуратность.

Грозил немислимыми разборками при помощи каких-то мнимых «братков» коллегам автомобилистам в очередной пробке на Садовом кольце.

Но облегчения это не приносило. Разве на пару минут. Потом злился еще больше. На себя, на друзей и на весь белый свет, теряя напрочь при этом присущее ему с детства чувство юмора.

Один был свет в окошке, Машенька Чистовская. И та куда-то исчезла.

Не иначе, сдает вступительные в свой МГУ, на самый элитарный факультет. Что ж, высшее образование, это святое. Без него нынче и шагу не ступить. До конца июля о встречах с ней и мечтать нечего.

Как уже сказано выше, Валерий Шагин последнее время плотно занимался издательским бизнесом. Приходилось видеть разные пачки денег. Он по достоинству оценил широкий жест юной звездочки.

Только мельком взглянул на пачку зеленых купюр, перетянутых желтой резинкой. За это мгновение перед ним, как в телевизионном клипе промелькнули яркие новые шмотки жене, часть гарнитура для спальни, почему-то новая ограда на могиле сына и даже какая-то подержанная иномарка. Модели он разглядеть не успел.

Разумеется, из этой пачки он сможет вернуть неотложные долги, сможет приодеть Лиду, сможет подремонтировать «Оку», сможет...

Требуется, вроде бы, самая малость. Согласиться на какую-то дикую рекламную авантюру этой популярной дочки богатенького папочки.

«Ладно, написать биографическую книгу, это еще, куда ни шло. Накатать десять листов сентиментальной белиберды, в стиле какой-нибудь Роксаны Мопски, коих сейчас расплодилось, как мухоморов после дождя, это ладно. Невелик труд. Приходилось заниматься и более убогими делами.

Деньги, действительно, сейчас нужны как никогда. Кругом одни долги.

Но второе «вполне деловое» предложение звездочки! Бред собачий! Участвовать в качестве главного действующего лица в идиотическом похищении? «Кавказская пленница»? Это уже перебор. Можно так залететь, потом до конца жизни не расхлебашь».

Шагин резко затушил сигарету в пепельнице. Прямо-таки раздавил, как ядовитую гадину. Взял из пачки следующую, закурил и жадно затянулся.

— Почему нельзя просто встречаться и под диктофон...

— Так надо! — твердо прервала его Ассоль.

Деньги нужны всем. Всегда. Кто бы спорил. Тем более, в сегодняшней пиковой ситуации. Остатки здравого смысла все-таки удерживали Валеру Шагина от этой подозрительной авантюры.

«К чему эти дикие таинства? Похищение, как в романе Александра Дюма. Железная маска, благородные рыцари, дамы с бледными лицами под темными вуалями. И разумеется, звон бокалов, звон шпаг и ржание коней».

Бедная девочка, очевидно, ничего другого и не читала в своей жизни. ТВ, клипы, литература в школьном объеме. Не более того. И вот перед вами конечный продукт. Поколение «Пепси».

— Так надо! — твердо прервала его Ассоль.

— Вообще-то... конечно, — нехотя начал Шагин. Валера знал за собой эту слабость.

При желании его можно было подбить на что угодно. Шагин почти не умел отказывать. Всякий раз процедура отказа была для него мучительной, как посещение зубного врача. Лучше уж сразу согласиться и дело с концом.

Многие друзья-приятели знали за ним эту слабость, и нещадно пользовались. Шагин постоянно давал кому-то займы, встречал на вокзалах чьих-то родственников, пристраивал в институты племянников и молоденьких любовниц.

Сейчас он медленно подыскивал слова, в тайной надежде, что звездочка сама вдруг откажется от этой нелепой затеи. И оставит его в покое. Но он ошибся.

Ассоль сверлила его жестким немигающим взглядом. Звездочка шоу бизнеса и не думала отступить. То было не в ее правилах.

— Конечно, могу тайком отвезти вас к себе на дачу, — вздохнув, сказал Шагин.

Темноглазое создание обрадовано потрясло своей эксклюзивной прической.

Краем глаза Шагин увидел, перед витриной кафе на улице опять возник сын Андрей. Теперь он уже не вертел пальцем у виска. Изо всей силы стучал себя по лбу кулаком. И что-то раздраженно говорил Шагину, яростно шевеля губами. Можно было догадаться, он отчетливо выговаривает слово: «Идио-от!». И еще что-то, взволнованно и очень быстро. Но что именно, разумеется, расслышать было невозможно. Шум машин, толстое стекло витрины и все такое.

Шагин раздраженно потряс головой и продолжил:

— Никому и в голову не придет, искать вас в нашем поселке. Да еще в моей развалюхе. Но у меня там никаких изысканных удобств.

— Ладно вам! Я неприхотлива! — быстро вставила звездочка шоу бизнеса.

— Туалет во дворе, душ в сарае... И комарья до черта. И вообще! Не понимаю, к чему такие сложности?

— Так надо! — упрямо повторила Ассоль.

— Растолкуйте старому дураку.

— Ладно вам! Вы не понимаете! Мне нужен грандиозный скандал.

— Скандал всем нужен! — понимающе кивнул Валера.

— Хочу отомстить.

— Папе. За то, что он хочет вас убить?

— Вы совсем ничего не понимаете! — раздраженно бросила Ассоль, — Потому что ничего обо мне не знаете! Когда узнаете, когда я вам все расскажу...

«Упадете в обморок!» — мысленно закончил за нее Шагин.

— Упадете в обморок! — продолжила Ассоль, — Я об этом мечтала не один день. Вашу книгу будут раскупать, как горячие пирожки. Потому что в ней будет только чистая правда!

«Правда, да не истина!» — вспомнилось Шагину.

Он грустно усмехнулся, покачал головой и со вздохом спросил:

— Почему вы выбрали именно меня? Нашли бы какую-нибудь ушлую журналисточку... Она вам за половину этой пачки что хотите, напишет.

— Я читала вашу книгу. Эту... Забыла, как называется. Вот! Вспомнила! «Любовь на чердаке и летучие мыши»! Отпад!

— Мыши? — переспросил Шагин.

— Ну, да. Летучие. Классная книга.

Шагин понимающе покивал головой. Хотя, разумеется, не писал ничего подобного. Звездочка его явно перепутала. То ли с Дуней Петровой, то ли с Леоном Знанским. Подобная литература зона их творчества. Уточнять это Шагину почему-то в данный момент не хотелось. Ассоль мог дезинформировать только пресловутый Гармаш. Но Валере это просто не пришло в голову.

— Вы тот, кто мне нужен. Вы способны понять женскую душу. И написать правду. Мне очень подходит ваш стиль.

Шагин опять глубоко вздохнул. Едва ли звездочка шоу бизнеса что-либо петрила в литературных стилях. И вообще! Судя по словарному запасу, ее головка отнюдь не была обременена литературными познаниями.

— Вам что, деньги не нужны?

— Деньги всем нужны, дитя мое. Не понимаю только, при чем здесь книга?

— Ладно вам! Книга самое главное! — упрямо настаивала Ассоль.

— Ну! — теряя терпение, сказал Шагин.

— Мне важно чтоб никто ничего не знал. До определенного времени. Ни одна живая душа. Потому я не могу обращаться в солидные издательства. Что тут непонятно? Детали обговорим отдельно...

Валерий Шагин опять долго молчал. Смотрел почему-то прямо в пепельницу.

— В чем ваша проблема? Почему вы так нерешительны? Вы мужчина или нет? Вам деньги нужны или нет? Любой другой на вашем месте...

Да, да, конечно. Любой другой на его месте выжал бы из этой ситуации максимум. Прославился в веках и заработал бы две кучи денег. Мечты, мечты. Очевидно, с таким напором она вела переговоры со своими администраторами, организаторами, продюсерами, или как их там.

Честно говоря, Шагина слегка пугала ее неослабная сила воли. Он чувствовал в этой силе что-то недоброе, зловещее. Только потом, много позже, понял. Это была не воля к жизни, воля к смерти, к саморазрушению.

— Вам что, деньги не нужны?

«Вам что, деньги не нужны?» — гремело мощным эхом над проспектами, бульварами и шумными улицами мегаполиса.

«Не нужны, не нужны...» — отдавалось эхом даже в ближнем Подмосковье.

«Нужны, нужны...» — едва слышно, комариным писком неслось уже откуда-то из-за Истринского водохранилища, из-за деревьев писательского поселка.

Ассоль ушла. Шагину предложила заказывать что угодно. Все за счет заведения. Пухлую пачку зеленых, по-детски перетянутую желтой резинкой, оставила на столе. Шагин заказал себе почему-то бокал шампанского, которое терпеть не мог, и еще долго сидел в кафе совершенно один.

Он чувствовал, после той сумасшедшей вспышки у калитки своей полу завалившейся набок дачи ему напозла на глаза какая-то пелена. Все стало вокруг... Нет, не «голубым и зеленым». Все стало неясным, мутным, как на старой любительской фотографии, когда уже только изображенные на снимке могут разобрать и понять, кто, собственно, сфотографирован.

И естественно, что случается почти с каждым в его положении, и что особенно опасно, фантастически исказилось реальное восприятие окружающих людей. Знакомых, друзей, приятелей.

В основном, восприятие юной Марии Чистовской.

Он уже был неспособен, видеть ее такой, какой она была на самом деле.

Теперь, сидя в одиночестве в этом кафе, он вдруг с безжалостной резкостью осознал еще одно. Все его предыдущие поучения-наставления сыну не стояли и ломаного гроша. Последние годы Андрей просто терпел его покровительственный, порой чванливо-надменный назидательный тон. Молчал, не потому что нечего было возразить. При желании сын мог бы по пунктам разбить все установки, правила и нормы, внушаемые отцом. Разбить в пух и прах. Не оставить и камня на камне от его принципов «честного и порядочного человека». Андрей просто жалел, даже сочувствовал ему, наивному и непрактичному сверстнику своему.

Да, да, именно сверстнику. Только сейчас, после серии этих проклятых вспышек, когда зрение, да вообще все чувства, значительно исказились, именно сейчас Шагин вдруг понял. Как дважды два. Как то, что Волга, все-таки, действительно, впадает в Каспийское

море. Сын Андрей последние годы считал его, своего отца, своим сверстником. Не более. Возможно, даже младшим братиком.

Потому и является сейчас «видениями» в самые неподходящие моменты. Хочет предупредить? О чем? Предостеречь? От чего? И неподходящие моменты, с чьей точки зрения? С его, шагинской?

После первой встречи с Марией Чистовской Шагин испытал на своей шкуре еще одно подозрительное ощущение, будто он стремительно, как во сне катится вниз. Куда-то вниз и назад.

В молодость, в юность, в детство!

Не по ледяной горке, с радостью, гиканьем и свистом. По лестнице с шершавыми бетонными ступенями, набивая шишки, сбивая в кровь колени, ломая пальцы рук, со стоном и вскриками, как в кошмарном сне.

Только все, связанное с Марией Чистовской не было сном. То была явь.

Наш Валера Шагин пребывал с полным раздрыгем мыслей и чувств.

Как там у Грибоедова? «Рассудок с чувством не в ладах»?

В этот раз Машенька явилась на вечернее свидание в новом одеянии. Зеленая футболка очень хорошо сочеталась с голубыми джинсами.

«Все стало вокруг голубым и зеленым!».

Все в ней было на редкость гармонично и очень уравновешенно.

Они встретились как обычно у водонапорной башни в конце четвертой улицы.

«Господи! В одной улыбке этой девчонки заключено все! В ее глазах отражен весь мир! Надежда на бессмертие и тщета усилий стать богом. Тупики одиночества и свет в конце мрачного коридора.

Помоги мне, Господи! Спаси меня и Сохрани! Сделай так, чтоб я прошел это испытание, ниспосланное явно Тобой, не потеряв себя, не сойдя с ума, не натворив непоправимого. Ты всемогущ, тебе это ничего не стоит. Я же могу потерять все!».

— Сегодня идем на экскурсию! — торопливо объявила Маша.

Валера удивленно поднял брови.

Какая экскурсия, солнце село, над поселком уже сгущались сумерки.

— Если в Новоиерусалимский монастырь? Он уже закрыт, — попытался иронизировать Шагин.

Успел отметить, Машенька взволнована больше обычного.

— К тебе в кабинет, — пристально глядя ему в глаза, сказала Маша.

У Шагина перехватило дыхание. И опять начали слезиться глаза.

— На второй этаж, — продолжила она, — Хочу посмотреть твои афиши и вообще. Твое место работы.

Поймав вопросительный взгляд Валеры, скороговоркой добавила:

— Родители уехали в Москву. Вернутся только завтра к вечеру.

До дачи Шагина шли молча. Валера открыл калитку, пропустил Машеньку вперед и по привычке оглянулся по сторонам. Вторая северная, да и весь поселок, будто вымер. Все люди куда-то подевались. Сплошное везение.

Как только поднялись на второй этаж, Машенька резко повернулась к нему, и положила руки на плечи. Шагин медленно и осторожно обнял ее.

Она в ту же секунду так сильно прижалась к нему всем телом, что он чуть не задохнулся. Некоторое время они стояли так, абсолютно неподвижно.

— Наконец-то... решился... — едва слышно простонала она.

Потом все было в нервной суете и спешке.

Он неумело стаскивал с нее футболку, она с него рубашку. Потом они упали на тахту и долго не могли снять друг с друга эти проклятые джинсы. Штанины и на ней, и на нем, ни в какую не желали сползать с ног.

Оба нервно усмехались и улыбками подбадривали друг друга. У Шагина вдруг возникло ощущение, что он впервые в жизни наедине с женщиной.

Было слышно, как где-то на третьей или на пятой улице какая-то озабоченная бабушка настырно звала домой непокорную внучку.

— Ну... вот! — едва слышно шептала Маша, — Вот так...

Внучка, судя по всему, ни в какую не желала уходить с улицы.

— Господи! Я так счастлива!

Настырная бабушка не отступала. Ее хриловатый прокуренный командирский голос был уже слышен в каждом дворе.

— Я ждала этого всю жизнь!

Внучка не сдавалась. Явно была характером в бабушку.

— Подожди, не спеши! Все хорошо...

Голоса бабушки и внучки слились в конфликтном опереточном дуэте. Потом постепенно начали удаляться. Потом и вовсе стихли. Победа явно осталась за бабушкой.

— Не спеши. Положи руку сюда...

А потом, потом началась уже привычная для обоих мистика.

Вспыхнула нестерпимым светом вольтова дуга и мгновенно накрыла обоих прозрачным гигантским куполом. Шагину и Машеньке одновременно пришлось сильно зажмуриться, иначе бы оба просто ослепли.

Мерный и ритмичный гул вольтовой дуги нарастал и нарастал.

А потом они, не разжимая объятий, взлетели. Как-то так, очень естественно. Обыденно и совсем просто. Одновременно глубоко вздохнули, набрали в легкие подольше воздуха и поднялись над полом.

Потом медленно вылетели в распахнутое окно.

Тысячу раз был прав Марк Шагал, когда запечатлел на одном из своих полотен летящую над его родным Витебском парочку. В этом нет ничего необычного. Многие, если не все, в определенной ситуации летают в паре с кем-нибудь. Над родным городом или поселком. Марк Шагал, наверняка, и сам не раз испытывал это

ощущение полета во сне и наяву. Или как минимум наблюдал других.

В чистом виде фантастическая и одновременно реальная земная романтика.

В полете над поселком потоки воздуха размеренно и ритмично задирали на Машеньке рубашку Валеры. Единственное, что она успела на себя накинуть перед вылетом в окно. Машенька от неожиданности вскрикивала, хватала одной рукой край рубашки, пыталась натянуть его на колени и хоть как-то прикрыть наготу, другой еще крепче хваталась за шею Валеры.

Вскрикивала она при этом тоже очень ритмично.

Ритмичные порывы ветра, ритмичные вскрики Машеньки.

Шагин не любил женских визгов, вскриков. Ни в полетах во сне и наяву, ни в каких других случаях. Даже в интимных отношениях предпочитал сдержанность.

Только не в этот раз.

Не до того в эти мгновения было нашему сорокалетнему Валере Шагину, очень похожему на Джека Лондона. Он напрочь перестал себя контролировать. Упивался бесконечной свободой полета, радостью бытия, полнотой любви и счастья.

В эти мгновения он был по-настоящему счастлив. Впервые в жизни.

Счастлив и точка.

Все было как на полотне Марка Шагала.

Незабываемо, неповторимо, непоправимо, непостижимо.

Машенька крепко спала. Дышала совершенно беззвучно, слегка приоткрыв рот.

Шагин вдруг вздрогнул и сильно зажмурился. Потом медленно раскрыл глаза. Нет, это был уже не сон... И не видение.

Из-за платяного шкафа медленно вышел сын Андрей. Одет он был как тогда, как обычно. Линялые джинсы и футболка с надписью «Адидас».

Сын скрестил на груди руки и хмыкнул:

— Ну, и как? — презрительно ухмыляясь, в упор спросил он. — Урвал свое? Самоутвердился?

— Андрей! — едва слышно прошептал Шагин. — Ты... ты ничего не понял!

— Где нам, дуракам, чай пить! За себя и за того парня? — продолжал ерничать и глумиться сын.

— Это совсем не то, о чем ты подумал!

— Матери доложишь или будешь жить, как ни в чем, ни бывало и дальше? Тебе ведь не впервой, изменять ей. Думаешь, я ничего не знаю?

— погоди, сынок...

— Запомни этот момент!

— Андрей!

— Я всегда буду стоять за твоей спиной!

Сын Андрей исчез так же внезапно, как и появился. Просто сделал шаг в сторону и исчез в щели между платяным шкафом и стеной...

Валера Шагин, стиснув зубы, застонал.

Машенька вздрогнула и открыла глаза.

Больше всего в сыне настораживало Валеру, даже пугало, его пророческая категоричность. Андрей иногда

изрекал такое, отчего потом, даже много лет спустя, у Шагина по спине бегали мурашки.

Брякал он свои «пророчества» как-то очень иронически, мимоходом, но крайне категорично. Можно было не обращать внимания. Если б не одна деталь. Его доморощенные предсказания имели подлость сбываться.

Просто волосы дыбом.

— Лет через пять, отец, ты будешь пользоваться бешеным успехом у малолеток.

— Что? С чего это ты взял?

— Знаю, — пожал плечами Андрей, — Я знаю их. И знаю тебя.

Как в воду глядел тогда, сынок мой ненаглядный.

Или еще. О матери Лиде. Когда-то, лет десять назад Андрей совершенно неожиданно с неподдельной грустью в голосе высказался:

— Когда-нибудь наша мама свихнется на борьбе с микробами.

— Не смей так говорить о матери! Свихнется! Что за хамский тон?

— Но ведь это правда! — удивленно ответил сын.
— Так и будет.

Или еще одно. О работе отца.

— Тебе, отец, надо на прозу переходить.

— С чего это? — усмехнулся Валера.

Именно в этот год у Шагина пошли сразу две пьесы. Уже были написаны еще три одноактных. Открывались вполне отчетливые перспективы. Андрей не мог этого не знать. Вместе с Лидой был на премьерах.

— Драматург должен быть холериком. Лучше даже истериком и психопатом. Тогда его ждет настоящий успех. А ты у нас меланхолик. Лучше пиши прозу. Или сценарии для кино, для телевидения.

Шагин тогда не нашелся что ответить. Недовольно поморщился и сделал вид, что занят потухшей трубкой. Но слова Андрея запали. Вот сейчас всплыли.

— Кем ты вообще хочешь быть? Куда думаешь поступать?

— До аттестата надо еще дожить, — как-то очень грустно ответил сын.

Эти слова Андрея, «надо еще дожить», несколько месяцев гвоздем сидели в голове Шагина. Уж очень безнадежным тоном произнес Андрей тогда эти слова. Неужели сын уже тогда что-то предчувствовал? Откуда он мог столь многое знать наперед? Шагин никогда не верил ни в какие предсказания, считал футурологию глупостью, к астрологии вообще относился с брезгливостью. А тут...

— До аттестата еще надо дожить!

Машенька стояла у окна кабинета Шагина и еще не одетая расчесывала свои длинные русые волосы. На ней была только валерина рубашка. Женщин любого возраста хлебом не корми, дай натянуть на себя мужскую рубашку или свитер.

Шагин лежал в постели. Курил, смотрел на Машу.

Они еще не знали, что это их второе и последнее утро.

— Между прочим, осенью я выхожу замуж, — не оборачиваясь, вполголоса задумчиво сказала она.

В это мгновение ему показалось, он оглох. Сразу на оба уха. Он даже слегка потряс головой. Показалось, Машенька не просто произнесла эти слова, прокричала на весь поселок. Но он не оглох. Тому свидетельство, он отчетливо слышал бульканье холодильника на первом этаже. Старый «ЗИЛ» именно булькал. Его мотор не гудел, не бухтел, а именно булькал. Работал на последнем дыхании.

— Интересно, родители сегодня заявятся или нет?

— Что? — переспросил Шагин.

— Родители, говорю, сегодня осчастливят или у нас будет еще один день?

— Нет, не родители. Что ты сказала до этого?

Маша не секунду отвернулась от окна, быстро взглянула на Шагина.

— Странно смотреть на свой дом из твоего окна. Совсем другое впечатление. Я сказала, выхожу замуж. Разве я не говорила? Осенью. Уже все решено.

Шагин долго молчал. Рассматривал афиши на противоположной стене.

На одной афише большими буквами было написано, московский театр «Школа современной пьесы». «Поджигатель». Когда-то в этом театре шел спектакль по пьесе Шагина. Ниже висела еще одна афиша. Таганрогский драматический театр. «Любовь на базарной площади».

— Почему не спросишь, кто он? — не оборачиваясь, спросила Маша.

— Кто он? — тупо спросил Шагин.

— Отличный парень. Третьекурсник. Рост сто девяносто пять.

«Баскетболист! Как и ее отец!» — мелькнуло в голове Шагина.

— Родители очень богатые люди. У них крупный бизнес.

— Не сомневаюсь.

— Ты злишься?

— Нет. Просто очень неожиданно.

— Злишься, злишься, по голосу чувствую. А что ты хотел, Валера? Чтоб я вышла замуж за тебя?

— Нет, — медленно сказал Шагин. — Этого я не хотел.

Машенька закончила причесываться, собрала волосы в привычный хвост, зажала его резинкой и повернулась к Шагину.

Глаза ее были непривычно спокойными. У Шагина возникло ощущение, что они стали совсем другого цвета. Какого-то болотного.

Машенька подошла к тахте, присела на край, совсем рядом с Валерой.

Она как всегда, как обычно улыбалась. Вот только глаза...

— Я любила тебя всю жизнь. Сколько себя помню. И буду любить всегда. Этого у меня никто никогда не отнимет. У женщин так бывает. Вам, мужчинам, этого не понять. Ты моя первая и единственная любовь. Это навсегда останется со мной. Ты меня понимаешь?

— Пытаюсь.

— Выйти замуж за этого парня просто необходимо. Иначе уведут прямо из-под носа. Такой шанс выпадает раз в жизни.

— Да, да... — растерянно кивнул Валера.

— А с тобой мы еще будет встречаться. Этим летом. До осени... Потом... все! Я так хочу? Ты согласен?

Шагин молчал.

— Почему ты так странно смотришь?

Через два часа Шагин уехал в Москву. Весь день, мотаясь по душному пыльному мегаполису с издательскими делами, он продолжал мысленный диалог с Машенькой. Зачем-то отговаривал ее выходить замуж, прекрасно понимая, что это пустое. Приводил разнообразные доводы, даже кричал на нее. В этой воображаемой бесконечной сцене Машенька вела себя странно. Не возражала, не спорила. Загадочно и снисходительно улыбалась. Чем еще больше злила Шагина.

Валера чувствовал себя оскорбленным. Обманутым и униженным. Внезапная холодная расчетливость Машеньки, ее какой-то спокойный уверенный цинизм, с очаровательной улыбкой на губах, ушатом холодной воды окатили Валеру.

Но не охладили, не привели в норму. Еще больше разгорячили.

«Все кончено! Больше никаких отношений! Ноги моей не будет на даче до самой осени! Не мальчик бегать за девчонкой и выполнять ее прихоти! Она так, видите ли, решила! Моим мнением даже не поинтересовалась. Заранее уверена, соглашусь на любые условия. Может, еще прятаться в шкафу от разъяренного молодого мужа? Нет уж! Всему есть предел!» — уговаривал себя Шагин.

И одновременно чувствовал, сам себе лжет. Без Машеньки он и дня уже прожить не сможет. Просто задохнется, как от нехватки кислорода.

Во второй половине того же дня неожиданно без звонка и приглашения Шагин заехал в гости к Игорю Докучаеву.

Знакомы они были лет двести и незаметно для обоих деловые отношения, (редактор — писатель), переросли в приятельские. Оба относились друг к другу с симпатией. Что большая редкость по нынешним временам в литературном мире.

Шагин называл Докучаева «совсем уже писатель». Докучаев в свою очередь навесил на Шагина ярлык, «еще не очень писатель», хотя у того уже шли в театрах две вполне приличные пьесы. Какой такой глубокий ироничный смысл они вкладывали во все эти «совсем уже...еще не очень» было ясно только им двоим. Но окружающие были очень довольны. Это не мешало Шагину и Докучаеву относиться к работам друг друга с уважением, которое, впрочем, оба тщательно скрывали под масками модной в ЦДЛовских тусовках грубости и цинизма.

Люди, подобные Докучаеву, постоянно во всеуслышание заявляют:

— Я стоял у истоков!

У истоков одновременно диссидентства и авангардизма, у истоков либерализма и патриотизма. В зависимости от направления общественных ветров. Докучаев всегда в курсе всех событий и литературных сплетен. С ним не соскучишься.

Как это у Грибоедова? «Шумим, братцы, шумим!».

Шагина каждый раз подмывало спросить, и что ты там делал, у истоков? Стоял и что? Чем конкретно занимался? Хотя, эти вопросы чисто риторические, направленные в космическое пространство, ответа на них нет и быть не может.

— Валерик! Что такой мрачный? — с места в карьер начал Докучаев. И тут же в своей обычной категорической манере высказался.

— С Лидой опять что-то? Весеннее обострение затянулось? Ничего не попишешь, твой крест. Волоки до конца жизни.

Они сидели на маленькой неухоженной кухне Игоря, пили чай. Только чай, больше ничего. Сушки, печенье, мармелад и «Брук Бонд» в пакетиках с веревочкой Шагин принес с собой.

Мать приучила с раннего детства. Идешь в гости, непременно надо что-то принести в подарок. Любой пустяк. Хозяевам будет приятно. Воспитанные люди поступают только так. Коробку конфет или пачку печенья. С пустыми руками в гости ходят только очень невоспитанные люди.

Друзья привыкли. Принимали как должное. Будет Шагин, будет и пища.

— Понимаешь, Игорек, — задумчиво начал Валера, — ...я сейчас пишу небольшую повесть...

— Как название? — хмуро перебил Докучаев.

Он всегда любую беседу с друзьями начинал мрачным недовольным тоном. По его глубокому убеждению подобный резкий мрачноватый тон придавал вес и значимость его оценкам и суждениям.

— Название? Называется... «Мистраль и Машенька», — неожиданно для себя ответил Шагин.

Название как-то само собой мгновенно сформировалось в голове и вот, неожиданно выскочило. Разумеется, он и не собирался писать никакой исповедальной повести о себе и Марии. Просто необходимо было с кем-то поговорить, с кем-нибудь поделиться. Не Лиде же докладывать состояние своей души, в конце концов. Докучаев для этой цели подходил идеально.

По крайней мере, так думал Валера Шагин до этого вечера.

— Ну, Машенька — это ясно! — мрачно изрек Игорь.

Он шумно прихлебывал чай из огромной фаянсовой кружки. С хрустом ломал в ладонях сушки и кидал, как фокусник в рот.

— А Мистраль, он кто? Музыкант, что ли? Как их там называли в Средние века? Барды и мистрали?

— Ты хоть свою дремучесть не выказывай, — усмехнулся Шагин.

Игорь Докучаев и ухом не повел. Продолжал хлебать чай из кружки.

— Барды и менестрели! Мистраль — это ветер.

— Ну и что? В чем сюжет? — пропустив мимо ушей, упоминание о своей дремучести, спросил Докучаев.

— Сюжет прост, — вздохнул Шагин.

Докучаев сразу же одобрительно кивнул. Он любил все простое, натуральное, естественное. Незатейливое.

— Сюжет — как сама жизнь, — продолжил Валера, — Мужчина, взрослый мужчина нашего с тобой

возраста неожиданно влюбляется в девчонку. Совсем ребенка. Лет пятнадцать шестнадцать.

— Было. Сто раз. «Лолиту» Набокова читал? — отрезал Игорь.

— Как ты думаешь, читал я или нет «Лолиту»? — начал тихо злиться Шагин.

Он уже пожалел, что начал этот разговор.

— Тогда не понимаю, зачем берешься за такой сюжет. Валерик! Выше Набокова все равно не прыгнешь.

— Никуда я не собираюсь прыгать! — раздраженно ответил Шагин.

— Ты не злись, Валерик! Мы же просто разговариваем.

— И соревноваться ни с кем тоже не собираюсь. Пишу, как умею. Как хочется. Как Бог на душу положит. И плевать мне на всех.

— Так нельзя! — укоризненно и даже назидательно сказал Игорь Докучаев, — К мнению друзей всегда надо прислушиваться.

— Зачем я к тебе пришел, в таком случае, как думаешь?

— Ну!

— Что, «Ну!»?

— Давай дальше. Излагай.

— Нечего особенно излагать. Затык у меня. Тупик. Закрутил, вроде, лихо. А вот как развязать этот узел... не знаю.

— В чем там дело?

— Ну, понимаешь... — неуверенно продолжил Шагин, — В общем, у них все случилось. И выяснилось, что она не девочка. Хотя, она раньше об этом сказала...

— Тоже мне новость! — пожал плечами Докучаев. — Последняя девственница попала под электричку еще в начале перестройки. Все они сегодня...

— Да нет! Не в этом дело! Ты не понял.

— Твоего героя что, это сильно волнует? Тогда он просто глуп. По-моему, наоборот хорошо.

— У них любовь, понимаешь? Вспыхнула, как молния. Между ними возникла вольтова дуга. Их окутало белое облако. Любовь! — пытался втолковать Шагин своему другу то, что вообще-то словами объяснить практически невозможно. Нечего даже и пытаться.

Докучаев хмурился и слушал. Больше первое, чем второе.

— То есть, с ее стороны она уже давно была. Его, героя, она знала всю свою жизнь, наблюдала с самого детства. Они соседи по лестничной площадке, живут в одном доме. И вдруг неожиданно вспыхнула взрослая любовь! Окутала, будто белым облаком. Настоящая любовь! Вольтова дуга! Какая бывает только раз в столетие.

— Валерик! Это ты перебрал, — усмехнулся Докучаев, — В нашей жизни так не бывает. Я был женат четыре раз. А уж баб у меня было...

— Представь себе, бывает! Тебе просто не очень везло. Бывает! Еще как бывает! «Солнечный удар» Бунина, помнишь?

— Ну! При чем тут Бунин? Это все литература. А если идти от реальной жизни...

— Помнишь или нет? Там герой, молодой мальчик совсем, кончает жизнь самоубийством, — взволнованно продолжал Шагин, — Потому что ощущает, после такого счастья, такого подарка судьбы, дальше уже ничего хорошего быть не может. Дальше — тишина! Думаешь, Бунин высосал это из пальца?

— Твой герой, он ведь не мальчик. Взрослый мужчина. Должен понимать...

— В том-то и дело! Он окончательно запутался, потерял себя. После второй ночи, проведенной вместе, она спокойненько так ему заявляет. Через месяц я выхожу замуж. За другого, само собой. Молодого и высокого ростом. У которого родители крупные бизнесмены. Что дальше?

— Ну, ясное дело. Решила устроить свою судьбу. Бабы в большинстве своем гораздо практичнее мужиков. В чем тут конфликт, не понимаю?

Шагин несколько секунд молчал. Вопросы Докучаева всегда ставили его в тупик. И всегда казалось, что он, или не слушал внимательно, или ни черта не понял.

— Разница в возрасте, — неуверенно пробормотал Валера.

— Еще большая глупость! Посмотри вокруг, каждый второй брак сегодня такой. Сразу и не поймешь, кто она ему? Дочь или жена? Сегодня это даже модно. Зачем ты вообще взялся за эту дурацкую тему?

Шагин надолго замолчал. Медленно отпивал из кружки. К мармеладу и сушкам даже не притронулся. Игорь Докучаев нервно курил, очень напряженно ждал развития «сюжета».

— Так получилось. Карта так выпала.

— В чем загвоздка-то, не понимаю? — спросил Докучаев.

— Не знаю, как разрешить эту ситуацию.

— Вполне стандартная шаблонная ситуация. У меня самого сто раз было нечто подобное. Я обычно в таких случаях...

Шагин перестал слушать. Докучаев что-то говорил, говорил... Шагин молчал.

— Куда тебя все время заносит, Валерик! Вольтова дуга, вспышка, белое облако. Фантазии какие-то детские!

— Никакие не детские! И вовсе не фантазии, — мрачно ответил Шагин.

— Облако! Давно пора на землю спуститься.

— Брось ты этот свой тон! — окончательно разозлился Шагин.

Но Игорь Докучаев еще только начал. У него еще было много чего сказать закадычному другу.

— У каждой бабы, Валерик, есть грудь, ноги, задница. У некоторых даже голова на плечах. Очень редко нормальная голова. Ты будь реалистом, Валерик! Говоришь, твой герой ее трахнул? Ну! Со всеми сопутствующими атрибутами этого дела. А ты все... «облако», «вольтова дуга». Брось ты эту дурь. Никому это неинтересно. Зря бумагу переводишь. Писать надо

саму жизнь. Лучше самой жизни все равно ничего не придумаешь.

— Слушай, давай прекратим! — резко заявил Шагин.

— Валерик! Хочешь, совсем честно? Как на духу. Не зря все-таки я окрестил тебя «еще не очень писатель». Ты так и не избавился от своей волгоградской провинциальности. «Вольтова дуга», «вспышки»... Вольтова дуга бывает только на стройплощадках. Вспышки на солнце. К мужчинам и женщинам вся эта лабудень не имеет отношения. Тяга полов, ничего больше. Как у зверушек. Мы ведь, как ни верти, все на треть зверюшки. На треть существа социальные. И еще на одну треть — духовные. Да и то не все. Бог, религия, искусство и все остальное. Хоть с этим-то ты согласен, Валерик?

— погоди, — резко прервал его Шагин, — еще одно очень важное для повести обстоятельство. Может быть сын... как бы, старше своего отца?

— У него взрослый сын?

— Нет у него никакого сына. Так, гипотетически? Опытнее, мудрее, практичнее.

— Ну... у меня два внебрачных сына...

У Игоря Докучаева и, правда, были два внебрачных сына. Или даже три. Он очень гордился этим. Постоянно вскользь упоминал о них. В законном браке он произвел на свет только дочь.

Правила на этот счет в литературных кругах жесткие.

Принято считать, каждый мужчина должен... Как там? Родить сына, посадить дерево, построить дом.

Дочь для этой цели не очень подходит. Три внебрачных сына, как бы, компенсировали промашку Докучаева. В сумме, так сказать.

— ...не сказал бы, что они умнее меня.

— Я не том! — опять поморщившись, прервал Шагин.

С Докучаевым всегда крайне трудно нормально разговаривать. Он или переводит разговор на другую тему, уводит куда-то в сторону, или тянет одеяло на себя. Говорит исключительно о своих проблемах.

Хотя, все мы не ангелы. Все грешим эгоцентризмом.

— Нынешнее молодое поколение, они — кто, по-твоему?

— Пофигисты! — не моргнув глазом, ответил Докучаев, — Им все по фигу. Кроме баксов. И своего убогого эгоизма.

— Убогого?

— Какого еще! Баксы, девочки, иномарка последней модели. Убогие существа. В них нет и сотой доли той самоотверженности, самоотречения, если хочешь, которые типичны были для нас, для нашего поколения. погоди, мы еще доживем до тех времен, когда они пачками будут сдавать своих отцов и матерей в дома престарелых. вспомнишь тогда меня!

— Считаешь, они — безнадежное поколение?

— Ну... если не все, большинство, во всяком случае. «С печалью я гляжу на это поколение!». Когда еще сказано.

У Шагина вдруг возникло неодолимое желание сейчас же, немедленно вскочить из-за стола, выбежать

из квартиры Докучаева, сбежать по лестнице, даже не дожидаясь лифта, сесть в машину и помчаться на дачу.

В Алешкино, на дачу, увидеть Машеньку.

Срочно увидеть! Мистраль! Машенька! Мистраль!

— А девушки? — сдержав внезапный порыв, спросил Валера.

— Эти еще хуже, — без запинки ответил Докучаев.

Для него и в самом деле никогда не существовало никаких проблем. Он никогда не мучился сомнениями, раздумьями и все такое прочее.

— Поголовно все шлюхи или жлобихи. Или и то, и другое одновременно. В одном флаконе.

— Тебя послушать, мрачноватая картинка вырисовывается.

— Опыт, друг мой, Валера. «Опыт — сын ошибок трудных!». Время, конечно, все расставляет по своим местам, — глубокомысленно изрекал Игорь Докучаев.

Он очень любил эффектные броские фразы.

— Время лечит!

«И калечит!» — подумал Шагин.

Уже в коридоре перед дверью Докучаев, в очередной раз, нахмурившись, каким-то несвойственным ему неуверенным тоном вдруг произнес:

— Валерик! Ты это... не западай. Держись! Жизнь штука трудная.

— Ты о чем?

— Тут разведка донесла, — уныло ответил Докучаев.

«Неужели обо мне и Машеньке уже в Доме литераторов болтают!?» — испуганно подумал Шагин. Подумал и мысленно усмехнулся.

«Чего испугался, идиот?».

— Тебя на днях видели на Гоголевском бульваре.

— С кем?

— Ты был один.

— Это запрещено законом?

— Ты шел и разговаривал сам с собой. В полный голос.

Шагин помолчал. Потом вздохнул, пожал плечами.

— Что с того? В крупных городах, к твоему сведению, этим занимается каждый третий. Нервы, нервы у всех ни к черту.

— Нервы здесь ни при чем.

— Игорюня! Дорогой! С умным человеком всегда приятно поговорить. С тобой-то видимся редко. Приходится выкручиваться.

— Ладно. Это я так. На всякий случай. Не бери в голову.

Шагин спустился на лифте на первый этаж, но выйти из подъезда не смог.

Внезапно, как и все в последние дни в его жизни, пошел сильный дождь. Полноценный ливень. Со вспышками молний, с оглушительными раскатами грома, с мгновенно возникшими лужами на асфальте, все как положено.

Шагин стоял на крыльце подъезда и, прислонившись к косяку двери, курил. Смотрел на ровные струйки дождя, стекающие с козырька подъезда.

«Недавно был уверен, у меня куча друзей. Очередная иллюзия. Помутнение разума. Полно приятелей, знакомых еще больше, друзей ни одного. Да и вообще. Настоящий друг может быть только в единственном экземпляре. У фронтовиков бывает по несколько друзей, но это другая песнь.

По-настоящему другом мог быть Влад Егоров. Он, увы, уже там, откуда не возвращаются. Я очень хотел быть ему другом. Хотел ли он того же? Все-таки, разница в возрасте двадцать лет. Он был старше, мудрее, опытнее во всех вопросах. С ним поговорить можно было о чем угодно. Абсолютно откровенно. Обо всем на свете. Очень мне его не хватает.

Единственное, что я смог для него сделать, хоть как-то отплатить за его доброту и щедрость, издать в память о нем последнюю его книгу прозы. «Букет красных роз». Все говорят, неплохая книга получилась. Хоть что-то я смог для него сделать. К сожалению, с опозданием.

Докучаев не друг. Нечего морочить себе голову. Так, приятель. Слишком закольцован на себе любимом. Ни черта вокруг не видит, не слышит. Вгоняет действительность в расхожие штампы литературной тусовки вокруг, да около ЦДЛ. Исчезни я завтра с лица земли, он и не заметит. О смерти Влада Егорова он соблаговолил поинтересоваться только через полгода после похорон.

А что у меня есть? Любимая работа? Призвание? Поручение предыдущих поколений? Семья? Верная жена? Ну, допустим. Хотя, если любовь и была, давно кончилась. Переродилась во взаимное уважение, в

удобное для обоих сожительство. В большей степени для нее, нежели для меня. А любовь? Она и была какой-то... спокойной и рассудочной. Как все равно теплый чай. А чай должен быть обжигающе горячим и душистым.

Если взглянуть правде в глаза, Лида достойна лучшего мужчины. Хотя, с другой стороны, не моя вина, что у нас так сложилось. Сложилось так, как сложилось. Моя совесть перед ней абсолютно чиста.

Романы на стороне? У кого их не бывает. Об этом даже смешно говорить.

Только Машенька Чистовская это не роман. Что-то совсем другое.

Нет, нет, недаром так сложились обстоятельства, что мы потянулись друг к другу. Отец подростка и его возлюбленная. Случайностей вообще в жизни нее бывает. Все для чего-то. Зачем-то надо».

Шагин щелчком пальцев выкинул сигарету в лужу перед подъездом, поднял воротник куртки и, недовольно морщась, вышел из-под козырька. Не до утра же здесь торчать, пережидая дождь. Возвращаться к Докучаеву, легче повеситься.

Поздно вечером неожиданно Валера Шагин крепко напился. Жена уехала в Тушино к больной двоюродной тетке. В середине дня позвонила Валере на мобильник и сообщила, останется ночевать у тети Ирины. Дескать, той совсем плохо. Не оставлять же старушку одну в таком положении. Со стороны Лиды было подвигом, ночевать в чужой квартире. С ее-то патологической чистоплотностью.

Шагин купил бутылку коньяка, и весь вечер просидел на кухне. В одиночестве. Даже телевизор не включал.

После третьей рюмки, когда стало нестерпимо душно, Шагин распахнул окно. Вместе с нудным шумом Ленинского проспекта на кухню медленно и как-то неотвратно вползло... то самое белесое облако, которое обычно окутывало своей защитной пеленой его и Машеньку за городом на Истре.

Откуда оно взялось здесь-то, в его московской квартире?

А потом на кухне появился... сын Андрей.

Деловой походкой протопал по коридору, мимоходом что-то осмотрел на вешалке. Вошел на кухню. Сел напротив Шагина. Нагло налил себе рюмку коньяку, залпом выпил. И даже не поморщился.

Раньше Валера был абсолютно убежден, сын не берет в рот спиртного.

А тут...

— Удивлен? — насмешливо спросил сын.

— Выпороть бы тебя! — пробормотал Шагин.

— А ты выпори! Возьми и выпори! Не отказывай себе в удовольствии. Не понимаю, почему ты раньше сдерживал это затаенное желание. От сдержанности бывает рак. Выпори и поставь в угол.

Шагин молчал. Не знал, как относиться к этому.

«Не схожу ли я потихоньку с ума?» — мелькнуло в его нетрезвой голове.

Сын Андрей усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Нет, ты не сходишь с ума. Не волнуйся, Кащенко тебе не угрожает. Все не так просто в этом лучшем из миров. Я имею ввиду, ваш мир, — с ударением на слове «ваш», улыбаясь, сказал Андрей.

— Ты меня успокоил, — раздраженно ответил Шагин.

— Ладно, переменим тему. Как тебе Машенька?

— Если скажешь про нее хоть одну гадость...

— Нельзя? — удивленно вскинул брови сын.

— Не советую, — угрожающе сказал Шагин.

И сильно помотал головой. Только этого не хватало, драться на кулаках с привидением. Тем более, если это привидение — твой собственный сын. Бред!

— Честно говоря, и не собирался о ней говорить ничего плохого. Просто...

Андрей на секунду задумался и потер переносицу. Он всегда тер переносицу, когда подыскивал слова,

— ...ты думаешь, она — «Ассоль»? «Бегущая по волнам»? Ничего подобного. Она не такая.

— Какая же она, по-твоему?

— Самая обычная девчонка. Каких пруд пруди. Симпатичная, привлекательная, обаятельная. В меру рациональна, в меру рассудочна. Все наше поколение такое. Мы другие. Кстати, для тебя не будет новостью, что она беременна?

Шагин довольно долго молчал. Он совсем потерял ориентировку в этом мире. Даже на собственной кухне уже творится, Бог знает что!

— Тебе-то это откуда известно? — зло спросил Шагин.

— Мы там... — сын выразительно потыкал пальцем вверх, — ...знаем больше, чем вы думаете. Мы следим за вами. Иногда корректируем ваше поведение. Пытаемся.

— Ты уверен, что она...

— Мне ли не знать! — самодовольно усмехнулся Андрей, — Я даже знаю, кто будущий отец. Ее нынешний парень. Длинный такой. Рост сто девяносто пять. Она довольно лихо захомотала его. Многие из ее подруг пытались, ни у кого не выгорело. А она, раз два, и в дамки.

— Зачем ты все это мне говоришь?

— Чтоб не питал иллюзий. В твоём возрасте это опасно. Ты ведь у нас романтик. Последний романтик двадцатого века. Я знаю даже, кто родится. Мальчик. И назовет его Машенька... Как думаешь?

— Моим именем.

— Ты догадлив. Я всегда гордился твоей догадливостью. Ты с полуслова, со взгляда иногда понимал столько, сколько другой не поймет за всю жизнь. Будет еще один Валерий Иванович. И судьба у него будет, ого-го, какая, полный отпад!

Белесая дымка вокруг Андрея вдруг резко сгустилась, лицо сына стало расплывчатым и непропорциональным, как в зеркале «Комнаты смеха» парка им. Горького. Вся его фигура заколыхалась, как студень.

Потом опять все резко вернулось в прежнее состояние. Лицо опять обрело четкие ясные, даже резкие черты.

— Но я не за тем явился. Есть более серьезные дела.

— Куда уж серьезнее, — ухмыльнулся Шагин.

— Даже не представляешь, отец, какие события надвигаются на тебя. Тебя ждут очень большие изменения в жизни.

— Дальняя дорога, казенный дом...

— Будут! — с готовностью кивнул Андрей, — И дальние дороги. Во множестве. И казенный дом. Только не в том смысле, о котором подумал ты. Готовься, отец! Я не шучу. Тебя, действительно, ждут большие изменения в жизни.

— С матерью, Лидой все будет в порядке?

— Более или менее. Что считать порядком? Вы здесь измеряете жизнь и самих себя в этой жизни какими-то дурацкими мерками. Извини за назидательный тон. У тебя научился. Словом, будь готов, отец!

— «Несчастья начались, готовься к новым»? — усмехнулся Шагин.

— Шекспир здесь совершенно не к стати. Не мни себя Гамлетом. Ты, скорее у нас, Горацио. Опять-таки, прости, за иронию. Там, у нас...

Андрей опять потыкал пальцем куда-то вверх.

— ...без чувства юмора не проживешь?

— А у вас там, что? Тоже жизнь?

Неожиданно, словно невесть откуда взявшимся порывом ветра, белесую дымку сдуло с кухни. Вместе с ней исчез и сын Андрей.

«Так и не прояснил ситуацию с моей Машенькой. Брякнул только, что она не такая, какой я ее вижу. Ну, и наплевать мне, какая она там на самом деле».

Шагин опустил голову на руки и задремал прямо за столом.

— Вставайте, граф! Вас ждут великие дела!

Эту фразу всегда с утра говорил отец Валеры. Мысленно Шагин себя тоже подгонял с утра этой фразой, когда предстояло нечто важное и ответственное. Иногда и просто, для поднятия настроения.

Шагин рассматривал себя в зеркале и тщательно брился.

Он очень любил процесс утреннего туалета. Когда-то отец научил его превращать этот несложный ритуал в праздник. Сначала двумя порциями горячей воды разогреть кожу, чтоб поры расширились и щетина, выросшая за ночь, проявилась во всей своей неприглядности. Потом тщательно намылить щеки и шею пастой для бритья. Убрать лишнюю пену. И только потом, спокойными, размеренными и плавными движениями двигать станком по заранее намеченным направлениям. Бритье — это целая наука. Не каждому под силу. Большинство бородатых, которых развелось нынче видимо невидимо, просто лентяи.

Зато, какое приятное ощущение, смочить в конце процесса лицо и шею одеколоном. Шагин всегда пользовался одним и тем же, «Новый Арбат». Одеколон для мужчин. Многие женщины в издательствах и театрах, узнавали его по запаху.

«Любопытно, кто первым кукарекнул вслух, будто я похож на Джека Лондона? По-моему, ничего общего. Во всяком случае, на фотографиях у нас совершенно разные типы лиц. А ведь прилипло намертво. У меня стандартная заурядная внешность, стереотип. Лицо как лицо. Вот Андрей вот бы сформироваться в интересного мужчину. Взял от меня и от Лиды все лучшее. Если бы, если бы...

Нет, я не псих. У меня сохранилось чувство юмора и самоирония. Верный признак психического здоровья. У психов то и другое отсутствует напрочь. Они за пределами серьезны по отношению к себе любимому и ненаглядному.

Мои видения и беседы с сыном результат изношенных нервов. Не более. Хотя... Не знаю, не знаю. Я уже ничего толком не знаю. Ни в чем не уверен. Во всем этом должен быть какой-то другой, скрытый, закодированный смысл.

Любому, обладающему хоть малой толикой знаний, умеющему хоть изредка фантазировать, представлять то, чего нет, но что вполне может быть в нашей жизни, любому ясно, как таблица умножения, мир многомерен, многопланов.

«Являясь» Андрей хочет в очередной раз встряхнуть меня? Заставить взглянуть на свою жизнь под другим углом, увидеть какую-то другую грань?

Сорок лет для мужчины возраст критический. Пора предварительных итогов. Промежуточный финиш. У меня эти самые предварительные итоги, как-то, ни во что вразумительное и конкретное не складываются.

Да, наш мир многомерен, никуда не денешься. Окружающее нас не столь примитивно, одномерно и однозначно. Иначе было бы просто скучно жить.

Все вокруг гораздо сложнее и интереснее.

А на Джека Лондона я совершенно не похож».

Шагин уже собирался выходить из квартиры, уже вертел в руках ключи, когда его внезапно осенило. Он даже чуть себя по лбу не хлопнул. Гениальные решения всегда лежат на поверхности, надо только руку протянуть. Вся эту сумасшедшую ситуацию с Машенькой Чистовской можно разрешить простейшим способом. Древним как мир. Ну, если не разрешить окончательно, то хотя бы внести ясность. Прочистить свои свихнувшиеся мозги и затуманенную душу. Ведь дальше так продолжаться не может. Иначе, в самом деле, можно с ума сойти.

Нужно написать об этом небольшую повестушку. Листа на два-три, как получится. Вся пишущая братия использует этот проверенный годами метод в борьбе с личными неурядицами, душевными раздрызгами и затаенными страхами.

Достаточно записать на листе бумаги все события последовательно, шаг за шагом, тут же приходит освобождение от нелепых страхов, комплексов, приходит подлинное понимание ситуации, подлинная ясность.

«Я ведь сам высказал это вслух в гостях у Докучаева. Стало быть, это сидело во мне. И название прекрасное уже есть. «Мистраль и Машенька». Если повезет, и получится нечто художественно ценное,

можно сменить имена и вперед! В любой редакции с руками оторвут.

Отдельными кусками записать все «беседы» с сыном. Подробно, скрупулезно описать все его внезапные «появления» и столь же внезапные «исчезновения». Надо немедленно заняться именно этим. Все остальное по боку».

За стол, за стол!

Ничего этого не случилось.

Ни за какой стол Валера не сел, ничего немедленно писать не начал. По своей подлой привычке Шагин решил отложить начало работы над новой повестью под названием «Мистраль и Машенька» на завтра.

А завтра одолели другие заботы, навалились другие более важные, как тогда казалось Шагину, дела и проблемы, требующие немедленного решения.

Увы! Большинство из нас исповедует принцип, «новую жизнь начну с понедельника». Так уж глупо устроен человек. У кого это? У Шекспира?

«Так гибнут начинания с размахом, в начале обещавшие успех!».

Драматург Валерий Шагин драматурга Вильяма Шекспира не любил. Потому не прислушивался к его мудрым советам и пророческим изречениям.

Завтра все пошло так же, как и вчера, по накатанной колее.

Дорога в ад, как известно, устлана девственно чистыми листами ненаписанных повестей и романов.

Через два дня в Москве стряслось невероятное. Юная супер популярная певица эстрадная звездочка

Ассоль пропала. Вышла утром из подъезда дома на Патриарших прудах и как в воду канула. Охранникам задурила голову, будто направляется в салон, расположенный в этом же доме в соседнем подъезде привести в порядок волосы. Те и уши развесили, расслабились. Когда через полчаса спохватились, было уже поздно. Звездочка шоу бизнеса как сквозь землю провалилась.

Говорили, металлургический магнат бегал по потолкам своих многочисленных офисов и загородных домов. Стремительные поиски по всем возможным адресам результатов не дали. Кафе «Ассоль» закрылось на переоборудование буквально на следующий день после визита известной певицы. Администраторша-боцман с выпученными глазами укатила на два месяца куда-то в жаркие страны. Куда, никто не знал. И узнать сие не представлялось возможным. Даже со связями магната.

Из всех, кто хоть как-то контактировал с Ассоль в последнее время, никто ничего вразумительного не сообщал. Только руками разводили в стороны. Охранники и сами были в недоумении. Ни с чем подобным они за свою практику не сталкивались.

На тусовках по Москве тихим шелестом передавались из уст в уши слухи один нелепее другого. Будто Ассоль вопреки воли самодура отца закрутила роман с каким-то американским рок певцом. Чуть ли не самим Джо Кокером. Слиняла с ним то ли в Австралию, то ли на Канарские острова. Якобы отец направил на поиски дочери несколько групп охранников из отставных кэбэшников. Но все бестолку.

Дальше больше. Началась какая-то самая натуральная чертовщина.

В Москве среди белого дня начали пропадать самые популярные люди. В основном из шоу бизнеса.

Супер популярный певец Леонтий Валери утром вышел из подъезда своего дома в тренировочном костюме и тоже просто растворился в душном загазованном воздухе мегаполиса. Собирался, вроде, совершить традиционную пробежку по парку, Валери трепетно следил за своей спортивной формой. И вот — на тебе! Исчез и точка!

Справедливости ради стоит заметить, Валери был единственным из исчезнувших мужского пола. В основном пропадали женщины. Хотя, насчет принадлежности Валери к сильной половине человечества у этой самой сильной половины всегда были сомнения. И не без оснований.

Марина Крикуновская, (по сцене Крикла!), на глазах у сотен людей в ночном клубе «Коломбина» зашла в дамскую комнату. Ясное дело, зачем. И тоже исчезла. Спихватились только через полчаса. Охранники клуба чуть с ума не сошли. Не могла же она сама себя спустить в унитаз. Габариты не те. Через три входа-выхода, включая секретный, для VIP-гостей, она не выходила.

А когда в Москве исчезла Надежда Дедкина, разразилась настоящая буря.

Желтая пресса запестрела заголовками. «Эстрада обезглавлена!», «Кому выгодно погибель российских звезд шоу бизнеса?».

Писали, будто в Истринском водохранилище, на берегах которого раскинулись загородные поместья эстрадных звезд, завелся какой-то зверь доисторической породы, который по ночам вылезает из воды и пожирает исключительно звезд шоу бизнеса женского пола. Как он при этом отличает поющих и танцующих от простых смертных, почему-то не уточнялось.

Писали о какой-то банде головорезов из одной бывшей нашей Кавказской Республики. Будто они, (тоже под покровом ночи!), охотятся на московских звезд шоу бизнеса, похищают их и увозят к себе в горы, чтоб быстро и качественно улучшить породу талантливых людей в своей дикой республике.

В городе началась паника. Наиболее отчаянные из фанатов предлагали своим кумирам, (певицам, музыкантам), себя в постоянные провожатые. И даже в бесплатные охранники. На частные охранные фирмы все давно рукой махнули. Им бы только бабок срубить побольше, ничего святого.

Журналиги совсем обезумели. Требовали от Лужкова закрыть границы столицы. В Москве провести поголовную перепись взрослого музыкально-образованного населения. Чтоб доподлинно знать, кто из московских композиторш и певиц, пока еще, цел и невредим.

Не обошлось без шутников. На рекламных щитах театра Эстрады появились листовки со списками пропавших без вести. При ближайшем рассмотрении оказалось. Перечисленные уехали в Израиль, Германию

и Америку еще пятнадцать лет тому назад. Началась охота и на шутников.

В действительности, Надежда Дедкина просто переселился в свою деревню. Совсем рядом с Москвой. Она и раньше часто уезжала, чтоб в тишине и покое спокойно поработать, подготовить новую программу.

В день исчезновения Ассоль у Валерия Шагина с утра, (очень плохая примета!), состоялась встреча с очередным самодеятельным автором. Валера не раз и не два откладывал. Интуитивно чувствовал, бесперспективный автор. Денег не будет, одни бесконечные разговоры о высоком искусстве. Интуиция его не подвела.

Всем бы нам почаще прислушиваться к своему шестому, или какое оно там по счету? Восьмое, девятое?

В облике этого молодого начинающего автора было что-то тревожащее, что-то от молодого Федора Михайловича Достоевского.

Но как только Шагин взглянул на титульный лист, в очередной раз убедился, насколько бывает обманчива внешность.

На титульном листе значилось. «Мертвые души».

«Это обнадеживает!» — мысленно усмехнулся Шагин.

А когда перевернул титул и прочел на первой странице, «В ворота губернского города №... въехала коляска...», настроение его и вовсе переменялось. От относительно хорошего утреннего оно мгновенно съехало к вечернему раздраженному.

Валера вздохнул и поднял голову. Перед ним на стуле, по-наполеоновски скрестив руки на груди, сидел обычный, в общем-то, молодой человек. Довольно приятной наружности. Если бы не глаза. Они были с какой-то туманной поволокой.

И вообще. Сказать, что его посетил юноша приятный во всех отношениях, было бы гиперболой, художественным преувеличением.

Кроме того, очень настораживал сам взгляд. Прямой, немигающий, очень строгий, даже где-то слегка торжественный.

«Везет мне на сумасшедших!» — с тоской подумал Шагин. «Жена Лида, эстрадная звездочка Ассоль, тоже девица с большим заскоком. Алкаш Перкин уже чертей наяву видит, ежеминутно стряхивает с плеч. Теперь сподобился, заявился сам Николай Васильевич Гоголь».

— Мы не печатаем подобную литературу, — сказал Шагин.

Он закрыл папку. Осторожно по столу пододвинул ее ближе к автору.

— Какую это «подобную»? — заносчиво спросил живой классик.

— Ту самую! — Шагин постучал пальцем по папке с рукописью и отодвинул ее по столу ближе к автору. Еще ближе, подальше от себя.

— Слишком глубоко копаете!

Шагин чуть было не добавил, «Николай Васильевич», но сдержался.

— Наша специализация веселые жанры, увы! Юморески, скетчи, иронические рассказы всякие, — без зазрения совести лгал Шагин.

С сумасшедшими авторами иначе никак. Могут и суд подать, преследовать годами, могут, и топор за пазухой носить.

— По вершинам скользите? — угрожающе поинтересовался «Гоголь».

— Скользим! — согласился Шагин.

Хотя, по вершинам, при всем желании невозможно скользить. Только исключительно по долинам. И то при условии, когда они покрыты ровным льдом. Что свойственно совсем наоборот вершинам.

— Вы печатаете за счет авторов! — не унимался классик. — За мой счет!

— Не в деньгах счастье, — ответил Шагин.

«А в их количестве!», мысленно усмехнувшись, продолжил он, вспомнив пухлую зеленую пачку от эстрадной звездочки.

— Значит, нет? — сник живой классик.

— Значит, нет. Это наш принцип. На том стоим. И стоять будем.

— Это ваше последнее слово? — угрожающе спросил «Николай Васильевич».

— Ищите другое издательство. Их сейчас пруд пруди. Мы подобную литературу не печатаем.

Общаясь с авторами, Шагин всегда говорил о себе во множественном числе, «мы!». Считал, это придает ему веса, солидности.

Встретились, пересеклись и заcontactировали они по всем правилам шпионской конспирации. Валере на мобильник позволил какой-то тип и грубым, ну, очень мужским голосом, иногда соскальзывающим на уже знакомый девичий, сообщил адрес и точку встречи:

— Малая Бронная. Напротив театра! В то же время!
— Место встречи изменить нельзя? — заикнулся, было, Валера.

Но абонент уже отключился, поставив Шагина в тупик. Он начисто забыл, в какое именно время встречался в кафе «Ассоль» с особой, носящей аналогичное имя. Путем сложных логических умозаключений, сложения и вычитания разных цифр, Шагин не без удовольствия, все-таки, вычислил. В какое такое конкретное время он имел счастье лицезреть звездочку в одноименном кафе.

Звездочка возникла перед машиной всего лишь на секунду. Мелькнула тенью перед лобовым стеклом и тут же распахнула дверь «Оки». Она была в традиционных темных очках велосипедах. С маленькой дорожной сумкой через плечо. И пластиковым пакетом в руках, на котором, кстати, была напечатана ее физиономия.

Ассоль юркнула на переднее сидение и съежилась, как лесной ежик.

У Шагина возникло ощущение, она вообще жаждет залезть под пассажирское сидение и спрятаться от недобрых глаз, что в «Оке» практически невозможно, даже будучи совсем маленькой девочкой.

«Если вы насчет славянского шкафа... » — чуть не вырвалось у него.

Шагин в эту секунду не верил в опасности и сложности, которыми, как густым туманом окружила себя звездочка. Потому первые двадцать минут поездки только нервно усмехался и покачивал головой.

Машенька Чистовская в шоу бизнесовском варианте вела себя, мягко говоря, неадекватно.

Потом ему стало не до смеха.

Маленькая «Ока» в общем потоке иномарок внимания не привлекает. Тем более, далеко не новая. Тем более, если в ней заурядная семейная пара. Симпатичный сорокалетний парень и его молодая жена. В больших темных очках. Едут на свои убогие шесть соток. Едут, никого не трогают. Не обгоняют, не подрезают, ведут себя согласно всем правилам дорожного движения.

Какой может быть к ним интерес?

— Нас преследуют! — внезапно пробормотала Ассоль.

И сползла с сидения на пол. В буквальном смысле свернулась калачиком и, кажется, даже зажмурила глаза.

— Кто? На чем? — нахмурившись, спросил Шагин. Бог их знает, этих звезд эстрады. Может, правда, ее охранники даром хлеб не жуют.

— Черный джип «Черроки»! Уже два квартала у нас на хвосте!

Шагин быстро взглянул в зеркало заднего вида. Действительно, за ними следовал джип «Гранд Черроки» темного цвета. Тонированные стекла, номер не разберешь. Валера решил проверить. Начал неожиданно перестраиваться из ряда в ряд, вызывая своими маневрами вспышки раздражения соседей справа и слева. Быстро, насколько позволяли тридцать лошадей под капотом, увеличивал скорость. Потом

резко сбивал ее, плелся в правом ряду со скоростью колесного трактора.

Джип неотступно следовал за ними. Как приклеенный.

Шагин заволновался. Потом неожиданно для себя, начал на кнопку аварийной сигнализации и выключил зажигание. «Ока» медленно прокатилась несколько десятков метров и остановилась в средней полосе переполненного всяческими машинами Ленинградского проспекта. Естественно, тут же со всех сторон раздались резкие нервные гудки.

Из раскрытых окон машин, идущих в соседних рядах соответствующие комментарии.

— Куда ты влез, козел? На своей консервной банке!

— Не умеешь ездить, на автобусе катайся!

— Бензин чтоль забыл залить, дядя?

Шагин не реагировал. Смотрел в зеркало заднего вида на темный джип. Тот пару раз моргнул зачем-то фарами, резко и пронзительно погудел клаксоном. Потом, чуть не ударив бампером стоящие сзади «Жигули», сдал назад и, не пропуская никого, перестроился в левый ряд. Взревел двигателем и умчался вперед.

Перед светофором у метро «Аэропорт» на пустом месте возникла пробка.

«Ока» Шагина оказалась почти впритык, дверь к двери, с «Мерседесом», за рулем которого сидело существо неопределенного пола. Мальчик или девочка, не понять. Крашенные волосы, покрашенные губы,

подведенные глаза. Все цвета, вырви глаз, если таковой имеется в природе.

Существо, как-то мимоходом с презрительной гримасой окинула взглядом «Оку», отвернулось. И тут же быстро повернулось опять. На лице у существа неопределенного пола отразилась целая гамма чувств. Удивление, изумление, недоумение.

Существо высунулось из окна «Мерседеса» и спросило:

— Аськ! Ты чтоль? Ты чего это... В бомжихи подалась, чтоль?

Ассоль сидела неподвижно, как каменный истукан с острова Пасхи. Шагину не оставалось ничего иного. Он наклонился к правому окну и, пустив в ход все свое обаяние, какое имел, интеллигентным тоном сказал:

— Вы обознались!

В какой-то момент у Шагина возникло неудержимое желание. Не нажать ли изо всей силы на тормоз? Не развернуться ли через две сплошные в обратную сторону? Не отвезти ли эту красотку туда, где ей самое место, обратно, в шоу, в бизнес?

Желание пропало так же внезапно, как и возникло.

Шагин и Ассоль без осложнений выехали за Окружную дорогу. По обеим сторонам замелькали одноэтажные домики. Залетающий волнами в раскрытые окна машины воздух, стал чистым и каким-то упругим. Казалось, его можно хватать руками и кусками засовывать в рот.

Шагин достал из бардачка кассету, вставил в магнитофон и нажал на клавишу. В салоне маленькой

«Оки» зазвучал голос Фрэнка Синатры. Он всегда действовал на Шагина умиротворяюще. Под его голос хорошо вспоминать самое лучшее и светлое, что было в жизни.

Хорошо мечтать, планировать какие-то, пусть даже иллюзорные проекты.

— Выруби этого старого уroda!

Валера вздрогнул, повернул голову к своей пассажирке. Ассоль сидела с прямой спиной, будто палку проглотила и неподвижным взглядом смотрела прямо перед собой на дорогу. Едва ли она ее видела, эту самую дорогу. Лицо ее было искажено такой злобной гримасой, что Шагин невольно поежился.

Вот уж не ожидал!

— Терпеть не могу этого уroda!

— Вам не нравится Фрэнк Синатра? Почему? — спокойно спросил Шагин.

— Ненавижу! Урод потому что. Ни одной девчонки мимо себя не пропустит. Старый козел!

— Вы о его женитьбе на этой молоденькой девушке? Как ее, не помню...

— Наплевать как ее! Старые козлы не имеют права даже прикасаться к молодым девушкам, не то что...

— Если девушка сама не против? — осторожно спросил Шагин.

— Девушка всегда против! — отрезала Ассоль.

Она резко отвернулась и следующие десять минут смотрела только в боковое окно. Демонстрировала Шагину свой эксклюзивный затылок.

«Что бы на это сказала Машенька Чистовская?» — подумал Шагин.

Краем глаза, наблюдая за этой взбалмошной девчонкой, Шагин не переставал поражаться. Более неудачного сценического псевдонима трудно придумать.

Ассоль! Скорее всего, продюсеры, или как их там? этой невоспитанной соплячки даже не раскрывали роман Александра Грина. В лучшем случае, что-то слышали о старом фильме. Хотя...

Возможно в глазах сверстников на сцене в лучах прожекторов, в облаках дыма, она выглядит именно «Ассолью». Таково представление «пепсикольцев» о романтичности облика и лиричности натуры.

«Ассоль! Машенька Чистовская, вот кто подлинная Ассоль! Конечно, было неприятно увидеть ее расчетливой и прагматичной. Точно запланированное замужество любого покорбит. Только не меня! И сто тысяч раз наплевать, что она беременна. Если это вообще соответствует действительности. Нельзя же, в самом деле, на полном серьезе воспринимать информацию от видений!

Поколение «Пепси» отличается от поколения «восьмидерастов» как фотографии глянцевого журнала отличаются от реальной жизни. Им все дозволено. По крайней мере, они сами в этом убеждены. Хочу, значит, могу — их девиз. Вынь, да положи!

Они без колебаний зашвырнули в мусорный контейнер все ценности предыдущих поколений. И еще крепко придавили сверху крышкой. В их головах и душах сплошная американщина. Между двадцатилетними и сорокалетними нет никаких непреодолимых пропастей. Все это досужие выдумки

журналистов. Они просто разные до жути. «Пепсикольцы» и «восьмидерасты» живут не просто в разных государствах, они обитают в разных мирах, в разных измерениях. И пересекаются эти группы чрезвычайно редко».

Такие невеселые обрывочные мысли вспыхивали в голове Валерия Шагина.

Где-то глубоко в душе росло недовольство собой. Ведь договорились с Машенькой, последние дни провести только вместе.

А тут... такая, как бы, нестандартная ситуация. Все планы псу под хвост.

Где-то на подъезде к Нахабино Ассоль вышла из оцепенения.

Она скинула очки и начала с мрачной подозрительностью вглядываться в бабулек традиционно на обочине продававших всякие съестные разности.

— Ну-ка, остановись! — неожиданно резко скомандовала она.

Шагин нажал на тормоз и плавно остановился у обочины. Ассоль выскочила из машины и с агрессивным видом направилась к одной из бабулек.

«В прошлый раз мы были «на вы!» — подумал Шагин.

Ассоль вернулась через несколько минут. Перед собой двумя руками она торжественно перла огромную корзину спелой вишни. Ногой распахнула неплотно прикрытую дверцу «Оки» и бухнула на переднее сидение корзину.

Вытерла со лба пот и удовлетворенно улынулась.

— Детям очень полезна черешня! — провозгласила она.

— Вообще-то... это вишня. Черешня давно кончилась, — ответил Шагин.

— Ладно вам! Это черешня!

— Это вишня.

— Черешня!

— Вишня!

— Вы ничего в этом не понимаете! — небрежно махнула на него рукой звездочка шоу бизнеса. — Порхаете в облаках. Ничего, кроме рукописей не видите.

— Но это вишня, а не...

— Самая натуральная черешня!

— Как хотите, — пожал плечами Шагин.

— Как хотите, как хотите! Не как я хочу, а как на самом деле, — раздраженно ответила Ассоль.

Пока переключивали корзину на заднее сидение, пока Ассоль усаживалась рядом с Шагиным, она без умолку бормотала себе под нос о полезности и даже крайней необходимости каждому молодому организму спелой черешни.

— Где здесь ближайший детский дом? — обратилась она к Шагину таким тоном, будто только что его увидела. Села в такси и впервые обратилась к шоферу.

Шагин понятия не имел о месте расположения ближайшего детского дома. Насколько ему помнилось, на всем протяжении Волоколамского шоссе ничего такого он не замечал. Хотя ездил по этой трассе постоянно.

Ассоль напряженно ждала ответа. Даже ногой притоптывала в нетерпении. Кстати, на ноги она напялила огромного размера солдатские ботинки. Последний писк моды. Или предпоследний.

— Детский сад не подойдет? — неожиданно для себя брякнул Валера. В тайной надежде, какой-нибудь заваливший детский сад все же попадется им по пути.

— Нет! — жестко отрезала звездочка.

Шагин даже невольно вздрогнул от ее тона.

— Малышам черешня противопоказана. Могут подцепить любую заразу.

— А как же в детских домах, там...

— Там есть воспитательницы. Вымоют в горячей воде. И не спорьте со мной! — опять резко повысила голос Ассоль. — Терпеть этого не могу.

Под напором эстрадной логики Шагин замолчал. Хотя так и не понял, как это? В детских домах воспитательницы есть, они могут вымыть вишню, то бишь черешню. А в детских садах нянечки, что? Совсем безрукие, что ли?

— Знаю я этих нянечек! — зло закрыла тему Ассоль, — Сами все грязнули и неряхи! И не надо со мной спорить!

Шагин решил на всякий пожарный больше совсем не спорить со звездой отечественного шоу бизнеса. В конце концов, вишня — черешня, какая разница? Воспитательницы — нянечки, не все ли равно?

Не успели проехать и пару километров, как звездочка развернула новую атаку.

Ей, видите ли, подсказывает внутренняя интуиция, (как будто бывает еще и внешняя!), если вот прямо

сейчас свернуть налево и проехать три километра, непременно будет какой-нибудь детский дом. Мол, ее внутренняя интуиция подсказывает, место для детского дома самое подходящее.

Шагин стиснул зубы, свернул налево и только крепче ухватился за баранку.

Самое смешное, звездочка оказалась стопроцентно права. Шагин даже на какую-то секунду заподозрил, звездочка просто дурит его. Сама отлично знает адрес, дорогу и все такое.

Но он в очередной раз ошибался.

Сразу после поворота «Ока» уперлась в зеленые железные ворота. На них белым по зеленому было начертано. «Детский дом № 132». Шагин заглушил двигатель. Почти одновременно они вышли из машины.

Шагин и оглянуться не успел, как Ассоль вытащила с заднего сидения пресловутую корзину с вишней-черешней и торжественно понесла ее перед собой. Прижимала корзину к груди, как самое дорогое и ценное приобретение в жизни.

На стук из-за ворот никто не отзывался. На свист тоже. За воротами стояла подозрительная тишина. Только оглушительно каркали вороны.

Чтоб стать настоящей эстрадной звездой, надо обладать ослиным упрямством, недюжинной целеустремленностью и приличной физической подготовкой. Все эти качества Ассоль продемонстрировала со всей страстностью артистической натуры. Она аккуратно поставила корзину с вишней-черешней на землю, зло сощурила глаза и бросилась в атаку на железные ворота так, будто

с этим безмолвным плоским зеленым драконом у нее давно был назначен последний и решительный.

За ценой она явно решила не постоять!

Ассоль яростно, с каким-то остервенением оглушительно стучала ладонями в железные зеленые ворота. При этом долбила солдатскими ботинками по бедным воротам со страстью футболиста международного уровня, получившего незаслуженный нагоняй от зловредного тренера.

Грохот разносился по всей округе на несколько километров. Даже вороны за забором испуганно притихли. Шагин только морщился и нервно усмехался.

— Маша-а! Прекрати-и! — неожиданно вырвалось у него.

Слава Богу, Ассоль не расслышала. Ей было не до того. Она собралась опрокинуть ворота наземь. Или пробить в них брешь.

Подобный военный штурм, естественно, не мог не дать результатов. Ворота осторожно со скрипом слегка растворились, в проеме появилась лохматая голова с заспанным помятым испуганным лицом. Бедного сторожа явно разбудили в самый неподходящий момент. Он видел третий или четвертый сон.

— Где дети? — басом рявкнула Ассоль. Она сверлила сторожа таким ненавидящим взглядом, что, казалось, вот-вот просто испепелит.

— Как где? — испуганно удивился сторож, — На даче они, где еще! Летом они всегда на даче. На то и лето.

— Где эта ваша дача? — с ненавистью спросила звездочка.

— Как где? Там же, где всегда. В Поварихино, где еще!

— Где оно находится, это ваше Поварихино?

— Как где? — в очередной раз изумился сторож. Очевидно, с такой непонятливой особой ему еще не приходилось сталкиваться в жизни.

— Все там же, где же ему быть! Где положено, — строго добавил он.

— Где-е... положено-о? — тихо прошипела Ассоль.

— Та-ам! — махнул рукой куда-то далеко в сторону сторож.

Ассоль бросила на Шагина такой же ненавидящий взгляд, каким изничтожала сторожа и сокрушительно покачала головой.

— Далеко до тудова? — вежливо поинтересовалась она.

— По реке или лесом? — с достоинством уточнил сторож.

— По прямой! — рывкнула Ассоль, — Через бурелом и чертополох!!!

— Ну, если... напрямки... то километров... семь будет!

— Спокойной ночи! — через плечо бросила Ассоль и направилась к машине.

— Корзину заberi! — небрежно бросила она Шагину.

Сторож и Шагин обменялись понимающими мужскими взглядами.

— Козлы! — зло бросила Ассоль. И с яростью захлопнула дверцу машины. Было непонятно, кому

предназначалось последнее определение. Шагину со сторожем, либо всему человечеству в целом.

С каждым километром, с каждой новой выходкой, а их было предостаточно, Ассоль все больше и больше вытесняла из сознания Шагина Машеньку. Пару раз Валера произвольно обращался к ней:

— Маша! Машенька!

Но эстрадная певица Ассоль, то ли в силу озверелого эгоцентризма, то ли просто была туговата на левое ухо, не реагировала.

«Не понимаю, зачем судьба демонстрирует мне Машеньку в этом карикатурном гротесковом варианте? Что хочет этим сказать? Что Машенька не такая, какой ее вижу я? Об этом же мне талдычил сын Андрей в последнем «видении». И что с того? Мне, действительно, все равно, какой ее видят другие. И какой она является на самом деле. Важно, какой ее вижу я!».

Потом в сознании Шагина обе девушки начали очень органично сливаться в одну. Какую-то странную, очень эксцентричную и неуравновешенную особу.

«Ока» опять бесшумно катила по уютному Волоколамскому шоссе. Встречных машин было мало, их тоже редко кто обгонял.

Проехали Дедовск. Звездочка еще дважды требовала остановиться и делала у бабулек и в придорожных ларьках самые экзотические покупки. Маринованные и соленые огурцы в разнокалиберных банках, ведро картошки, яблоки, явно прошлогоднего урожая. И так далее, и так далее.

Все приобретения она со счастливой улыбкой оттаскивала к машине. Шагин только и делал, что укладывал и перекладывал съестное в багажнике. И на заднем сидении. «Ока», все-таки, не резиновая. Маленькая машина, микроавтомобиль. Не «Нива» и не «Волга». Не говоря уж, об иномарках.

Но больше не вступал со звездой ни в какие пререкания.

«Терпение — есть неременное условие формирования творческой личности! Терпение и труд — все перетрут!» — постоянно в детстве твердила мать. Она была абсолютно убеждена, ее сына ждет блестящее литературное будущее.

«Бедная, бедная мама! Твой сын ни на йоту не оправдал твоих тайных надежд. Средний литератор средней руки. Широкая известность в узких кругах. Первый среди третьих. Ты была бы разочарована.

Но насчет терпения ты права на все сто. Сейчас мне явно следует запастись вагоном терпения. Вагоном и маленькой тележкой. Иначе...».

В самой Истре тоже не обошлось без приключений. Как только остановились на первом же перекрестке, Ассоль увидела стоящую рядом спортивную машину ярко красного цвета. За рулем сидела девица и яростно жевала жвачку.

Ассоль и жующая девица одновременно повернули головы, встретились взглядами. Между ними тут же проскочила молния. Девица в спортивной машине задвигала челюстями еще яростнее.

В следующую секунду Ассоль выкинула фортель в стиле ребенка из детского сада для отроков с замедленным развитием.

Видели когда-нибудь, как дети в песочнице иной раз ни с того, ни с сего, без всякой видимой причины, срываются с цепи? Начинают швыряться в друг дружку, чем попало, что подвернется под ручонку. Песок, совочки, мячики, куклы, все идет в дело. Летит в мордашку соседа или соседки по песочнице. Самые опытные воспитательницы не могут уловить момент начала вспышки агрессии. Кто первый начал? Вопрос тридцать девятый. Начали одновременно все.

Соседка Ассоль по ряду, не выпуская из рук кожаного руля спортивной машины, на секунду замерла. Потом быстро-быстро задвигала челюстями и, выпучив глаза, выдула изо рта огромный пузырь. Тот с вызывающим хлопком лопнул. Девушка победительно и презрительно скривилась, глядя на Ассоль, и уже хотела отвернуться...

Ассоль среагировала в ту же долю секунды, как лопнул жвачный пузырь.

Она перегнулась через спинку на заднее сидение, схватила в обе руки пару горстей вишни-черешни и молниеносно запустила ими прямо в ухмыляющуюся физиономию девушки.

— На! На! Корова жвачная! Ты голодная!? На! Жуй!!! — орала звездочка на всю Истру и ее окрестности.

При этом Ассоль высунулась из окна «Оки» почти до половины. Надо думать, чтоб не промахнуться. Она

не промахнулась. Все заряды вишни-черешни попали точно в цель, в физиономию наглой девицы.

Ассоль откинулась на спинку сидения и удовлетворенным тоном распорядилась:

— Поехали! Вперед!

При этом нельзя сказать, чтоб она была взволнована или расстроена. Ничуть.

Шагин тронулся с места, но уехать далеко от перекрестка не успел.

Как только звездочка углядела недавно построенный рядом с автостанцией Супермаркет, естественно, немедленно приказала причалить к нему и остановиться.

И ждать ее столько сколько понадобится.

Шагин про себя выматерился, но выполнил приказ. Честно говоря, он даже мысленно никогда не матерился. Не любил и все тут. Не говоря уж о том, чтобы вслух. Да еще при женщине. Исключено. Но тут... эта особа... из этого... шоу бизнеса... способна даже ангела вывести из себя.

Через час Ассоль вышла из Супермаркета в окружении как минимум десятка тинэйджеров обоего пола. И каждый тащил в руках один-два свертка или пакета. Звездочка произвела опустошение всех прилавков на радость продавщицам.

«Вся маскировка псу под хвост!» — констатировал Шагин. «Теперь ее вычислить для любого сыщика раз плюнуть!».

С полчаса Шагину пришлось укладывать и утрамбовывать эту гору покупок в багажник и на заднее сидение «ослика».

Чего тут только не было! Ассоль прихватила с собой с прилавков торгового центра два десятка пластиковых бутылок минеральной воды. Несколько бутылок красного и белого вина. Вермут и виски. Водку и коньяк. Банки пива и «Пепси» вообще не поддавались подсчетам. Несколько палок копченых и полукопченых колбас. Головки сыра. Какие-то консервы и горы предметов личной гигиены. Салфетки, одноразовая посуда, баночки, вазочки, полотенца...

Пока Шагин укладывал и утрамбовывал покупки, звездочка стояла в окружении тинэйджеров и, нахмурившись, раздавала автографы, не обделяя своим благосклонным вниманием ни одного из фанатов.

В завершении встречи с благодарными зрителями и почитателями ее таланта Ассоль собственноручно вынула из «Оки» из-под груды свертков и пакетов пресловутую корзину с вишней-черешней и торжественно вручила ее поклонникам.

Свист, одобрительные выкрики, аплодисменты были ей наградой.

Но, наконец-то! тронулись.

После поворота направо от Новоиерусалимского монастыря до дачного поселка оставалось минут десять езды.

— Твой этот поселок, многонаселенный? Людей много? — спросила Ассоль.

«Фанатов Ассоль не водится!» — чуть не брякнул Шагин, но сдержался.

— Я должна пребывать на даче инкогнито! — заключила звездочка.

Ей очень нравились такие слова. Киднепинг, инкогнито.

Въезд в поселок прошел никем незамеченным. По крайней мере, так показалось Шагину. Даже Креп, стороживший шлагбаум у сторожки не подал голоса.

Разумеется, Шагин в очередной раз ошибался. В писательский дачный поселок невозможно въехать никем незамеченным. Категорически невозможно.

Стараясь не давить на педаль газа, тихо и интеллигентно Валера свернул на свою вторую улицу, подъехал к даче, вышел из машины, открыл калитку, потом большие ворота и огляделся по сторонам.

Середина дня. Тишина.

«Слава Богу! Кажется, пронесло!» — подумал он.

Он боялся встретиться лицом к лицу с Машенькой. Шагин терпеть не мог выяснения отношений. Всю жизнь всячески избегал этого.

Хотя, по здравому рассуждению, можно все спокойно и просто объяснить. Мол, согласился на эту дикую авантюру исключительно по финансовым соображениям.

В конце концов, можно даже некоторое время провести и втроем. Машенька, наверняка, сможет найти общий язык с этой... не совсем адекватной особой. Все-таки, одно поколение, из одной бутылки «Пепси» глушат.

Валера распахнул ворота и медленно загнал «Оку» на привычное место под раскидистую ель. Ассоль все это время сидела в машине совершенно неподвижно, как в ступоре, смотрела перед собой в одну точку.

Валера вернулся к воротам, закрыл их и еще раз из калитки выглянул на улицу.

Тишина-а! В особняке Чистовских тоже ни шороха, ни звука.

Стало быть, Машеньки просто нет на даче. Готовится к экзаменам в Москве.

Как-то так сложилось, они почти не звонили друг другу по мобильникам. Не сговариваясь, оба предпочитали договариваться о встречах, глядя в глаза друг другу.

Затем Валера жестом показал Ассоль, мол, можно выходить, никакой опасности. Та быстро надела темные очки и, не вылезая из машины, жестом подозвала Шагина подойти поближе. Валера со вздохом подчинился.

— Меня никто не должен видеть! — прошипела звездочка.

«Об этом надо было думать в Супермаркете!» — хотелось со злорадством откомментировать Шагину.

Но он, наверное, уже в тысячный раз за сегодняшний день сдержался.

Пухлая пачка зеленых купюр требовала все новых и новых жертв.

Все это видела Машенька Чистовская.

Она стояла у окна своей спальни и нервно кусала губы.

Видела, как на улице перед дачей Шагина появилась знакомая «Ока». Ее она без труда узнала бы из сотни других.

Видела, как машины вылез Валера. Весь какой-то испуганный, даже плечи были слегка опущены вниз. Прежде чем подойти к калитке, он несколько раз быстро оглянулся по сторонам. Потом распахнул калитку, открыл изнутри свои нелепые ворота и вернулся к машине.

И тут Машенька разглядела внутри машины противную, просто отстойную девицу. С первого взгляда ясно, накрашенная, вульгарная галантерейная телка. Из тех, что бесконечно тусуются по ночным клубам.

Валера загнал «Оку» под ель, на свое привычное место, закрыл ворота и еще раз быстро выглянул на улицу. Машенька подумала, этот момент он стал похож на Феликса Куприна, когда тот в очередной раз что-либо волочет с поселковой свалки. Так же жалко и испуганно оглядывается по сторонам. Будто украл что-то. Или хапнул кем-то случайно оставленное. Господи!

Жалко это все. Нелепо и жалко.

Валера вернулся к «Оке», наклонился и заглянул внутрь. Что-то тихо сказал отстойной девице. Та зачем-то напялила на физиономию большие темные очки, но выходить из машины не торопилась. О чем-то они шепотом переговаривались.

Машеньке стало совсем противно. Невыносимо. Где он откопал это сокровище? В каком подпольном борделе? Или прямо на шоссе заметил и не удержался?

На дачу Машенька прикатила еще вчера вечером. Отнюдь не стихийно. Решила сделать Валере подарок, сюрприз. Родителями категорически заявила, едет на дачу одна, в тишине и покое готовится к экзаменам.

Хорошо бы, чтоб ее никто не беспокоил. Ни звонками, ни визитами.

Проснулась поздно, после двенадцати. И сразу начала готовить свою комнату к визиту ненаглядного Шагина. Бутылку вина на столик, два бокала, две свечи. У них будет целый вечер. И ночь. И утро.

Машенька несколько раз звонила Шагину на мобильник, безрезультатно. Потом вспомнила. По финансовым мотивам, дабы избежать случайных звонков с городских номеров, Валера последние дни отключал телефон.

Машенька только собиралась еще раз позвонить Валере, как ее мобильник зазвонил сам. Противным писклявым тоном.

«Надо сменить мелодию! Записать что-нибудь более продвинутое!» — успела подумать Машенька, когда разглядела на дисплее номер матери.

Родители существуют исключительно, чтоб производить неприятности.

Глубоко вздохнув, Машенька нажала кнопку ответа.

И тут же услышала сдержанный, но озабоченный голос матери:

— Мы через пару часов подъедем. Все вместе.

Машенька закатила длинную паузу. Было слышно, как в трубке щелкали центы.

— Ты рада? Все-таки, не одна ночевать будешь в пустом доме.

— Я в восторге, — пробормотала Маша.

— Как раз восторга в твоем голосе и не слышу! — ответила Люба.

И отключилась.

«Хорошо хоть позвонили!» — мрачно подумала Машенька.

Вот так и бывает! Спасибо, предупредили. Был бы цирк, если они застали нас обоих здесь. Стрельба, погоня, как во французской комедии.

Теперь еще этот классик современной драматургии приехал не один как обычно, какую-то отстойную девицу приволок.

«Вы все сговорились, что ли!?» — клокотало в груди Машеньки. — «Я имею право на личную жизнь или нет?»

Господи! Какие у нее были обширные планы на сегодняшний день. И вечер. И ночь. Как все поначалу хорошо складывалось. Родители твердо обещали приехать только завтра к вечеру.

Так мечтала весь день провести вдвоем с Валерой. Она должна ему была так много сказать. Ведь это такое везение, весь день вместе.

Только Я и ОН.

И никого больше. Во всем мире.

— Ты дорого заплатишь... старичок! — едва слышно прошептала она.

Машенька ощущала легкий озноб. По спине волнами бегали мурашки.

«В душ! Немедленно в душ!» — судорожно вертелось у нее в голове. «И не смотреть на Это! Не смотреть даже в ту сторону!».

Торопливо раздеваясь, она чувствовала, еще немного и у нее начнется истерика.

Проснувшись одна в огромном доме, она тут же выдула большую чашку черного растворимого кофе. Больше с самого утра во рту и маковой росинке не было. Теперь она очень об этом пожалела.

Но Машенька Чистовская не могла себе позволить и кусочка лишнего.

Она худела.

Над спящим ночным писательским поселком звенел пронзительный девичий крик. Волнами его настигал и заглушал дружный хор собачьих голосов.

— Люди-и! Помогите-е!

Тот девичий крик в ночи слышали многие из засыпающих обитателей поселка. Но никто и пальцем не пошевелил что-то предпринять. Воистину, наш народ стал беспросветно равнодушным, глухим к чужому горю-несчастью.

3

Дача Шагина даже на подготовленного человека производила шоковое впечатление. Хаотичный склад старой поломанной мебели, расставленной в самых неожиданных местах, груды туристического снаряжения, от байдарок и палаток, до болотных сапог и, вконец изношенных курток, зонтов, плащей, сумок.

— У вас экзотично! — иронично улыбалась Люба Чистовская.

После смерти Андрея он частенько заходила в гости. Угощала одинокого Шагина кулинарными разностоями собственного приготовления.

Кстати, готовила она всегда отменно. И подкармливала Валеру.

— Скоро экзотикой торговать стану. На экспорт, — жуя очередной пирожок, или поглощая очередной витаминный салат, отвечал Шагин.

Короче, ощущение от внутреннего убранства дачи, будто Мамай только что прошел. Со своей Ордой. Феликса Куприна бы сюда запустить. На недельку. Он бы навел здесь порядок. Перетащил бы все старые телевизоры, приемники, проигрыватели, кофемолки и стиральные машины в свои безразмерные сараи. Очистил бы дачу от ненужного хлама. Довел бы все помещения до девственной пустоты.

Тогда можно было бы развернуться!

Потратить деньги, черт с ними, купить дачную мебель. Сделать все красиво, просто и удобно. Как в особняке у Чистовских.

Простодушная наивная Лида когда-то об этом и мечтала. И даже судорожно пыталась превратить дачу в нечто пристойное. Увы, увы! Все комнаты, веранды и террасы были явно неприспособлены для человеческого проживания.

Исключение составлял лишь кабинет Шагина на втором этаже. Да и то с большой натяжкой. Письменный стол, два старых матраса, составленных в одну большую, якобы, тахту. Все стены увешаны театральными афишами, фотографиями и детскими рисунками сына.

Единственное достоинство кабинета большое двустворчатое окно. За ним — вторая северная улица, в обрамлении елей. И кусочек особняка Чистовских,

видно несколько окон. Прекрасный вид. Лучшего и желать не стоит. Для работы самое то, что надо. Тишина, зелень за окном, птички, белки всякие.

Рай для творческого человека.

Когда Шагин и Ассоль поднялись на второй этаж в кабинет, оба чуть не задохнулись от духоты. Валера тут же настезь распахнул окно. Комнату заполнил освещающий, прохладный, целебный подмосковный воздух. Казалось, его можно хватать руками, резать на куски и глотать кусками.

— Кто тебя просил!? — вскричала звездочка шоу бизнеса, — Комары! У меня от их укусов аллергия. Сыпь по всему телу. Тропические язвы!

«Маша! Перестань корчить из себя идиотку!» — чуть было не рявкнул Шагин. Но во время, спохватившись, вслух сказал совершенно иное:

— «Раптор» на что!

— Это еще что за гадость?

— Гениальное изобретение человечества. Таблетка. Засовываешь ее вот сюда, втыкаешь в розетку... — терпеливо, тоном школьного учителя объяснял Валера.

И даже наглядно продемонстрировал. Воткнул в розетку коробочку с таблеткой.

— Всю ночь можно спать, не укрываясь одеялом. Ни одна сволочь не укусит.

— Дикость какая-то! «Раптор» какой-то! Спать, не укрываясь...

Ассоль в нервном волнении ходила взад-вперед по кабинету. Поеживалась и резко передергивала плечами. Шагин присел за стол, чтоб не мешать

свободному перемещению звездочки по кабинету. Зачем-то включил и тут же выключил компьютер. На втором этаже было, честно говоря, тесновато.

Раздражение все больше и больше охватывало юное создание.

— Мне надо выпить! — наконец решительно заявила она.

«Вон оно что! Младенческий алкоголизм! То-то она вся дорогу тряслась, как пьянь зеленая после вчерашнего. Мне бы раньше догадаться» — подумал Шагин.

Вслух с готовностью вышколенного официанта, предложил:

— Чай! Кофе! Молоко! Кефир!

— Ладно вам! Принеси бутылку красного вина! Оно выводит шлаки, — небрежно ответила звездочка.

«Откуда у тебя шлаки, в твоём-то возрасте?» — подумал Шагин, но опять промолчал. Кивнул и спустился вниз.

Еще много много раз за вечер ему приходилось бегать вниз-вверх, выполнять капризы юной звездочки шоу бизнеса.

Наверняка привыкла, ее обслуживают несколько горничных и помощниц.

В это время в своем крохотном хозблоке за столом сидел Феликс Куприн. Допивал чай из большой фаянсовой кружки, курил последнюю на сегодняшний день сигарету и мрачно поглядывал на настенные часы. Электронные часы «Янтарь», (разумеется, тоже с общей свалки), опять убежали на двадцать пять минут вперед.

По телевизору передавали «Вести», хотя если верить стрелкам, должен был уже начаться какой-то новый, судя по настырной рекламе, захватывающий любовный мексиканский супер сериал.

Любовных телевизионных сериалов Феликс Куприн не смотрел. У него была реальная любовь. С девятой северной улицы.

В душе Феликса шевелилось смутное недовольство. Неясное, неопределенное. Так всегда бывало, если какое-то дело не довел до конца.

«Надо все-таки сходить к Шагину!» — вертелось у него в голове. «Проверить, что там и как!».

Крик в ночи незнакомой девушки не давал покоя.

— Сволочи! — не отрывая взгляда от маленького экрана телевизора «Рекорд», сказала Дора.

Это злобное, едкое, беспощадное слово в последние десять лет чаще других вылетало изо рта его некогда красавицы Доры. Очевидно, в ее воображении оно разило наповал легионы невидимых врагов. Олигархов, коррупционеров, аферистов и мошенников всех мастей.

— Слышал? Эти олигархи вторую машину собрались покупать! Совсем обнаглели!

— Откуда информация? — мрачно уточнил Феликс.

— Слышала.

Феликс пожал плечами. Дора раздраженно потрянула головой.

— Народ голодает, недоедает. Ни электричества у людей, ни теплой воды, а эти... вторую машину покупают! Стрелять таких сволочей надо!

Феликс и на этот выпад не отреагировал. Сдерживался.

— Разворовали, разорили прекрасную страну! Людей довели до ручки! В правительстве одни воры и аферисты! Куда мы катимся? В любом цивилизованном государстве народ давно бы вышел на баррикады...

Стыдно было признаться самому себе, но свою законную жену, с которой вместе прожили больше сорока, и в которую Куприн когда-то был до умопомрачения влюблен, теперь Феликс тихо ненавидел.

— Три миллиона бездомных детей! Пенсионеры по помойкам ползают, бутылки собирают! Это у них демократия называется!

Лет десять назад, он вдруг будто внезапно прозрел. Увидел Дору выходящей из душа в не запахнутом халате. И как обухом по голове. Перед ним стояла дряблая, с озлобленным лицом, пустыми равнодушными глазами какая-то незнакомая старуха, даже отдаленно не умеющая ничего общего с той его Дорой, черноволосой красавицей, умницей и насмешливой хохотушкой.

«За что мне это!?» — успел подумать тогда Феликс.

Почему-то именно с того дня он начал подмечать в жене исключительно негатив. Ее неряшливость бросалась в глаза даже посторонним, глупость и категоричность выводили из себя, женскую привлекательность давно уже как ветром сдуло.

— Сволочи! Ни стыда у людей, ни совести! Науку, образование, медицину, искусство все развалили!

Некогда убежденная либералка и западница его Дора, в одно прекрасное утро проснулась озверелой русофилкой. Чуть ли не коммунисткой. Подобная метаморфоза повергла Куприна в шок. На целую неделю. Потом как-то незаметно он смирился, решил принимать, все как есть.

Феликс и сам был не без греха. Десять лет назад тоже мечтал на каком-нибудь телеканале публично сжечь свой партийный билет. Но, увы! Как известно, в этом забеге всех обскакал известный театральный режиссер Марк Захаров.

Кто не успел, тот опоздал!

Одно время Феликс подумывал удариться в религию, прицеливался к православию, взвешивал как на весах, креститься или не креститься. Потом передумал. Решил и в этом вопросе все оставить, как есть. Дора же никогда в особой богобоязни замечена не была.

Короче, пропасть непонимания между супругами, и неприятия расширялась, углублялась, и конца края этому процессу видно не было.

— За границей виллы себе покупают, дворцы, яхты, а народ вымирает! Сволочи!

«За что мне это? За что!?».

— Детей своих в американских колледжах учат! Рожают исключительно в Швейцарии!

Себя Феликс ощущал еще вполне молодым человеком. Лет сорока, не больше. Несмотря на свои семьдесят два, Куприн лихо водил дребезжащую «Волгу», катался в деревню за хлебом на велосипеде,

вставных зубов не имел ни одного и на молодых женщин заглядывался постоянно.

Ситуация усугубилась, когда в поселке на девятой улице объявилась новая соседка. Молодая женщина средних лет. В ней все было необыкновенно. И имя, и фамилия, и, разумеется, внешность.

Звали соседку Анна.

«Ах, Анна! Боже мой!».

Анна! Анечка Барбекю. Это вам не какая-нибудь Марья Ивановна Некудыкина. Куприн за зиму в Москве отрастил себе длинную бороду, «не красоты ради, а удобства для», чтоб скрыть, по его мнению, некоторые недостатки лица своего. И зачастил на девятую улицу.

Невольно Феликс сравнивал Анечку со своей некогда красавицей Дорой. И сравнения, естественно, всегда складывались не в пользу последней.

Иной раз Феликс слетал с резьбы и срывался на нервный крик:

— Ты когда-нибудь начнешь следить за собой?! Третий год в одних и тех же драных штанах ходишь!

Дора и вправду пятый год щеголяла по участку и по всему поселку в одних и тех же синих трикотажных тренировочных штанах.

— Соседям в глаза смотреть стыдно! — бушевал Феликс, ничуть не смущаясь, что его наверняка, слышит кто-нибудь из Чистовских.

— Будто мы голодранцы последние! Ведь у тебя есть хорошие приличные вещи! Почему не носишь!?

Дора не удивлялась, не возмущалась, она слышала подобные речи не раз. Равнодушно пожимала плечами,

отворачивалась к телевизору. Только злой постоянный огонек в ее глазах вспыхивал чуть ярче обычного.

Чаще всего уже через минуту, выговорившись, бросив в лицо жене все справедливые, в общем-то, обвинения, Феликс резко замолкал.

Ему становилось стыдно.

Сейчас Дора, не отрывая застывшего взгляда от экрана телевизора, привычно несла какую-то окоlesiцу насчет общечеловеческих ценностей, социальной справедливости, отсутствия подлинной демократии... и тому подобной дребедени.

Феликс Куприн не слушал. Пил чай, и с удовольствием затягивался крепкой сигаретой «Ява». Последней на сегодня. Он берег свое здоровье. Курил ровно по десять сигарет в день. Иногда, правда, перешагивал этот жесткий рубеж. Но подобное случалось чрезвычайно редко.

Феликс сделал последнюю глубокую затяжку и раздавал сигарету в пепельнице.

Часы «Янтарь» показывали без десяти двенадцать.

— Помогите-е! Люди-и!

Опять донеслось со стороны дачи Валерия Шагина.

И опять зашелся в злобном лае бдительный Креп. Казалось, теперь только ему одному было не все равно, что творится в поселке. Даже уже не все собаки отзывались на его возмущенный призыв.

Феликс Куприн, в третий раз, услышав девичий крик из раскрытого окна дачи Шагина, вперемежку со злобным лаем Крепа, не выдержал и решительно поднялся из-за стола.

Подошел к вешалке, надел ветровку, на голову нацепил спортивную кепку.

Взял в руки суковатую палку, нечто среднее между посохом и английской тростью, придирчиво осмотрел себя в зеркале.

— Далеко? — не отрывая взгляда от экрана телевизора, спросила Дора.

— Пойду... прогуляюсь, — неопределенно пробормотал Феликс.

«Надо разобраться с этими манкуртами!» — вертелось у него в голове.

Крик девушки в ночи выбил из привычной колеи. Необходимо было срочно что-то предпринять. Для начала прояснить ситуацию. Феликсу и голову не приходило, что в данный момент на даче находится сам хозяин. Валерий Шагин, собственной персоной. Был уверен, мутанты-манкурты. Кто же еще.

— Анечке... поклон передай! — злобно съязвила Дора.

И тут Феликс неожиданно завелся. Вполоборота.

— В чем дело!? — вскричал он.

При этом даже стукнул суковатой палкой об пол.

— В чем дело?! Что происходит!? Почему ты позволяешь себе разговаривать со мной таким тоном?

— Каким таким тоном? — тихо спросила Дора.

— Вот таким! Таким... спесивым и надменным! Будто я вообще... неизвестно кто! Существо низшего порядка!

— Что заслужил, — ответила жена.

Она по-прежнему, не отрываясь, смотрела на экран телевизора.

— Что!? — опять сорвался на крик Феликс Куприн.

И вторично стукнул палкой об пол.

— Я подобного тона терпеть больше не намерен!

— Ты меня предал.

Дора медленно повернулась в его сторону. В ее глазах пульсировала какая-то бесконечная вселенская тоска. Или так только показалось Феликсу.

— Ты предал меня! — повторила Дора. — И будешь за это жестоко наказан.

Феликс впервые в жизни не нашелся, что ответить жене. Молчал и смотрел ей прямо в глаза. Судорожно пытался понять, какая муха ее укусила?

Дора опять отвернулась к экрану.

— Над тобой весь поселок смеется! Старый дурак!

Куприн вздрогнул, словно его ударили.

— Думаешь, никто ничего не видит? — продолжила Дора.

Она уже опять демонстративно, эдак напряженно и внимательно всматривалась в экран телевизора. Говорила ровно, медленно и спокойно. Будто размышляла вслух. Будто сама с собой. Будто Феликса и вовсе не было в хозблоке.

— Посмотри на себя. И посмотри на нее. Она тебе в дочери годится.

Тяжело дыша, Феликс стоял истуканом посреди хозблока и молчал. Никогда его Дора не говорила с ним подобным тоном. Что касается Анечки с четвертой улицы, конечно, Феликс подозревал, что Дора в курсе. Но как-то так повелось, так сложилось, эту щекотливую тему они никогда не затрагивали в разговорах.

И вот теперь...

— Старый дурак! Седина в бороду, бес в ребро. Совсем разум потерял.

Феликс открыл рот, но титаническим усилием воли сдержался. Несколько раз сильно вдохнул-выдохнул, вдохнул-выдохнул.

Потом одернул куртку и быстро вышел из хозблока. И даже дверью не хлопнул. Хотя очень хотелось. Открыв калитку на улицу, Феликс замер.

Его внезапно пронзила, как молния дикая мысль!

Вся его жизнь была сплошной ошибкой! Он, Феликс Куприн прожил чью-то чужую, не свою жизнь. Ничего из того, о чем мечтал, что планировал, чего добивался, не случилось, не произошло, не состоялось. Если что-то и происходило, то в каком-то карикатурном варианте. Не в то время, и не в том качестве. И так во всем! Начиная от мелочей, и кончая самым главным.

Куприн даже головой встряхнул, чтоб отогнать эту подлую мысль.

В конце концов, еще не вечер. Конечно, он далеко не мальчик. Не тридцать лет, и не сорок. Но даже если предположить, что лично ему, Феликсу Куприну осталось всего ничего, каких-то десять-пятнадцать лет, у него на сегодняшний день есть для чего жить. Судьба подарила ему Анечку Барбекю. Не каждому выпадает такое.

Энергичный Феликс жить торопился, и чувствовать очень спешил.

Он захлопнул калитку и вышел на улицу.

Его жена Дора сидела в кресле перед телевизором и неподвижным взглядом смотрела на экран. Но никакого изображения не видела. Ее глаза застилали

слезы. Почему-то именно сегодня вечером со всей очевидностью навалилось понимание, норковой шубы у нее уже не будет никогда.

Для пожилой женщины шуба нечто большее, нежели просто зимняя верхняя одежда. Шуба для женщины – награда за долготерпение, признание ее значимости в этом мире, надежда хоть что-то изменить.

Увы! Увы! Ничего этого не будет.

Бедная Дора тихо и безнадежно плакала.

Небо было сплошь усыпано крупными звездами. Только с запада над темным лесом традиционно висела еще более темная полоса грозовых туч.

Так бывало почти каждый день, каждый вечер. Грозовой фронт ежедневно к вечеру надвигался на истринский район. Но раздражался дождем, громом и ослепительными вспышками молний раз в неделю, не чаще.

«Сегодня гроза будет!» — убежденно подумал Феликс. И выйдя на Бродвей, решительно направился к девятой северной улице.

— Кто-нибудь!!!

Разносился по всему поселку умоляющий голос незнакомой девушки.

— Люди-и! Помогите-е!!!

Ответом ей была тишина. И дежурный лай собак.

«Звонить или не звонить?» — мучился по пути шекспировским вопросом Куприн Феликс.

Наконец решился. Остановился посреди Бродвея, достал из кармана старенький мобильник, ткнул несколько раз пальцем по затертым клавишам.

— Отделение милиции? Из писательского поселка беспокоят! — решительно начал он.

Неожиданно замолчал. И еще неожиданнее закончил:

— Какая завтра будет погода, не в курсе?

— Пойди, опохмелись, старый хрен! — донеслось из трубки.

Между четвертой и пятой улицами Куприн, уже который раз на этой неделе, лицом к лицу столкнулся с Екатериной Васильевой, восьмилетней внучкой поэта-песенника Арнольда Васильева. Безалаберные родители на все лето сбавивали свою дочь на шею старика отца, в прошлом литературного критика, идеолога и пропагандиста соцреализма.

Своенравная Катя с первого дня взяла моду гулять ночами по центральной улице, по Бродвею. Совершенно без всяческого сопровождения. В поселке детям было стопроцентно безопасно. Но гулять в ее возрасте ночами в полном одиночестве!? Это, по мнению Куприна, переходило все границы дозволенного.

— Опять одна гуляешь? — грозно спросил Феликс.

— Мое личное дело! — с готовностью ответила «Екатерина Великая».

Почему-то именно так мысленно называл ее Куприн.

— Вот не поленюсь, позвоню твоим родителям...

— Не тридцать седьмой год!

«Екатерина Великая» скорчила презрительную гримасу и, обойдя Куприна, как столб, походкой скучающей молодой женщины, направилась по

Бродвею в сторону шлагбаума, что при въезде отгораживал писательский поселок от остального мира.

Тем временем на втором этаже дачи Шагина все было готово к эксклюзивному интервью. На письменном столе диктофон, несколько миниатюрных кассет, стопка листов чистой бумаги и груда шариковых ручек. Сам хозяин стоял у окна и неподвижным взглядом смотрел на освещенные окна особняка Чистовских.

Десять минут назад в ворота особняка въехали сразу две машины. Из Москвы неожиданно приехали отец и мать. С котом Кузей и сыном Александром младшим. Машеньки не наблюдалось. Стало быть, осталась в Москве готовиться к экзаменам.

«Что Бог не делает, все к лучшему!» — про себя подумал Шагин.

— Хочу принять душ! — неожиданно распорядилась звездочка.

Шагин кивнул и, молча, вышел из кабинета. Спустился по лестнице, прошел по террасе, вышел во двор. Подошел к сараю. К фанерной двери души.

Той самой фанерной двери.

Больших душевных сил стоило Валере тогда, через год после смерти сына, на следующий сезон, ранней весной в первый раз подойти к этой проклятой фанерной двери и просто распахнуть ее.

Войти, нагреть воду на допотопном водонагревателе и назло всем, всему миру, стиснув зубы, наперекор своим страхам и слабостям, все-таки, принять душ. И каждое утро, каждое утро принимать

душ. Вовсе не потому, что был таким уж озверелым чистюлей. Шагин тогда кожей почувствовал. Если он не сделает этого сейчас, не распахнет фанерную дверь и не примет душ, всю оставшуюся жизнь будет казнить себя. Не сможет жить дальше.

Эта фанерная дверь и темный провал за ней с искрящимся выключателем будут преследовать его постоянно, мучить, не давать спать ночами. Лида так и не смогла себя преодолеть. Она женщина. Ей простительно. Он должен.

Самым простым было в той ситуации продать к чертовой матери эту дачу и купить новую. Меньшую и совсем в другом месте. Чтоб ничто не напоминало о фанерной двери, об искрящемся выключателе.

Но Шагин тогда сделал этот шаг. Сделал и еще один. Не менее трудный. Сам, собственными руками, не прибегая ни к чьей помощи, сменил в душе всю электропроводку. Заодно и во всем сарае.

И табличку на стене веранды оставил. Не снял. Намеренно. Маленькая такая деревянная табличка, прибитая руками Андрея.

В Москве на кухне он пол ночи, прикусив от старания язык, выжигал паяльником на ней надпись.

«Дом построили отец и сын Шагины. Лето 20.. года».

Анечка Барбекю проживала на девятой северной в переоборудованном под дачу строительном вагончике. Собственно, никакой «Барбекю» она не была. Носила самую обычную фамилию — Калугина. (В девичестве, Саркисян!). Но поскольку постоянно пересыпала свои

длинные речи словечками, типа — Круасан, Корбюзье, Барбекю, последнее к ней как-то незаметно прилипло намертво.

Барбекю, так Барбекю. Бывают фамилии и чуднее.

Когда-то Анечка была цирковой наездницей. Выступала на арене цирка, что на Цветном бульваре. С мужем дрессировщиком лошадей объездила с гастролями весь мир. Потом грянули реформы. Над бедной замордованной страной распростерли свои черные крыла Сорросы и дефолты.

Анечка расплевалась с мужем. Поскольку тот начал вкрутую пить горькую. Не уделял должного внимания ни ей, ни двоим маленьким дочерям. Да тут еще, то ли от постоянных стрессов, то ли по возрастной причине, Анечка начала катастрофически полнеть. Для жизни в самый раз, большинство мужчин любят слегка полноватых женщин. Но для арены, так сказать, перебор. Анечка ушла из цирка. Не оставаться же с ее-то самолюбием, и энергией в костюмершах или гримершах. Дочерей надо было чем-то кормить, во что-то одевать и как-то воспитывать.

И наша доблестная Анечка Кулагина, (Саркисян!), бросилась перегонять подержанные машины из Германии. Какое-то время даже преуспевала, поскольку была единственной и неповторимой женщиной в этом бизнесе. Неплохо зарабатывала. Но ничто не вечно под луной в этом лучшем из миров.

Имя — это судьба. Нет, недаром Анечка пересыпала свою речь словами «Корбюзье» и «Барбекю». Судьба уготовила ей встречу с архитектурой. Пять лет назад, Анечка, не очень-то

задумываясь, зачем-то окончила курсы дизайнеров. Не иначе, за компанию со своей школьной подругой. Получив диплом, взяла, да и открыла собственную фирму.

Ландшафтный дизайн! Ни много, ни мало.

Как ни странно, заказы посыпались на оторопевшую Анечку, как из рога изобилия. Новые русские из кожи лезли переплюнуть друг друга. Требовали организовать на своих участках — «Чтоб как в Европе! Чтоб не стыдно было людям показать!». Анечкина фирма состояла из нее одной. Она и хозяйка, и бухгалтер, и шофер, и прораб, все в одном лице.

Она носилась на своей «Ниве» по всему Подмоскovie со скоростью ведьмы на метле. Работала сразу на нескольких объектах. Нанимала рабочих, доставала материалы, договаривалась с местными властями, спорила до хрипоты с заказчиками. И как ни странно, все успевала. Сдавала объекты в срок. И качественно.

Как известно, сапожник всегда ходит босой. Или в драных ботинках. В садовом товариществе «Прозаик», как уже сказано, у Анечки Барбекю был только строительный вагончик. На большее не хватило времени. И сил. Все остальное, шикарный особняк с бассейном, Анечка планировала отгрохать когда-нибудь потом. Когда чуть-чуть расхлебается с заказами. И они все пребывали и пребывали. И денег требовалось все больше и больше. Все заработанное, Анечка вкладывала во все новые и новые заказы и проекты. Вертелась как белка в колесе. Работала, по ее собственному выражению, по «пятьдесят два часа в

сутки». И конца края этому стремительному забегу видно не было.

Кстати, многие из цирковых артистов отличаются подобной фантастической работоспособностью. Особая порода. Цирковые, одно слово.

Феликс решил зайти в Анечке, одолжить у нее полевой бинокль. Наверняка, пригодится. Хотя, если честно, бинокль был только поводом.

Куприн решительной походкой шел по Бродвею и напряженно вслушивался в голос девушки, доносившиеся из окна второго этажа дачи писателя Валерия Шагина.

Он уходил все дальше и дальше от своей второй улицы.

Нервный, истеричный голос становился все глуше.

Феликс подошел к знакомому низенькому заборчику и подергал за тонкий шнур у калитки, протянутый от столба до угла вагончика. Над дверью вагончика мелодично звякнул колокольчик.

«Ему чего-нибудь попроще, а он циркачку полюбил!» — тихо бубнил себе под нос Феликс. Ему очень нравилась эта песня. Вполне можно заменить, «Ах, Ваня! Что ж ты, Ваня!», на «Ах, Филя! Что ж ты, Филя! Ты сам по проволоке идешь!».

Анечка возникла на пороге вагончика, как черт из табакерки. Эдакий пухленький чертик. Будто только и ждала Феликса. Наверняка, так и было.

— Филя-а! Рыцарь мой! — улыбаясь, пропела Анечка, — Привяжи своего коня к дереву и заходи в мой замок. Огонь в камине давно ждет тебя!

— Ладно тебе... — хмуро начал, было, Феликс, но не выдержал, улыбнулся.

На Анечку Барбекю невозможно было сердиться. Она была выдумщицей и фантазеркой. Постоянно придумывала какие-то игры. С упоением втягивала в них всех соседей. Ею можно было только восторгаться. Чем наш доблестный Феликс и занимался. Последние четыре летних сезона.

Каждый день она выдумывала какую-нибудь новую игру.

— Филя! Я решила посвятить тебя в рыцари Тайного ордена!

— Анечка! — взмолился Феликс.

— Молчи! — приказала Анечка Барбекю.

— Опустись на одно колено! — строго и торжественно продолжила она.

На Анечке было надето какое-то странное пестрое одеяние. Нечто среднее между восточным халатом и лоскутным деревенским одеялом. На голове то личалма, то ли китайское полотенце. Смех, да и только.

Она стояла посреди своего вагончика и прижимала к груди деревянный меч, довольно приличного размера. Явно умыкнула из артистического реквизита в своем цирке на Цветном бульваре.

— Филя! Я жду! — грозно заявила Анна.

Феликс со вздохом опустился на одно колено. На Анечку, действительно, невозможно было сердиться. Хотя, пол вагончика она могла бы и подмести.

Но Анечку подобные бытовые мелочи никогда не волновали. Недаром она носила фамилию Барбекю. Это вам не кот начихал.

— Завтра ранним утром! — грозно вещала Анечка,
— Едва взойдет солнце, ты должен выйти в чистое поле...

— Без этого никак? — вставил Куприн.

— Над полем завтра будет висеть радуга! — голосом Кассандры, продолжала Анечка. — В том месте, где она левым своим концом коснется земли, ты должен вбить осиновый кол.... Прочертить вокруг него большой круг...

«Ну, и фантазия!» — мысленно усмехнулся Феликс.

— И прикрепить на нем табличку: «Драконам вход воспрещен!».

— Согласен! — послушно кивнул Феликс. Честно говоря, он опасался, посвящение в рыцари будет сопряжено с более реалистическими приказами.

— В этом месте мы построим замок! — деловым тоном объявила Анечка.

Судя по всему, «проблемы Доры» для нее просто не существовало. Феликс тоже начисто забывал о жене, едва переступал порог строительного вагончика.

У любознательных дачников возникал естественный вопрос. Чем, собственно, занимается эта парочка, запершись на железный засов в строительном вагончике и, наглухо занавесив плотными шторами окна? Какие-то подозрительные ритмичные шумы, какая-то древняя допотопная музыка. Что это?

Ответ поразил бы даже самый изощренный фантазийный ум.

Феликс Куприн и Анечка Барбекю, в глубокой тайне от общественности, разучивали исключительно для

себя, для души, партии из некогда популярных, сегодня, к сожалению, напрочь забытых оперетт.

«Всегда-а быть в ма-аске-е! Судьба-а моя-а-а!!!» — трагически пел Феликс Куприн. Кстати, у него был неплохой баритональный тенор.

Анечки ни на йоту ему не уступала. Ни в чем.

«Карамболина-а! Карамболетта-а! Ты солнце радостного дня-а!»

Особенно удачно у них получался дуэт из «Белой акации».

«Посмотрите, ветер тучи нагоняет! Ну и что же? Значит, дождь пойдет сейчас. Да, возможно. Значит, многое бывает. По причинам не зависящим от нас! Безусловно, кое-что, хоть и немного! С той поры, что существует белый свет!»

Ах, что это были за чудесные вечера!

На тесном пяточке строительного вагончика эти двое уже немолодых людей умудрялись разучивать десятки танцев и орий из оперетт.

Одни названия чего стоят! Менуэт, полонез, полька-бабочка, вальс бостон, галоп, краковяк! «Белая акация», «Мистер Икс», «Фиалка Монмартра»!

. Необычной формы. У Анечки все всегда было необычное, экстравагантное.

— Налей полные бокалы!

Феликс с готовностью принялся исполнять приказание. Анечка Барбекю и Феликс Куприн взяли бокалы с вином и посмотрели друг другу в глаза.

— Рыцарь мой! — улыбаясь, спросила Анечка. — Чего бы ты хотел больше всего на свете?

— Для себя или для человечества? — уточнил Феликс.

— Ну... допустим, для него?

— Для человечества. Миру – мир! И хватит с него, с человечества. А для себя...

Анечка Барбекю и Феликс Куприн сидели за столом напротив друг друга. Оба улыбались. Смотрели друг другу в глаза и улыбались.

Над поселком прогремел гром. Глухо и угрожающе. Именно сегодня природа решилась, все-таки, разразиться над истринский районом незаурядным ливнем.

С разных концов поселка слышался испуганный лай собак.

Буквально после третьей фразы эксклюзивного интервью Валерий Шагин со всей ошеломляющей ясностью наконец-то понял. Он по уши влип, мягко говоря, в крайне неприятную историю.

«Жадность фраера сгубила!» — пронеслось у него в голове.

Какая-то глупая привычка у него возникла в последнее время. Явное отклонение от нормы. Вовсе не видеть очевидного, бросающегося в глаза. На себе слишком закольцевался, что ли?

Так бывает. Прямо перед носом маячит совершенная очевидность. Окружающие пальцами показывают. Человек же предпочитает не замечать этой очевидности. Задвигает ее куда-то на периферию своего сознания. Отмахивается от указующих перстов окружающих. И только когда совсем уж натывается на

нее лбом, набивает большую шишку, только тогда замечает. И очень удивляется. Почему меня никто не предупредил? Не указал пальцем на очевидное?

Перед ним на тахте, скрестив ноги по-турецки, сидела абсолютно ненормальная девчонка с бездонными темными глазищами и, раскачиваясь из стороны в сторону, как курильщик опиума, несла какую-то чудовищную околесицу. Эдакий дикий коктейль из третьесортных американских триллеров, обильно сдобренный фрагментами то-ли из «Санта Барбары», то-ли еще из какой-то подобной мыльной дребедени.

Девчонка постоянно всхлипывала, кривила влажный рот и вытирала ладонями губы. Невпопад дико хохотала, как ночной филин или внезапно замолкала на полуслове и, уставившись в одну точку, морщила крутой лобик и пыталась с остервенением что-то выковырнуть у себя из уха.

Она ни на секунду не выпускала из рук большую бутылку с красным вином. Хлебала его, как воду. Через каждые десять-пятнадцать секунд. И ничуть при этом не пьянела. Шагин сколько ни пытался, так и смог уловить в ее лице или голосе даже малейшего признака опьянения.

Воистину, это поколение слеплено из другого теста. Хотя, возможно, все дело в ее «неадекватности».

Хорошо быть психиатром. Или психотерапевтом. Сегодня самая востребованная профессия. Мотивы, устремления, тайные желания любого индивида для тебя как на ладони. Пациент еще только собирается рот раскрыть, ты уже знаешь, что именно он собирается вякнуть. Более того. Знаешь даже, что он сотворит через

месяц или год. Прелесть что за профессия! И деньги они гребут лопатой.

Если психиатр или психотерапевт еще и астрологией увлекается, волочет в этом вопросе, для него открываются просто бесконечные горизонты. Именно, бесконечные. Для такого нет туманных неясностей, драматических загадок и запутанных комплексов.

К сожалению, наш Джек Лондон, то бишь, Валерий Шагин, не очень увлекался астрологией. Что-то слышал краем уха. Не более того. Потому довольно часто попадал впросак.

— Какой у вас знак Зодиака? Пингвин? — спросил Валера.

— Зубр! — рыкнуло юное создание.

— Ясно, — усмехнулся Шагин.

— Ничего тебе не ясно! — зло ответила звездочка, — И нечего из себя корчить всезнайку. Если ты старше на несколько лет, это ни о чем не говорит. Ясно?

Шагин не был психиатром. Но даже неспециалисту с первого взгляда было ясно. На тахте восседало совершенно ненормальное существо. Девушка, почти подросток. С серьезным психическим расстройством. В период обострения. Ей требовалась экстренная квалифицированная медицинская помощь.

«О, Господи!» — охнул про себя Шагин, когда поднялся в очередной раз на второй этаж в свой кабинет. И увидел Ассоль с выпученными глазами, яростно ковыряющую у себя в ухе пальцем.

Перед этим она попросила его на минутку выйти. Ей, мол, надо переодеться и привести себя в порядок. Сама за эту минутку успела прилично подраздеться.

«Завтра же отвезу ее обратно в Москву. Надо только как-то перебиться до утра. Придется не спать всю ночь».

Начиналось-то все вроде ничего, нормально. Полчаса назад казалось, все путем. И не в таких передрыгах приходилось бывать.

— Диктофон работает? — подозрительно осведомилась Ассоль.

— На полную катушку, — ответил Валера. Хотя сам и не думал нажимать на кнопку записи. Тратить пленку, пустое занятие.

Из своего небольшого, но все-таки опыта общения с сумасшедшими он вынес одно. Главное — не возражать, не перечить, во всем соглашаться. Иначе беда!

Теперь, окончательно и бесповоротно убедившись, что перед ним просто несчастная сумасшедшая девочка, Шагин решил выждать какое-то время. И только потом перейти к активным действиям.

Ассоль, между тем, сделала внушительный глоток из бутылки, собрала с духом и начала свое трагическое повествование.

Как и предполагал Шагин, под первым номером у нее шло изнасилование.

Краем уха он слышал от компетентных людей. Штамп «номер раз!». У всех юных бомжих и бродяжек всегда наготове слезливая история о том, как ее, бедную, несчастную, изнасиловал родной отец.

Извращенец, алкоголик и вообще, нелюдь! По их убеждению это должно разжалобить глупых взрослых.

Бедняжки и не подозревают, опытные взрослые тети в белых халатах и дяди в погонах отлично осведомлены, что все эти истории об изнасиловании родным отцом в девяносто семи (!?) случаях из ста чистейшая выдумка больного детского воображения. И только три процента, хотя и это чудовищно много, правда.

Шагин уже догадался, ему предстоит услышать один из вариантов.

— Помогите-е!!!

Задрав голову к потолку, вдруг заорала во все горло Ассоль. Она орала пронзительным визгливым голосом средневековой ведьмы, у которой монахи начали выдирать волосья из башки.

— Люди-и, помогите-е!!!

Бесконечно повторяла она на все лады. Раскачивалась при этом из стороны в сторону, как старый индеец у костра в окружении своего племени, взывая к своим Богам за помощью и поддержкой.

Залаяли на все голоса со всех сторон собаки. Взвились из-под крыш сараев и низко, со свистом рассекая ночной воздух, начали шарахаться между дачами летучие мыши. Кое-где вспыхнули огни в окнах. Где-то хлопнула калитка.

Во всем поселке только один человек сохранял олимпийское спокойствие.

Валерий Шагин курил сигарету, стряхивал пепел в пепельницу и делал вид, будто регулирует громкость записи диктофона.

— Так я кричала на все Адриатическое побережье, у нас там свой особняк, — с неподдельной горечью в голосе, как-то очень заготовлено, молвила Ассоль. — ...когда меня насиловал мой родной отец!

Шагин лишь мельком взглянул на девочку. Она широко раскрытыми глазами смотрела в темноту окна.

«Теперь на меня повесят всех собак!» — думал Валера.

Ассоль продолжала взывать к каким-то неведомым людям. Ко всему человечеству, короче. Правда, взывала она как-то автоматически, без нервов, без внутреннего напряжения. Как-то очень привычно и даже обыденно.

Шагин молчал. Крики Ассоль постепенно начали сходить «на нет».

— Что скажешь? — наконец спросила она, перестав взывать к человечеству.

— Впечатляет.

— Не веришь? — совершенно спокойным тоном спросила она.

— Почему, верю, — не поднимая головы от диктофона, ответил Шагин.

— Это истинная, правда!

— Верю, верю.

— По-моему, классное название для книги. «Люди! Помогите!».

— Стоит подумать, — ответил Валера.

— Только не надо вот этих гнусных двусмысленных ухмылок! — неожиданно со злостью сказала она.

— Не думал даже.

Шагин поднял на нее удивленное лицо. Недоуменно пожал плечами и привычно переменял позу. Левая нога опять затекла.

— Ладно вам! По глазам вижу, не веришь! — настаивала Ассоль.

— Вы ошибаетесь, дитя мое!

— Не смей меня называть «дитя мое!»! Так меня называл он! Этот ублюдок, бывший мой отец... И вообще, он мне не отец. Так, посторонняя гнусная личность.

— Хорошо. Не буду.

«Если так дальше пойдет, придется ее связать. На всякий случай» — между тем думал Шагин.

— Ненавижу, ненавижу-у! У-у-у!!!

«У меня здесь всего два полотенца. Явно мало. Надо под каким-то предлогом спуститься вниз. Где-то в ящиках есть старые простыни».

Неожиданно помогла сама Ассоль.

— Принеси еще вина! Вермут и виски! — резко распорядилась она.

Шагин открыл, было, рот, мол, маленьким девочкам не следует злоупотреблять спиртными напитками. Мол, плохо влияет на цвет лица и все такое. Но во время прикусил язык. Вполне возможно звездочку от обилия спиртного развезет, и уложить ее в постель, предварительно связав, не составит никакого труда.

А там... утром погрузить бесчувственное тело на заднее сидение, час езды и...

«Здравствуй, столица! Здравствуй, Москва!».

Шагин спустился на первый этаж и посмотрел на часы.

Было без пятнадцати двенадцать.

«В запасе всего пятнадцать минут!» — нервно подумал Валера.

Поселковый сторож Миша, отставной моряк-подводник, регулярно, как робот, ровно в двенадцать часов подходил к общему электрощиту и вырубал рубильник. Поселок погружался в беспросветную темень. Ни увещевания, ни просьбы, ни даже подкуп, не производили на него ни малейшего впечатления. Не иначе, за годы плавания в Мировом океане на всяческих подводных судах у него сформировался жуткий комплекс экономии электроэнергии.

— Электричество должно быть экономным! — мрачно твердил он.

Попытки вбить в его морскую голову, что, мол, летом по такой жаре, холодильники во всем поселке непременно потекут и, что бедные дети, внуки останутся без завтрака, или того хуже, отравятся испортившимися молочными продуктами, случится поголовная эпидемия и все такое, ни к какому положительному результату не приводили.

— До утра ничего с вашими продуктами не сделается! — парировал матрос Миша. И вырубал электричество.

Не раз и не два на общих собраниях, (единогласно!), выносили решения — выгнать матроса-подводника Мишу к чертовой матери из поселка. Но, (увы!), на должность сторожа, за такую мизерную зарплату, называть которую вслух, язык ни у кого не

поворачивался, желающих не находилось. Все оставалось по-прежнему.

В двенадцать часов отбой! В шесть утра подъем!

Неожиданно Феликс нахмурился. И даже помрачнел. Поставил бокал на стол. И даже слегка отодвинул в сторону.

— В чем дело? — встревожилась Анечка.

— Надо что-то делать с этими манкуртами, — проворчал Куприн.

— Ты имеешь в виду....

— Именно! — жестко ответил Феликс. — Ты спросила, чего бы я хотел? Тишины! Покоя, тишины и порядка! Ты посмотри, что они творят! Скоро весь поселок превратят в загородный бордель! А вокруг дети и пожилые люди!

— Филя-а! — укоризненно пропела Анечка. Она с первой минуты знакомства называла его именно так. «Филя-а!». Ласково и нежно.

— Какие твои годы! Ты еще вполне молодой мужчина...

— Короче! Выходки этих мутантов лично я больше терпеть, не намерен! Ты слышала, как кричала девушка? Звала на помощь!

— Мало ли,... — пожала плечами Анечка, — Может, они просто дурачились. У нынешнего поколения шутки все какие-то... дебилские!

— Ты заметила, никто не обратил внимания. Все сделали вид, будто ничего не слышали. А ведь поселок набит народом. Все сидят по своим норам и никто даже нос не высунет на улицу. Так дальше продолжаться не

может! Лично я терпеть этот бардак не намерен! Знаешь, сколько в Подмосковье маньяков на свободе разгуливает? — с угрозой спросил Феликс.

— Сколько? — округлив глаза, спросила Анечка.

— Каждый третий!

— Может быть, на даче Шагина обосновалась банда?

— Все может быть, — задумчиво молвил Феликс.

— Надо проверить. Девушка кричала, просила о помощи, слышала?

— Ну... что-то такое было... — неуверенно ответила Анечка. — Просто дурачились. У этих молодых шутки нынче дебилские. Не сразу и поймешь.

— А если что-то серьезное? Если человек действительно нуждается в помощи. А никто и пальцем пошевелить не желает. Что тогда?

— Можешь на меня рассчитывать! — решительно заявила отважная Анечка.

В эту секунду она была готова пойти вместе с Феликсом и сразиться насмерть с целой бандой сексуальных маньяков-насильников.

Поднявшись в сотый раз на второй этаж с подносом в руках, Шагин замер на пороге кабинета. По его спине волной пробежали мурашки, он мгновенно вспотел.

То, что он увидел долгое время, потом вспоминалось ему диким бредом.

Девчонка стояла совершенно голой во весь рост на тахте, вытянув перед собой в руке большой кухонный нож, острие которого было направлено прямо в лицо

Шагину. Глаза ее чудовищно были подведены черной краской, рот размалеван кроваво-красной помадой. Ни дать, ни взять, маленькая вампирша из фильма ужасов. Если бы не нож в ее руке, можно было все свести к шутке.

А тут...

«Когда только успела намазаться?» — мелькнуло у него в голове.

Когда она успела еще и раздеться догола, почему-то не пришло ему в голову.

Несколько мгновений Шагин стоял неподвижно, как истукан, на пороге кабинета. Наверняка, на его физиономии появилась жалкая, слегка испуганная улыбка. Во всяком случае, так подумалось Шагину в эти секунды, которые тянулись и тянулись бесконечно, как провода вдоль железных дорог.

— Испугался... сволочь!? — торжествующе усмехнулась вампирша.

Шагин перевел дыхание, кивнул головой.

— Есть немного. От неожиданности, — насколько возможно, спокойным тоном, ответил Валера.

Секунду помолчал, потом добавил:

— Одна неточность. Я не сволочь. Согласен, у меня множество недостатков. Можно составить целый перечень. Хочешь поговорить об этом? Давай обсудим.

Валера неосознанно в минуту опасности перешел на киношные американские штампы. «Хочешь поговорить об этом? Давай обсудим!». Так выражаются только в заокеанских боевиках третьей категории. У этой девчонки, наверняка, кроме них ни черта в башке нет. Это ей должно быть понятно.

«Главное — усыпить ее бдительность!»

Шагин медленно передвигался по кабинету, делая вид, будто ищет какую-то вещь. Сам всеми силами старался не смотреть на лезвие ножа. Блестящее острие, как компас поворачивалось в его сторону, куда бы он ни двинулся.

— Скажу сразу. Название книги, «Люди! Помогите!» мне не нравится. Как-то излишне экспрессивно, по-женски. Может, придумаем что-либо другое?

— Меня не колышет, нравится тебе или нет! Нравится мне! Понял?

— Хозяин — барин. Кто платит, тот и шарманку крутит.

— Какую еще шарманку?

— Так, к слову. Не обращай внимания.

Все-таки, Валера исхитрился, отвлек на секунду внимание. Помог древний школьный прикол из разряда, «у тебя спина белая!».

— Что у тебя с ухом? — нахмурившись, быстро спросил он.

Валера Шагин очень во время вспомнил, что она с остервенением ковыряла пальцем именно в этом ухе.

— Откуда кровь?

— Где? — недоуменно спросила Ассоль.

Она опустила руку с ножом чуть вниз, провела тыльной стороной ладони другой руки по левой щеке, потом по правой.

Этого мгновения было достаточно. Шагин рассчитал точно. Он кинулся вперед, как солдат на

амбразуру вражеского дота. Еще в полете успел сделать самое главное, перехватить ее руку с ножом.

Ассоль взвизгнула.

Оба упали на тахту и несколько секунд катались по ней, как борцы вольного стиля. Ассоль вцепилась зубами в руку Шагина и сильно укусила его.

Шагин застонал, но сделал главное, вывернул руку Ассоль за спину и не без труда отнял у нее нож. Ассоль тут же перестала сопротивляться. Обмякла и откинулась на спину. Тяжело дыша, Шагин сел на тахте. Утер со лба пот.

Ассоль по-прежнему лежала на спине и, выпучив глаза, смотрела в потолок.

Шагин медленно поднялся с тахты, подошел к окну, размахнулся, и что есть силы, швырнул нож далеко-далеко. Куда-то в угол участка, за кусты.

Ассоль мгновенно, как ужаленная вскочила на ноги.

— Ах ты... подонок! — гневно заявила звездочка шоу бизнеса. — Это подарок.

Подошла в Шагину вплотную. И изо всей силы вlepила ему пощечину.

И в то же мгновение за окнами дачи, над всем писательским поселком, как по заказу, полыхнула ослепительная молния.

Валера Шагин схватился рукой за щеку. А за окнами угрожающе загремел оглушительными раскатами гром небесный. Иллюстрируя, подчеркивая и даже акцентируя эстрадную пощечину.

Давно замечено, окружающая нас природа и есть самый талантливый режиссер. Надо только уметь это заметить.

За окном над крышами домов поселка угрожающим гулом волной прошелся первый порыв ветра. Зашумел листвой деревьев и затих. По крыше дачи звонко застучали первые редкие капли дождя. Но и они через мгновение стихли.

И тут Валера Шагин допустил очередную оплошность. Которую по счету на сегодняшний день? Уже и не скажешь с точностью.

Почему-то, будучи уверенным, что после эмоциональной вспышки, после борьбы на тахте и пощечины, Ассоль хоть на какое-то время утихомирилась, Шагин посторонился, обошел ее справа, как фонарный столб и пошел к двери. Хотел слегка ополоснуться под ручкомойником во дворе.

Этого движения Ассоль хватило с лихвой. Для следующего фокуса.

Она, не долго думая, сиганула прямо в раскрытое окно. В чем мама родила, в совершенно голом виде. Вскочила на подоконник, перекинула наружу ноги, перевернулась спиной к улице и повисла на руках.

— Помогите-е! Люди-и!!! — заорала она на весь поселок.

Надо отдать должное реакции Валеры Шагина.

Он мгновенно подскочил к окну, свесился с подоконника, наклонился и успел ухватить звездочку шоу бизнеса за ее эксклюзивную прическу. Само собой, звездочка опять взвыла, как дикая кошка. На весь поселок.

Наш незадачливый Джек Лондон, то бишь, Валерий Шагин, все-таки, успел еще второй рукой схватить Ассоль за ее правую руку. И даже чуть подтащить к себе, поднять слегка вверх к подоконнику. На большее у него не хватило сил. К тому же Ассоль визжала и сопротивлялась.

Эту незабываемую картину, достойную кисти Никоса Сафронова, наблюдали самые разные люди в писательском поселке.

Такое не увидишь ни в каком блокбастере. Даже в самом американском.

Абсолютно голая девица висит на стене дома под раскрытым окном, дрыгает руками и ногами, и явно жаждет прыгнуть вниз. Отталкивается коленками от стены, болтается, как маятник, вправо-влево. И визжит при этом, как стая диких кошек, которым одновременно отдавали все на свете хвосты.

А сам хозяин дачи, свесившись по пояс из темного проема окна, всеми силами удерживает эту голую девицу от необдуманного поступка. Все-таки расстояние до земли несколько метров. Вполне можно руки-ноги переломать. Да и в голом виде, как-то не совсем прилично.

— Помогите-е!!!

Эту сцену наблюдали, очень даже наблюдали самые разные люди в поселке.

Из окна своей спальни презрительно и брезгливо Машенька Чистовская. Она чувствовала себя глубоко униженной и бесконечно оскорбленной.

Из глубины сада Чистовских, с неподдельным возмущением, наблюдала мать Машеньки, Люба Чистовская.

— Господи! Ужас, какой! Совсем с ума сошел!

Из окна кабинета Александра Первого, смотрели отец и сын. Оба мрачные и решительные. Плечом к плечу. Со сжатыми кулаками. На все готовые, короче.

— Пойдем, вломим?

— Не вмешивайся. Взрослые люди, разберутся!

И еще многие, многие другие.

Ничего этого не видела только Екатерина Великая. В это время она, не иначе в виде исключения, уже крепко спала, подложив ладошку под правую щеку.

И, слава Богу! Подобные сцены детям до шестнадцати смотреть не рекомендуется.

Несколько гуляющих пожилых пар с зонтиками и в плащах на случай дождя, неспешно подошли к перекрестку второй северной с Бродвеем. Остановились и принялись смотреть, как очередную серию бразильского телесериала.

— Вот они, плоды демократии!

— Ой, ой! Сейчас упадет! Надо как-то помочь!

— Она вдрызг пьяная! Пьяные, между прочим, никогда не разбиваются насмерть. У нас был случай, пьяный слесарь упал с четвертого этажа...

— Позвоните в милицию! У кого с собой мобильник?

— Бесполезно! Гроза надвигается. Связи нет. Я в Москву два часа дозвониться не могу, у меня там кактусы.

Никому из группы граждан и в голову не приходило, что на стене дома в голом виде болтается супер популярная звездочка шоу бизнеса. Третье или четвертое место на конкурсе Евровидения, клипы по всем каналам ТВ, за автографами который охотятся тысячи, да что там, тысячи, сотни тысяч оголтелых фанатов обоего пола. Разумеется, опознать звезду голышом, да еще в ракурсе вид сзади, чрезвычайно трудная задача. Для непосвященных, просто невыполнимая.

Надо со всей откровенностью признать, Ассоль добилась своего, сохранила в неприкосновенности «инкогнито».

Все это происшествие во всех подробностях наблюдал через окуляры своего мощного военного бинокля вездесущий Феликс Куприн. Со смотровой площадки водонапорной башни, что расположена на опушке соснового леса, если идти по четвертой южной улице до самого конца.

Бдительный пес Креп от сторожки подводника Миши, услышав неестественные кошачьи визги со второй улицы, тут же, по инерции, начал бить во все колокола. Его возмущению уже не было ни конца, ни края.

Совсем распустились наглые котяры.

Если перевести с собачьего на человеческий, было нечто вроде:

— Тревога-а! Воры-ы! Чужие! Коты-ы!!!

Крепа, все-таки, хоть и с неохотой поначалу, на все лады поддержали хвостатые лохматые со всех улиц. Гневный возмущенный захлебывающийся лай

покатился волнами взад-вперед над крышами домов поселка волнами морского прибоя.

— Воры-ы! Чужие! В поселке чужие коты-ы!!!

— Где чужие!? Какие чужие!? Какие коты?

Тут уж не только собаки, почти одновременно взвыли все коты поселка. Не выдержали кошачьи души пародийного издевательства над их красивыми, чистым и звонкими голосами. А может, из чувства солидарности. Кто их разберет.

Короче, шумовое оформление экстравагантной выходке звездочке шоу бизнеса было на должном уровне.

Вся сцена в окне дачи Шагина смутно напоминала эпизод из какого-то американского трюкового фильма.

Любому здравомыслящему человеку ясно, как белый день. Киношные трюки снимаются в павильонах. Актеры всегда в полной безопасности. Наша же шизонутая парочка решила повторить все эти ужимки и прыжки в реальной жизни. Без тренировки, без страховки.

— Руку-у! Дай мне вторую руку-у! — стиснув зубы, зло шептал Шагин.

Фраза была тоже из какого-то фильма!

— Отпусти меня, сволочь! Убийца!!! — орала благим матом во все горло абсолютно голая девица.

— Руку-у дай!

— Отпусти-и, гад!

Чем не волнующий кинематографический эпизод? На Оскара, конечно же, не потянет, но все же, все же.

— Помогите-е! Люди-и! Кто-нибудь!

Вообще, наш народ хлебом не корми, дай сотворить, что-либо незаурядное, из ряда вон! Чтоб окружающие ахнули!

Честное слово, иной раз душа наполняется гордостью, при виде подобных сцен.

Скажем, девица в распахнутом пальто, с обнаженной голой грудью, бежит через проспект, лавируя, между бешено мчащихся иномарок на противоположную сторону. Прямо в объятия своего избранника. Такого же недоумка, кстати, как и она сама! В том смысле, что он тоже, куртка на распашку, без головного убора, по пояс голый! А на улице минус двадцать, между прочим, не меньше! И все прохожие невольно замедляют шаг и со страхом наблюдают за стремительным бегом ошалелой девицы.

Собьют ее или не собьют машины? Нет, на этот раз пронесло. Прохожие облегченно вздыхают и, покачивая головами, идут себе дальше. По своим делам.

А наша истинно российская парочка на противоположной стороне проспекта уже целуется. Он лохматит ей волосы и шарит руками везде, где ему заблагорассудится.

Она заливается счастливым смехом и смотрит на него восторженными глазами. И наплевать им на всех прохожих, на весь мир.

- Дай руку, дура-а! Руку да-ай!!!
- Отпусти, сволочь!
- Успокойся! Можешь на секунду успокоиться?
- Отпусти, подонок!!!
- Дура, упадешь!
- Подонок! Сволочь!!!

Наша российская эксклюзивная парочка, в смысле, Валера Шагин и звездочка отечественного шоу бизнеса Ассоль, смогла, все-таки, каким-то непостижимым образом довольно долго удерживаться на почти отвесной стене дома.

— Помогите-е!!! Люди-и! Кто-нибудь!!!

Потом Валере Шагину удалось, все-таки, втащить голую сумасшедшую девицу обратно через распахнутое окно в свой кабинет.

Нет, нет, недаром он слегка смахивал на Джека Лондона. Внешнее сходство подчас диктует и внешние проявления, поступки и все такое.

Правда, аплодисментов с перекрестка он не дождался. Группе граждан на перекрестке было, вроде бы, совершенно непонятно, что именно, (конкретно!), собирается сотворять с голой девицей хозяин дачи.

Разумеется, насиловать! Были убеждены представительницы слабой половины человечества, из собравшихся на перекрестке.

Возможны варианты! Считали представители мужской, то есть, сильной половины. Разумеется, речь идет не о человечестве в целом. Только той ее незначительной части, что кучковались на перекрестке.

А ведь внешне спокойный интеллигентный человек, этот писатель Шагин. И вдруг, просто зверь какой-то, сексуальный маньяк. Так полагали и та, и другая половина группы граждан.

Стоит ли уточнять, восклицания наша звездочка перемежала такими оборотами ненормативной лексики, пуляла такими изощренными фразеологизмами, о которых пьяные матросы торгового

флота, шоферюги дальнобойщики, слесаря очень средней квалификации и вообще, все любители этой части великого и могучего, и мечтать не могли. Само собой, никто из группы граждан на перекрестке о таких оборотах и выражениях просто не слыхивал, и не подозревал об их существовании.

В эти мгновения писатели Лимонов и Сорокин, безусловно, отдыхали. Где-то там, далеко-далеко, где кочуют туманы.

Кстати, помог Шагину втащить голую ведьму обратно в окно кабинета... его сын Андрей. Он, уже традиционно неожиданно, возник из щели между шкафом и стеной, стремительно подскочил к отцу, перегнулся через подоконник, одной рукой на всякий случай схватил его за ремень джинсов, другой ухватил за левую руку сумасшедшую визжащую голую ведьму.

Так вдвоем, мало помалу, с кряхтениями и сопением, подбадривая друг друга, как заправские портовые грузчики, (Вира-а! Вира-а! Помалу!), они и втащили через окно, обратно в кабинет звездочку шоу бизнеса.

В одиночку Шагину это было бы не под силу. Однозначно. Сверзился бы вниз вместе с сумасшедшей голой девицей. Наверняка, на радость соседям.

Андрей исчез так же мгновенно, как и возник.

Еще какое-то время наша экстравагантная парочка, шатаясь и извиваясь, как борцы вольного стиля, болталась в темном проеме окна на глазах у группы граждан, что застыли в скульптурной композиции на перекрестке второй северной и Бродвея. Потом,

очевидно, окончательно обессилив, парочка дружно рухнула на пол.

Скрылась, короче, из зоны видимости.

Группе граждан дачников на перекрестке оставалось только гадать и решать. Гадать, что там дальше происходит? Что и главное — как? И решать неразрешимую задачку — что делать?

Вечный истинно русский вопрос.

Вмешиваться или сохранять нейтралитет? Подойти под окно и окликнуть, якобы, невзначай. Скажем, спросить который час? Или, нет ли у вас лишней коробки спичек? У нас, дескать, неожиданно кончились. Звонить или не звонить в истринскую милицию? Или не стоит? Не стоит беспокоить и без того сверх всякой меры озабоченную ростом преступности и всяческих правонарушений немногочисленную подмосковную милицию? В конце концов, есть неприкосновенность жилища. Тайна частной приватной личной жизни.

Из распахнутого окна второго этажа не доносилось ни звука.

Так ничего и, не решив, не свершив никаких действий и поступков, группа граждан дачников рассосалась, кто куда. Пожелали друг другу спокойной ночи и, недовольно поглядывая на мрачные тучи над головами, вместо привычного звездного неба, разошлись в разные стороны. Каждый на свою улицу, в свой дом, в свою удобную теплую мягкую постель.

Оглядывались, конечно, на распахнутое темное окно второго этажа дачи Шагина. Но оттуда по-прежнему не доносилось ни шороха, ни звука.

Как там, в песне на стихи соседа поэта Фатьянова с первой северной улицы?

«Снова замерло все до рассвета. Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь».

Некоторое время Шагин и Ассоль сидели на полу под окном, и оба тяжело дышали. Как после забега на марафонскую дистанцию.

С улицы доносился постепенно угасающий лай собак, и кое-какие сдержанные разговоры дачников на перекрестке. Все-таки, слышимость в поселке отменная, как в консерватории. Что есть, то есть.

— Все? — переведя дыхание, спросил Шагин.

— Ладно вам! — совершенно спокойным тоном ответила звездочка.

Ассоль лукаво улыбнулась и сделала еще одну попытку ухватиться рукой за подоконник. Явно вознамерилась выйти в одно окно дважды.

Валера Шагин был начеку. Бесцеремонно схватил ее за ногу и отволоч в угол кабинета, подальше от столь дорогого сердцу эстрадной звездочки распахнутого окна. Что, вообще-то, было довольно опрометчиво. На шершавом деревянном полу дачи звездочка вполне могла посадить себе в задницу занозу.

Что, согласитесь, было бы крайне неприлично. Но, слава Богу, обошлось.

— Оденься хоть, — попросил Шагин.

— Ладно вам! Я тебе совсем не нравлюсь? — обиженно спросила она.

— Тащусь от тебя! — с чувством заявил Валера.

Хотя, хотел, разумеется, сказать нечто совершенно иное.

— Давай выпьем? На брудершафт! — предложила голая ведьма, — Настроение какое-то такое...

— Я заметил.

— Ты когда-нибудь кончал жизнь самоубийством? — весело спросила она.

— Когда-нибудь, нет. Не имею такой привычки.

Еще некоторое время молчали, приводили себя в порядок. Шагин свою одежду, Ассоль свою эксклюзивную прическу. Валера давно уже перестал воспринимать тот факт, что звездочка шоу бизнеса не совсем одета.

— Тебя, правда, зовут Ассоль? Или это сценический псевдоним? — зачем-то спросил Шагин.

— Вообще-то, меня зовут — Ася.

— Меня — Валерик! Вот и окончательно познакомились, — усмехнулся Валера. И тут же поспешно добавил:

— Это событие стоит отметить.

Он не оставлял надежду, как следует напоить звездочку и уложить спать.

Валера, не поднимаясь с пола, одной рукой дотянулся до ближайшей бутылки, взболтал, посмотрел ее на свет, протянул Ассоль.

— Ладно вам! Хочешь меня напоить? — коварно улыбнулась звездочка.

Валера на секунду замер.

«Неужели откажется? Весь план насмарку?»

— Ничего не выйдет. Я совершенно не пьянею. Могу перепить любого мужика.

Только сейчас Шагин вспомнил о ране, нанесенной острыми зубами вампирши. Он пару раз лизнул языком, рана слегка кровоточила.

Ассоль заинтересованно наблюдала.

— Надо продезинфицировать! — предложила она.

— Какая ты... заботливая девочка!

— У меня в сумочке есть духи.

— Лучше сделать укол против бешенства.

— Ладно вам! Сам виноват. Нечего руки распускать.

Как уже сказано, если идти по четвертой южной улице, то на опушке соснового леса непременно увидишь поселковую водонапорную башню. Блестящая металлическая сигара с конусообразным утолщением на конце, устремленная в небо. Издали космическая ракета на стартовой площадке. С опорами, винтовыми лестницами и смотровой площадкой в форме шляпки гриба на вершине.

Со смотровой площадки весь поселок как на ладони. Во всяком случае, крыши всех дач просматривались без труда. А если захватить с собой бинокль, можно увидеть много интересного и даже захватывающего. Чем наш доблестный Феликс Куприн и занимался в свободное от личных дачных забот время. Бдительным оком осматривал дворы и улицы, террасы и веранды. И не чувствовал при этом ни капли смущения, стеснения или чего-либо подобного.

Он контролировал ситуацию в поселке.

Феликс всегда легко и стремительно поднимался по лестнице на смотровую площадку. За последние

годы ни разу не сбивал дыхания, не запыхивался. Стремительный подъем для него был своеобразным индексом Доу Джонса, показателем деловой активности. Если чуть сбивалось дыхание на завершающем этапе, следовало сократить количество сигарет. Так было всегда.

Только не в этот раз. Сегодня с самого начала все пошло как-то в раскоец. Мокрые подошвы кроссовок пару раз предательски соскальзывали с железных ступенек. Один раз он даже зацепился штаниной джинсов за острый угол перил. И прилично зашиб коленку. Но все, слава Богу, обошлось.

Он стоял на площадке, как на капитанском мостике. С высоты птичьего полета в бинокль обзирал окрестности. Весь поселок был у его ног.

Буйная зелень деревьев и кустов под порывами ветра колыхалась гигантскими волнами грозного океана. Надвигался шторм. Вдали над синим лесом, смахивающим на далекие острова где-нибудь в Карибском бассейне, уже грохотали раскаты грома. Вспыхивали ослепительные молнии.

Жители писательского дачного поселка в большинстве своем спокойны и уверены в завтрашнем дне. На капитанском мостике мудрый и опытный морской волк. Он контролирует ситуацию. Уверенной рукой проведет лайнер сквозь бури, рифы, штормы и ураганы без потерь.

«Будет буря! Мы поспорим! И поборемся мы с ней!».

Фигура Феликса так и просилась быть увековеченной резцом, (или чем он там ваяет?), самого

Зураба Церетели. Или на худой конец резцом Виктора Клыкова.

Впоследствии, кстати, можно ему отвинтить башку, (в смысле скульптуре, не Феликсу), и прикрутить какую-нибудь другую. Нахимова, Ушакова или даже Колумба. Говорят, подобная практика смены голов довольно широко практикуется в монументальном жанре.

Наш доблестный Феликс, взобравшись на смотровую площадку водонапорной башни, оказался в нужное время в нужном месте. Наведя окуляры мощного военного бинокля на окно кабинета Шагина, он стал невольным свидетелем откровенно эротических и где-то даже бесстыдно сексуальных сцен.

Так ему тогда показалось.

Если кто-то думает, быть сторонним наблюдателем, плевое дело, тот глубоко ошибается. Подчас этот самый сторонний наблюдатель испытывает большие потрясения, нежели наблюдаемые. И в душе его бушуют не меньшие ураганы, Торнадо и цунами, нежели в душах тех, кто непосредственно занимается этим самым древним, полным таинства и непознанной бесконечности, процессом.

Как сказал один классик детективного жанра: «Свидетели есть всегда!».

Бдительный Феликс, затаив дыхание, указательным пальцем вертел туда-сюда ролик регулятора. То приближал, то слегка отдалял от себя картинку со второго этажа дачи Шагина. Сердце его стучало и гудело, словно пламенный мотор. Второй свежести. Перегрузки, как известно, ничему не на

пользу. Ни двигателю внутреннего сгорания, ни человеческому сердцу.

Да тут еще постоянные вспышки молний, электрические разряды, резкие перепады атмосферного давления.

Перегрузки со всех сторон, короче!

Далее, как и следовало ожидать, в самый кульминационный момент, (опять-таки, как показалось Феликсу!), у него случился сердечный приступ, потеря сознания.

Короче, Феликс Куприн, на самой вершине смотровой, (водонапорной!), башни оказался лежащим в неподвижности. Хорошо еще вниз не сверзился. Повезло.

Эмоциональные перегрузки в таком возрасте без последствий не бывают!

Энергичная Анечка Барбекю, между тем, тоже не сидела сложа руки. Она последовала за Филей. Точное направление поисков еще с полчаса назад ей дала никто иная, как сама Екатерина Великая.

— Ты Феликса видела?

— Видела, — зевая, кивнула головой Катя.

— Куда он направился?

— На башню полез, куда еще! Он туда каждый вечер лазит!

Катя скорчила презрительную гримасу, зевнула и направилась на свою улицу.

Наш доблестный Феликс лежал над поселком и пребывал в глубоком обмороке. Неизвестно, чем бы кончилась вся эта неприятная история, если бы...

Если бы не Анечка Барбекю!

Глубокое заблуждение, будто только русские красавицы способны коня на скаку и все такое. Исторически доказано, армянские красавицы, (особенно, циркового разлива!), способны не только, очертя голову, в горящую избу. Иные из них, (в смысле, цирковых!), способны даже на невозможное, с точки зрения рядового обывателя. Способны на себе спустить из-под небесья по шаткой железной лесенке бесчувственное тело любимого человека, не причинив ему при этом ни малейшего вреда или даже простого беспокойства. И бережно спустить на грешную землю.

Куда там американские трюкачам, каскадерам и всемирно известным дублерам всемирно известных звезд Голливуда. Им всем вместе взятым да нашей отважной Анечки Барбекю, (в девичестве, Саркисян!), как до далекой звезды.

Только армянская красавица, (циркового разлива!), способна бережно уложить на влажную от ночной росы траву любимого человека и с истинно кавказским темпераментом начать делать ему искусственное дыхание.

Рот в рот, толчки ладонями по грудной клетке и все такое прочее.

Причем, сидела Анечка на нем верхом. Как на лошади. Со стороны вполне могло показаться, эта парочка занимается любовью. Прямо на траве.

Пришел в сознание Феликс легко и просто. Как и все делал в этой жизни. Открыл глаза, приподнялся на локтях, слегка помотал головой и удивленно спросил:

— Ты чего это... на меня уселась?

— Слава Богу! — облегченно выдохнула Анечка.

— Причем тут Бог? — раздраженно сказал Феликс,
— Прямо здесь, на глазах у всех? Если приспичило...

— Я уселась!? — возмутилась Анечка.

Между тем, конечно, Анечка слезла с Феликса. Легко и изящно. Все-таки много лет в седле на манеже. Соскочила очень изящно и так же легко и непринужденно присела рядом на траву.

— А кто еще? — в ответ возмутился Феликс Куприн.

— Ты что, совсем ничего не помнишь? Зачем-то полез на башню, там потерял сознание. Я едва-едва смогла тебя, бесчувственного, спустить вниз. Скажи спасибо, что я оказалась поблизости! Нет, мне это нравится!

— Никто тебя не просил! — резко заявил Феликс.

Анечка раскрыла рот от такой наглости, но промолчала.

— И никакого сознания я не терял. Нет у меня такой дурацкой привычки.

Феликс поднялся с травы и начал тщательно отряхивать свои фирменные джинсы. Анечка продолжала сидеть на коленях в траве.

— Я не кисейная барышня, чтоб из-за каждого пустяка терять сознание.

— Значит, что!? Я вру!? — в полный голос заорала Анечка.

— Ну. Может... на какую-то секунду. Незачем было и панику поднимать. Никто тебя не просил.

— Нет, это с ума сойти можно.

Всю ночь в огромном доме Чистовских горел свет. Во всех окнах. Хотя сами окна были плотно закрыты занавесками.

Если б кто-то из любознательных дачников захотел услышать, что происходит внутри, ничего бы не вышло.

В ту ночь все смешалось в доме Чистовских. Подобно извержению Везувия в особняке бурлил семейный скандал.

При большом желании можно было, конечно, расслышать отдельные взволнованные голоса. Один мужской, один женский. Мужской принадлежал Александру Первому, женский матери Машеньки, Любе Чистовской.

Люба беспрерывно глушила рюмками «Корвалол», хотя ее сердцу мог бы позавидовать любой из космонавтов. Александр Первый, морщась, курил одну за другой сигареты, хотя бросил курить еще до рождения дочери.

Александр младший, молча, ходил по гостиной из угла в угол, как тигр по клетке и без перерыва стучал кулаком правой руки в раскрытую ладонь левой.

Сама Машенька большую часть ночи просидела на семейной разборке за обеденным столом в гостиной, но практически отсутствовала.

Она только мило улыбалась.

На вопросы отвечала односложно. Да. Папа. Нет, папа. Нет, мама. Да, мама.

На брата вообще не обращала внимания, будто он пустое место.

Фантастическая выдержка у этого молодого поколения.

— Теперь ты видишь, с кем связалась?

— Да, папа.

— Думаешь, он первый раз вытворяет подобные вещи?

— Да, мама.

— Ты вообще соображаешь, что натворила?

— Да, папа.

— Через день об этом будет знать пол-Москвы!

— Да, мама.

— А послезавтра станет известно в Университете!

— Да, папа.

— Машенька! Ты что, совсем не доверяешь родной матери?

— Да, мама.

— Что ты заладила, как попугай!? Да, папа! Да, мама! По-человечески можешь поговорить с родителями? Отвечай, когда спрашивают!

— Да, папа.

— Доченька! Все очень серьезно! Ты мне веришь?

— Да, мама.

И тому подобное. И так далее. Короче, далее везде.

Наконец, Люба Чистовская не выдержала:

— Саша! Ты что, не видишь, она издевается над нами!

— Ты о чем, мамочка?

— Прекрати хамский тон!

— Это грубо, мамочка! Некультурно и неинтеллигентно.

— Сейчас как дам по морде... стерва! Я твоя мать!

— Фи-и, какой тон, мамочка! А стиль, просто ужас. Ведь ты когда-то работала редактором. «Дам по морде!» — стилистически ужасающе звучит. Неужели не чувствуешь? Надо говорить, «получишь в рыло!».

— Нет, ты слышал!? Видишь, что она вытворяет!?

— Дочь! Ты мне веришь?

— Да, папочка.

— Зачем ты с ним связалась?

— С кем, папочка?

— Ты прекрасно понимаешь, о ком я говорю.

— Нет, папочка.

И так до посинения. У попа была собака, короче.

Только совсем под утро голоса в особняке Чистовских начали затихать.

Ранним утром Шагин сидел за столом своего кабинета на втором этаже и с ненавистью смотрел на безмятежно спящую Ассоль. Такое маленькое существо, девочка, почти ребенок за какие-то сутки успела натворить столько, сколько взрослый не наворотит за половину жизни.

Хлопнула створка ворот особняка Чистовских. Шагин повернул голову и одним глазом посмотрел в окно.

На улице появилась Маша Чистовская.

Вот кого он менее всего ожидал увидеть! Машенька!

Шагин был абсолютно уверен, ее нет на даче. Иначе бы, она давно вышла из ворот. Показалась в саду. Или еще как-то, где-то промелькнула. Еще тогда, когда

он только-только появился на даче, вышла бы поздороваться.

«Глупость! Нелепость! Идиотизм! Она все видела! Не могла не видеть!».

Машенька стремительно направлялась к Бродвею. Через плечо у нее болталась традиционная сумка. С ней она обычно уезжала и приезжала из Москвы. Она только на секунду задержалась у ворот Шагина. Валера увидел как она быстро, почти на ходу опустила в его почтовый ящик какую-то бумажку. И через мгновение уже скрылась за поворотом на главную улицу.

Почтовый ящик Шагин прикрепил на ворота ради шутки. Ни о какой почте, разумеется, речи в поселке не шло. Когда-то Машенька, еще почти ребенком, традиционно опускала в его ящик самые красивые, с ее точки зрения, камушки. И фантики от конфет.

Теперь...

Шагин, очертя голову, прыгая через три ступеньки, по своей неудобной лестнице, сбежал вниз, в коридоре быстро нацепил кроссовки, даже не зашнуровывая их, и выскочил на улицу.

Еще быстрее выбежал на перекресток.

Машеньки уже видно не было. Наверняка уже миновала сторожку подводника Миши и скрылась за поворотом по дороге в Алешкино.

Бежать, надо бежать за ней. Но эта... звезда эстрады и шоу бизнеса, спящая без задних ног. Надо хотя бы запереть дачу, чтоб, проснувшись, это сумасшедшее чудовище, не сбежало.

Шагин вернулся к своим воротам, быстро вынул из ящика листок бумаги. На нем незнакомым почерком было написано: «Ты предал себя!».

Точка. Ни подписи, ничего.

Шагин, так и не закрыв дверь дачи на ключ, бросился к «Оке».

Неприятности ходят, как средневековые слепцы, один за другим, положив руку на плечо идущему впереди, цепочкой. Замыкающей в шагинской шеренге неприятностей оказалась «Ока». Когда он завел двигатель своего безотказного «ослика» и начал задним ходом выезжать со двора, разом отказали тормоза.

Шагин врезался в глухой забор соседки Валентины, поуродовал задний бампер и погнул глушитель. Заглянув под днище, Валера увидел, задний алюминиевый тормозной шланг просто-напросто обломился. Жидкость из него капля за каплей вытекала на усеянную иголками землю. О преследовании Машеньки на некогда безотказном «ослике» не могло быть и речи.

Чертыхнувшись, Валера хлопнул калиткой и, даже не закрыв ее на щеколду, стремительно потопал в Алешкино на своих двоих. Очень надеюсь, может быть, повезет? Может быть, Машенька еще не успеет сесть в рейсовый автобус.

Алешкино не Москва. Автобусы ходят в час по чайной ложке.

Шагин размашистым шагом топал, почти бежал через поле. Направление держал прямо на автобусную остановку.

«Что собственно произошло? Что такого криминального я совершил? Глупость, конечно, несуразица, не более. Ну, дал слабину, поддался на уговоры сумасшедшей девчонки. Привез на дачу. Соседи? Плевать на них с колокольни Ивана Великого. Все равно никто из них никогда доброго слова не скажет. Сплетники и завистники. Это мое глубоко личное дело. Никого не касается.

Конечно, отчасти сам виноват. Решил ухватить за хвост Жар Птицу. Вот и остался с пучком цветных перьев в руке.

Надо все спокойно и подробно объяснить Маше. Она поймет. Она умная. Тем более, ничего такого и не было. Никакого предательства по отношению в ней я не совершил. Она поймет. Она умная. Дурочек в МГУ не берут. Потом мы вместе посмеемся над этой нелепой историей».

Шагину не повезло и в этот раз.

Вокруг павильона автобусной остановки в живописных позах расположились трое местных алкашей, из тех, что прохода не дают дачникам, клянчат на водку. Один сидел на корточках перед остановкой, почти на проезжей части, второй возлежал в позе древнего римлянина на траве, подперев голову рукой, третий вольготно улегся на скамейке автобусного павильона.

Все трое как братья близнецы. Помятые красные физиономии, мутные бессмысленные глаза. И одеты все трое в нечто среднестатистическое алкогольно-бомжовое. Где-то подобную спецодежду выдают желающим, не иначе.

Площадка перед магазином была пуста. Жара и сонная одурь оккупировали Алешкино. Выбора не было. Шагин обратился к алкашам.

— Автобус давно ушел?

— Зачем тебе?

— Спрашиваю, значит, надо.

— На пузырь дашь, скажу.

— Он девку ищет.

— Это которую?

— Ту, что в автобус на ходу запрыгнула. Одна и была. Он еще останавливаться не хотел. Она чуть под колеса не кинулась.

— Когда автобус ушел? Давно?

— Дашь на пузырь, скажу.

Тут Шагин слетел с резьбы. Такое с ним случилось всего два раза в жизни.

— Я тебе сейчас... в рыло дам! Скотина, урод!!!

Шагин обречено побрел через поле обратно в поселок. Скинул кроссовки, снял носки и пошел босиком по влажной, после ночного ливня траве. Бесконечно тыкал пальцем по клавишам мобильного, набирал номер Машеньки. В ответ слышал одно:

«Абонент вне зоны доступности...».

«Жарко! Господи, как чудовищно жарко! Накаркали эти уроды, ученые климатологи. На планету надвигается чудовищное потепление. Хотя, какое там, к черту, потепление! Ожарение! По всей планете — ожарение! Дышать абсолютно нечем!

Воды! Полцарства за глоток «Ессентуки №17»! Сердце того гляди выскочит из грудной клетки и

взорвется фейерверком где-то там, высоко-высоко, где, наверняка, хоть чуточку прохладнее. Где гуляют всякие Бора, Гольфстримы и Мистрали.

Мистраль! Машенька говорила, Мистраль! Нежный и ласковый. Где ты, Мистраль, черт бы тебя побрал!

Машенька! Мистраль! Машенька!

Будь все проклято! Глупость! Нелепость! Неужели из-за этого я потеряю то, чем так заслуженно одарила судьба? Я не debil, не кретин. Отлично понимаю, ничего вечного не бывает. Знал, вот-вот кончится. Машенька сказала, до осени. Целых полтора месяца. И вдруг... глупейшее стечение обстоятельств! И это все!?

Почему мне так мало отмеряно? Чем я так провинился перед жизнью, судьбой, Богом, наконец? Я не хуже любого из легиона тупых болванов, которые имеют все это, не заслужив и сотой доли такого счастья! Им оно далось просто так, в насмешку над другими, более достойными. Над такими, как я.

Я достоин, я выстрадал хоть бы небольшой кусок счастья, хотя бы полтора месяца! Ведь это только миг! За что меня? За что именно меня?

Мария не может просто так вышвырнуть меня из своей жизни. Она не такая. Она умная и тонкая. Она поймет. Нам нужно только взглянуть друг другу в глаза.

И все вернется!».

Дорога от Алешкино до поселка между обилием густых кустов делает несколько резких поворотов. Почти под прямым углом.

Когда Валера уже одолел последний поворот, прямо на него из поселка медленно выползла кавалькада черных дорогих машин. Он отступил чуть в

сторону к обочине и замер. Мимо него из поселка с тихим угрожающим гулом проплыл черный «Мерседес» и два «Джипа» сопровождения.

Шагин мгновенно понял, что это за машины и кому они принадлежат.

Понял так же, кого скрывают темные окна первой машины.

Кавалькада проплыла метров пятьдесят и вдруг все три машины, как по команде остановились. Из «Джипов» мгновенно выскочили четверо охранников, встали кольцом вокруг первой машины, повернулись к ней спинами и начали цепкими взглядами шарить по окрестным кустам.

Из «Мерседеса» вышел худой подтянутый человек в темном дорогом костюме. Голову его украшала густая шевелюра абсолютно седых волос. Он медленно, какой-то нерешительной походкой направился к Шагину.

Ни один из охранников даже не шелохнулся.

Шагин неподвижно стоял на дороге. Босой с кроссовками в руках. Со стороны сильно смахивающий на пригородного бомжа.

Седой остановился прямо перед Валерой. Руки он держал в карманах брюк.

— Я отец Аси, — устало сказал он.

Некоторое время оба молчали. Шагин был готов ко всему.

Но металлургический магнат удивил. Достал из внутреннего кармана пиджака визитку и с неловкостью, глядя почему-то в сторону, сунул ее в руки Шагину.

— Я знаю все! — с ударением сказал он, видя растерянность и напряженность Валеры Шагина.

— Мне известно все! — со вздохом повторил он, — И о вас, и... вообще! Позвоните мне на днях. Это прямой телефон. Нам нужно переговорить.

Не дожидаясь ответа, магнат повернулся и медленно пошел к машине. Не пройдя и трех шагов, замер и повернулся к Шагину.

— Не волнуйтесь, все уже улажено. Это мой промах. Вы здесь ни при чем. Вы просто слишком доверчивый человек. Моя девочка очень серьезно больна. Об этом мало кто знает. Теперь вот вы... Надеюсь на вашу порядочность.

Валера вдруг разглядел, что магнат совсем еще нестарый человек. Только лицо все как-то неестественно изрезано глубокими морщинами. Такие лица бывают у людей долгое время работающих на севере.

Магнат помолчал несколько секунд и, не дожидаясь ответа, пошел к машине.

Шагин и не мог ему ничего ответить.

Хлопнула дверца «Мерседеса», в тон ей, как голуби крыльями, захлопали дверцы «Джипов». Через мгновение кавалькада плавно двинулась с места.

Шагин стоял босой на дороге, с кроссовками в руках и смотрел вслед черной кавалькаде машин.

Он вдруг отчетливо представил, как в первой из них на широком заднем сидении, забившись в угол, сидит несчастная маленькая девочка, искалеченная, изуродованная этим беспощадным миром.

У него невольно защемило сердце.

Всю вторую половину дня Шагин лежал на даче в бреду. Бледный, потный, беспомощный. Метался на тахте первого этажа под ватным одеялом.

Только на следующий день узнал, «Скорую помощь» из Истры вызвал вездесущий сосед Феликс Куприн.

Вечером пару раз окликнул Валеру от калитки с дороги. Не услышав ни ответа, ни приветия, всерьез забеспокоился. «Ока» на месте под большой елью, где и всегда, свет в большой комнате и на террасе горит, хозяина не слышно и не видно.

Как тут не забеспокоиться после драматических событий предыдущей ночи.

Феликс принес маленькую раскладную лестницу, (разумеется, с общей свалки), и перелез через ограду.

Ничего этого Валера не видел и не слышал. Перед его лицом в мутных волнах полубреда одно за другим постоянно возникали два девичьих лица.

— Вам что, деньги не нужны? — голосом Машеньки Чистовской брезгливо спрашивала юная звездочка шоу бизнеса.

— В Турции давно никаких турок нет! Все переехали в Германию! — голосом Ассоль доверительно сообщала Маша.

— Вокруг вас сплошные микробы! Неужели не видите? — ужасалась сама Ассоль почему-то голосом Машеньки Чистовской.

Они менялись местами, наплывали друг на друга, иногда сливались в одно лицо. Какое-то совсем новое и незнакомое. Лицо этой третьей девушки напоминало

Шагину сразу и Машеньку, и Ассоль. Но оно было ему незнакомо и неприятно.

Голоса девушек звучали почти в унисон. Слов было почти не разобрать.

Они, (или она!?), в чем-то обвиняли, укоряли, стыдили и требовали, требовали, требовали ответа. А он не знал, что ответить.

Он не понимал их, (или ее!?). Он не знал ответа.

Только глубокой ночью Шагин услышал еще один женский голос. Спокойный и рассудительный. Совсем незнакомый.

— Ну, вот! Температура падает! Легкие у него чистые. Госпитализация не нужна. Я бы не стала, честное слово.

Голос принадлежал женщине средних лет. В белом халате и больших очках.

— Что с ним? — голосом сына Андрея спросила какая-то фигура с дивана из угла комнаты. Горела только настольная лампа, самого Андрея видно не было.

— Лихоманка, — отозвалась женщина в белом халате.

Она что-то медленно записывала шариковой ручкой в толстую тетрадь.

— Что-то психическое? — спросил сын.

— Бог его разберет. Психическое, физическое. Понервничал, прошелся босиком по болоту и готово дело. Беречься надо. У вас здесь раньше Змеиное болото было. Босиком лучше не ходить. Вмиг лихоманку подхватишь.

— Пациент скорее жив, чем мертв, — иронично констатировал сын.

Дальнейший разговор Шагин не слышал. Он крепко уснул.

Очнулся под утро. Женщины врача в комнате не было. Только на диване на месте сына сидел Феликс Куприн. Разумеется, дымил своей знаменитой «Явой».

— Который час? — зачем-то спросил Шагин.

Хотя, ему было абсолютно наплевать, сколько сейчас часов, минут и секунд. Времени для него в данный момент не существовало.

Феликс что-то ответил. Потом, потянувшись и зевнув, добавил:

— А ведь тебя могли убить. У них это запросто.

Шагин и Куприн давно симпатизировали и тянулись друг к другу, несмотря на разницу в возрасте. Куприн видел в Шагине свою бурную молодость и, втайне от всех даже гордился этим. Шагин наблюдал за Куприным как за комичным вариантом своей старости. И ничего не имел против такого развития событий.

Изредка они даже выпивали, хотя ни тот, ни другой не любили спиртного.

Кряхтя и постанывая, Феликс Куприн поднялся с дивана, сделал для разминки несколько легких физических упражнений. Судя по всему, он так и провел всю ночь на диване, оберегая покой и сон соседа Валеры Шагина.

— Ну! Ты оклемался, слава Богу! Если что, заходи...

Феликс вышел, плотно прикрыл за собой дверь. Слышно было, как громко хлопнула во дворе калитка.

Шагин неподвижно лежал на спине и смотрел в потолок.

Феликс Куприн вышел от Шагина спокойным, уравновешенным, с чувством выполненного долга. Переступил порог собственного хозблока уже совсем другим человеком. Нервным, суетливым, с бегающими глазами.

Дора ничуть не удивилась. Даже не поинтересовалась, как там и что у Шагина? Встретила его новой атакой с правого политического фланга. Она сидела в той же позе, перед тем же телевизором, будто вовсе не ложилась спать.

— Думаешь, почему нас не принимают в Европейский союз? — с патетикой в голосе подозрительно спросила она.

Феликс ее почти не слышал. Лицо его выражало крайнюю степень взволнованности и беспокойства.

— Шею с мылом мыть не научились! — рассеянно буркнул он.

И совершил ошибку. Дора только того и ждала.

— Мы дикая невоспитанная страна! — мгновенно взвилась она до потолка. И даже выше. — От нас шарахается весь цивилизованный мир. Почитай, что о нас написали в «Нью Йорк Таймс». Почитай, почитай!

— Некогда мне! — буркнул Феликс.

— Американцы правы, когда лишают нас финансовой поддержки!

— Наплевать на твоих американцев. Нация уголовников!

Феликс торопливо переодевался. Время бежало быстрее самого резвого скакуна. Секунды так и стучали в висках до крайности взволнованного Куприна.

— Америку любит и почитает весь мир! Великая страна! — кричала Дора, напрочь забыв, что не далее как вчера вечером чихвостила в хвост и в гриву эту самую Америку. Камня на камне от нее не оставляла.

С логикой и последовательностью у Доры всегда были проблемы.

— В твоём возрасте давно пора снять розовые очки! Смотреть на мир реалистически! — наступала жена.

— Отстань от меня!

— Ты деградируешь! — прокурорским тоном гремела Дора. — Совершенно перестал читать газеты. Ничем не интересуешься! В твоём возрасте...

«В твоём возрасте!»! С появлением в поселке Анечки, Дора не упускала случая подчеркнуть возраст Феликса. Хотя, он был старше лично ее всего-то на два года.

Феликс не отвечал. И почти не слушал жену.

В это раннее утро у него появилось дело, не терпящее отлагательства.

По дороге домой он сделал небольшой крюк и успел одним глазом взглянуть на бетонную площадку с контейнерами.

Взглянул и ахнул!

В самом центре поселковой свалки перед бетонными контейнерами, как командир перед строем солдат, стоял новенький холодильник марки «Минск»!

Ну, почти новенький. Если не считать отломанной ручки и чуть поцарапанного правого бока. Сердце нашего Феликса заколотилось с утроенной силой.

— Варвары! Дикари! — чуть не заорал на весь поселок во всю мощь своих легких возмущенный Феликс.

Ведь до чего докатился народ! Совершенно новые вещи выбрасывает на помойку. Ведь если вспомнить послевоенное время, а-а... чего там! Феликс в сильном раздражении только рукой махнул.

Мысль его заработала с утроенной скоростью, на бешеных оборотах.

Надо срочно достать из второго сарая из-под ящиков с инструментами багажную тележку. Удобную, на таких носильщики по вокзалах чемоданы возят. И быстрее, быстрее, бегом на площадку, к заветным контейнерам. Пока не уперли.

В том, что «Минск» непременно упрут, стоит лишь чуть зазеваться, Феликс был убежден на все сто, двести тысяч процентов.

Потому и не слушал Феликс Куприн, о чем там бормочет его престарелая жена.

Не до Америки, Дора, не до Америки.

Есть дела поважнее.

В двадцатых числах августа Шагин приехал в Шереметьево. До рейса на Париж оставалось два часа. Долго не мог пристроить «Оку», платные стоянки были не по карману. Наконец плюнул и оставил машину прямо у центрального входа.

Потом долго стоял за столиком кафе. Глотал горячий кофе. Через стекло искал глазами в потоке убывающих знакомую фигуру.

Маша появилась неожиданно. Совсем не с той стороны, с которой предполагал ее увидеть Шагин. Она спустилась по эскалатору с верхнего этажа. На ней были те самые простые синие джинсы и коричневый толстый вязаный свитер.

Она смотрела вверх голов. Была чем-то явно расстроена.

Шагин стоял за столиком кафе и глотал из пластмассового безвкусный черный кофе. Машенька стояла прямо перед ним метрах в пятнадцати и кого-то искала в потоке встречающих и провожающих. Само собой, не Шагина. Она и не подозревала, что он всего в каких-то пятнадцати метрах от нее за спиной.

Наконец в толпе спешащих на посадку появился длинный парень спортивного телосложения. В одной руке он легко тащил гигантский чемодан, в другой держал бутылку пива, к которой, улыбаясь во все сорок два зуба, пока шел к Марии, постоянно прикладывался.

«Баскетболист!» — сообразил Шагин.

Длинный парень поставил чемодан, одной рукой сгреб Марию в охапку, оторвал от пола и легко закружил вокруг себя. Не забывая при этом прикладываться к бутылке. Спешащие на посадку и многочисленные встречающие бросали на них понимающие взгляды. Многие улыбались.

Только сама светловолосая девушка не выражала никакого восторга. Более того. Когда длинный парень поставил ее на место, она, по-птичьи наклонив голову

набок, снизу вверх начала что-то быстро выговаривать ему.

Лицо ее было напряженным и каким-то очень злым, некрасивым.

Такой Марию Чистовскую Шагин не видел никогда. Он отвел глаза.

Где ты легкое дыхание?

Валера допил кофе из пластмассового стаканчика и, на ходу, застегивая плащ, вышел из кафе. Он очень торопился к выходу.

Он даже не оглянулся.

Наблюдать, как серебристый лайнер на Париж с ревом пробежит по его судьбе, у Шагина не было ни малейшего желания.

Писатель и издатель Валерий Шагин и супер популярная певица, звездочка шоу бизнеса, Ассоль никогда больше не встречались, не пересеклись. Хоть и жили в одном большом мегаполисе. Вращались по одной орбите. У них были даже общие знакомые. Но, увы! А может, к счастью.

Краем уха однажды Валера услышал, что Ассоль, будто бы, вышла за кого-то замуж. Якобы, тоже за очень популярного певца. Потом, вроде бы, развелась. Но он не придавал значения этой информации.

Какое ему, собственно, до нее дело? Книгу, большую и откровенную о жизни Ассоль он не написал. Честно говоря, не написал ни единой строчки.

Шагин вообще предпочитал не вспоминать Ассоль. Пытался забыть все, что было с ней связано в то жаркое душное лето. И с ней, и с Машенькой Чистовской. Во

избежание случайных встреч, он почти перестал ездить на дачу.

Только как-то раз мелькнуло на экране телевизора знакомое лицо, сильно измененное прической и обилием грима. Всколыхнулось в душе на мгновение, одновременно жалость и раздражение. Всколыхнулось и тут же исчезло.

Ассоль-Машенька Чистовская дергалась на сцене в лучах прожекторов и, под оглушительные, нескончаемые визги фанатов, пела в микрофон. Что-то вроде:

«Алые паруса-а! Алые паруса-а!

Привезут мне чудеса-а!».

Шагин тогда резко нажал на кнопку и переключил на другой канал.

На кладбищах всегда почему-то оглушительно кричат вороны. На фоне общей тишины их карканье воспринимается, чуть ли не как кощунство. Хотя, есть предположение, души умерших переселяются именно в этих пернатых.

Вот они и кричат, стараются привлечь внимание посетителей.

Митинское кладбище расположено, как и большинство московских кладбищ уже за Окружной кольцевой дорогой. Добираться до него удобнее всего на машине.

Постоянные посетители и служители кладбища часто видят на дорожке в районе восьмой линии еще молодую пару. Обоим где-то под сорок. Оба тщательно, скромно, но со вкусом одеты. Приходят они всегда к

одной и той же могиле. Она тоже, их усилиями скромно, но тщательно и со вкусом ухожена.

Чаще всего, пока жена ухаживает за цветами, муж сидит чуть в стороне прямо на бордюре боковой дорожки. Курит трубку.

В тот день ничего необычного не было. День как день. Как множество серых, одинаковых, похожих один на другой, дней.

На кладбище Шагин всегда непрерывно курил. Не вынимал изо рта трубку.

«Ну что, сынок? Давненько мы с тобой не пересекались, не беседовали. Понимаю, у вас там, судя по всему, дела-а! Это у нас здесь, так, делишки! Понимаю.

Ладно, не обращай внимания на иронию, неуместно, конечно.

Все хотел спросить. Простая, в общем-то, вещь. В каких ты был отношениях с Машенькой? Насколько вы были близки? Понимали друг друга с полуслова, со взгляда или так, хи-хи, ха-ха, улыбочки, шуточки на гормональном уровне?

Мне это важно. Вы дышали одним дыханием или были настолько молоды и неопытны, что за вечными насмешками и иронией скрывали даже от самих себя подлинность ваших отношений? Или вообще, «отношение» было только с твоей стороны? Мне многое нужно понять.

У нее теперь не спросишь, раньше как-то не до того было, теперь, теперь невозможно по причине наличия ее отсутствия.

И у тебя тоже теперь спросить не получается. Ты перестал выходить на связь. Может, так и надо. Может быть.

Только знай, сынок. Мне тебя очень не хватает. Я скучаю по тебе.

Ты больше не являешься, даже не снишься ночами. По-своему, это даже благородно с твоей стороны.

Наверное, ты прав. Так и надо. Каждому свое.

Я выздоровел, сынок! Окончательно!».

Перед выходом с кладбища, уже почти у центральных ворот асфальтовая дорога делает небольшой подъем. Здесь, чуть справа от центральной линии, для посетителей организована небольшая площадка для отдыха. Многие здесь сидят на скамеечках, в ожидании автобуса. Или просто собираются с силами, перед тем, как покинуть оставленных здесь родных и близких.

В тот день Шагин и Лида, не сговариваясь, свернули на площадку, присели на одну из свободных скамеек.

Долго молчали.

— Мистраль! — неожиданно тихо сказала Лида.

— Что-о!?! — потрясенно переспросил Шагин.

— Мистраль. Ветер. Раз в год прилетает к ним с Адриатического моря.

Шагин, нахмурившись, напряженно всматривался в лицо жены. Ее светлые волосы с заметной проседью и в самом деле слегка шевелил легкий ветер.

Валерий Шагин не ощущал никакого ветра. В воздухе не было ни малейшего движения. Он сбоку смотрел на жену, будто видел ее впервые.

Автору можно написать:

e-mail: aserg251@yandex.ru

Автора можно поблагодарить, положив на его счёт:

Сбербанк России. Мещанское отделение. 7811/0706

Счет - 42307.810.3.3809.1401049

или на номер телефона:

89152448889

любую посильную вам сумму.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!